ISSN 0132-862X

4
1994

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СВЯТОЙ АПОСТОЛ И ЕВАНГЕЛИСТ ИОАНН БОГОСЛОВ С УЧЕНИКОМ ПРОХОРОМ

Икона XV века

1994 · 4

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор-председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОПОВЕДЬ

Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский ВЛАДИМИР. Слово о радости и труде покаяния 2

Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)

Слово в Неделю 4-ю Великого поста. (К перенесению святых мощей Святейшего Патриарха Тихона) 14

"Господи, имя Тебе – Сила, подкрепи же всех нас, изнемогающих и падающих" . . 18

Протоиерей Александр ШМЕМАН. Вербное воскресенье 21

Епископ Шлиссельбургский ГРИГОРИЙ (Лебедев). С Ним пострадаешь, с Ним и прославишься 23

БОГОСЛОВИЕ

Протоиерей Александр ШАРГУНОВ. Меч херувимский. (Догмат в христианской жизни). . 24

А. Ч. Благовещение 32

Л. КОЛОДЯЖНАЯ. "Душа, причастная Небес..." 33

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Иеромонах ФИЛИПП. Памятный день (вечер в МДА, посвященный памяти митрополита ФИЛАРЕТА (Дроздова) и Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ I) 34

СЛОВО Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II на Филаретовском вечере в Московской Духовной Академии 14 декабря 1993 года 35

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Н. И. ЕФРЕМОВА. Из хроники "ограбления века" 38

Епископ Армянской Апостольской Церкви ГЕОРГЯН (Паргев). В борьбе за существование . 45

ПАСТЫРЬ И ПАСТВА

Протопресвитер М. ПОЛЬСКИЙ. Протоиерей Иоанн Восторгов 57

Протоиерей Иоанн ВОСТОРГОВ. Подвижничество и монашество 60

Из истории монастырей

Виктор АФАНАСЬЕВ. Житница жизни. Козельская Введенская Оптина пустынь и ее великие старцы 65

Протоиерей Михаил ЧЕЛЬЦОВ. Православное пастырство и общественная деятельность 96

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

А. Б. СВЕНЦИЦКИЙ. Воспоминания московского прихожанина *(продолжение)* 111

ДА БУДУТ ВСЕ ЕДИНО

Н. ЗАБОЛОТСКИЙ. Да будут все едино 128

А. ТОЛСТИКОВ. Награда священнику 138

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Л. ВЛАДЫШЕВСКАЯ. Памяти архиепископа Саратовского и Вольского Пимена . . . 139

Слово о радости и труде покаяния

Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. (2 Пет. 3, 9)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Радость и покаяние. Сколь отдаленными кажутся на первый взгляд эти понятия!..

Когда святой Иоанн Креститель проповедовал покаяние, отовсюду к нему спешили толпы людей. Почему так торопились все эти люди? Ведь они шли не на праздник, а на стыд: склонить головы, обнажить свои пороки перед суровым пустынником. Казалось бы, куда лучше остаться дома, жить среди привычных будней и развлечений. Но нет! Многие тысячи людей устремились на зов Предтечи Господня. Их звала к себе высокая радость покаяния.

Грешные, падшие, преступные люди жаждали крещения Иоаннова. Со слезами радости открывали они великому пророку язвы душ своих и погружались в воды священной реки. Так замаранный болотной тиной спешит омыться в чистом источнике. Так раб при первой возможности сбрасывает со своих плеч постылый груз. Так больной, покрытый коростой и гноем, принимает от врача целебную мазь. Освобождение от цепей сатанинских обещало покаяние. Встречу с Господом Милующим предвещало оно покаявшимся грешникам.

...Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное (Мф. 3, 2; 4, 17) – так взывал Предтеча Господень, так возвестил Сын Божий, о том же ныне возглашает песнь церковная. Миру, в котором властвовали мерзость и насилие, ложь и смерть, открылось Царство добра и справедливости. И так мало требуется от падших людей, чтобы войти в это вечное Царство! Неоплатна вина наша перед Богом Правосудным, но нам не сказано: "Искупите". Сказано только: "Покайтесь". Какое легкое, для каждого исполнимое условие и какая величайшая награда от Всевышнего!

Бог есть Свет, и нет в Нем никакой тьмы (1 Ин. 1, 5). Греховный мрак, в который совратилось человечество, стал непроходимой стеной между людьми и Пресветлым Создателем. Но спасающей Премудростью Божией, всепрощающей Любовью Господней даровано нам покаяние – лествица, по которой мы можем вернуться в Отчее Царствие.

Радость покаяния! Радость очищенных! Радость помилованных! Радость освобожденных! Радость прощенных! Радость приговоренных к смерти и воскресающих к Вечной жизни!

Злой терзается собственной злобой. Обманщик бьется в сетях собственной лжи. Осквернённый задыхается от собственного смрада. По слову преподобного Ефрема Сирина, "если бы не было покаяния, давно бы погиб род человеческий". Но покаяние дарует нам доброту и чистоту, познание истины и любовь Божественную. В праздничных одеждах, обновленными, освященными, светло украшенными предстают души тех, кто совершил покаянный труд.

Небесное пиршество, Небесное торжество, Небесное празднество – вот что такое покаяние. *...На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 7), – говорит Господь.

Да, Вселюбящий Бог хочет спасения каждому созданию Своему. Радуются земные матери, услышав крик родившегося ребенка. Такова же радость Божия, когда в покаянных слезах возрождается для вечности Его дитя – человек.

И Ангелы торжествуют, видя, как из комка глины, из злого двуногого животного через покаяние рождается им новый собрат. Духи добра и света – Ангелы сорадуются счастью восставшей из праха души человеческой.

Мы тоскуем подчас о юных годах своих и

то время называем "золотым детством". Вспомним же об истинно золотой юности человечества, еще не соблазненного коварным змием, еще не падшего. И так мы поймем: покаянные слезы – это то, что осталось нам от райского счастья, от первобытной невинности, когда люди еще были любящими детьми Всещедрого Бога. Горька утрата, но живоносна тоска об утраченном. Вознесем же к Небесному Отцу чистый младенческий плач, возвращающий нас к райскому состоянию.

В покаянии – сила Божия, оно всемогуще. Как бы низко ни пал человек, какие бы страшные дела ни совершил, в каких бы мерзостях ни погряз, его, кающегося, восставит рука Спасителя. Верен Господь, обещавший: *Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю* (Ис. 1, 18).

Покаемся! И все наши заботы и беды, проступки и преступления, все, что тяготит и мучает нас, – все это исчезнет без следа. Стихнут метели скорбей, растают ледники злобы под лучами Солнца Правды. Все покроет и всех обоймет Любовь Небесного Отца, зовущего нас к покаянию и спасению.

Но увы! Чаще всего мы прислушиваемся не к зову Отчему, а к зазыванию вражию, к лукавству мирских соблазнов. Разудалым хороводом кружатся несчастные люди над бездной, и хохочет над ними "отец лжи", тайный дирижер этой пляски смерти. Беспощаден враг–человекоубийца: нет спасения тем, кто не разгадает его коварства, не успеет покаяться и обратиться ко Господу Человеколюбцу.

ОБМАНЩИКИ ПРЕУСПЕВАЮТ ВО ЗЛЕ
(2 Тим. 2, 16)

Мы живем в мире кривых зеркал и поддельных ценностей. Здесь черное называют белым, злое – добрым, безобразное – прекрасным, гнусное – великим. Здесь клевещут на высшие чувства: именуя любовью нечистоту, почитая мудростью безумное противление Создателю. Соблазном дышат изящные искусства и философские теории, уподобляющиеся зазывалам публичных домов. Здесь людей приучают гордиться пороками и скрывать добрые движения души. Нажива и комфорт, чревоугодие и блуд, жестокость и тщеславие – вот идолища века сего: *Гортань их – открытый гроб... яд аспидов на губах их* (Рим. 3, 13). Пропагандой всевозможной мерзости наполняются телеэкраны, книги, газеты. С детства человеческую душу начинает орошать этот мутный ливень, цель которого – взрастить змеиный посев, семя первородного греха. Вселенская злоба стремится превратить нас в нравственных калек, сынов погибели, обреченных адскому пламени.

Сыны Света *знают, что они от Бога и что весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19). Христианам известно, кто главный "пропагандист и агитатор" греховных страстей – это сатана. И сущность диавольского замысла ясна Богопросвещенному разуму святых отцов.

Так, святитель Феофан Затворник поучает: "Поставь грех в отношении к диаволу и смотри, какого безобразного друга и деспота ты приобретаешь грехом. У диавола спор с Богом. Он как бы говорит Ему – Всещедрому: Ты все им даешь, но они отступают от воли Твоей; я же ничего не даю, но они мне одному работают с такой неутомимостью. Он льстец. Теперь ввергая в грехи, обещает за них некоторую сладость, а там их же со злобною насмешкою будет выставлять в обличение наше, если не покаемся. Он трясется от злобной радости, если кто попадется в его руки. Помяни все сие, авось почувствуешь и сам неприязнь к сему ненавистнику нашему и делу его в нас – греху".

А преподобный Ефрем Сирин восклицает: "Долго ли будешь терпеть нечистого врага своего, бесстыдно выполняя волю его? Он хочет ввергнуть тебя в огнь. Вот о чем его старание! Вот дар его тем, которые любят его! Он воюет со всеми людьми, поражая их худыми и нечистыми пожеланиями – и он же, скверный, покорившихся ему доводит до отчаяния, ожесточает сердце, иссушает слезы, чтобы грешник не пришел в сокрушение. Всемерно отвращайся от него, человек, питая ненависть и омерзение к тому, что ему любезно".

Под растление современного мира слуги сатаны подвели "научно–философскую базу". Это фрейдизм – откровенная идеология бесстыдства, крайнее извращение нравственных истин, квинтэссенция бесовской лжи. "Поэтизируя" кровосмешение, "легализируя" чудовищные гнусности, Фрейд советовал даже заглушать в себе чувство обоняния – чтобы телесное зловоние не мешало пожирать адс–

кие лакомства. Дела, которые у любого нормального человека вызывают нравственную тошноту, Фрейд объявил "законными", "необходимыми для психического здоровья человека". Невежды ставят в заслугу этому лжепсихологу исследование "области подсознательного", в которой Фрейд якобы явился первооткрывателем. На самом деле нового здесь нет ничего. Фрейд только подменяет понятия. Жестокая реальность, по поводу которой он умствует, с незапамятных времен известна Церкви Божией.

Что же в действительности представляет собой "подсознание", которое Фрейд призывает "освободить"? В глубине человеческой души таятся отравленные темные воды первородного греха: к ним приражаются и в них обитают демоны. Мы же так падки на всякую нечистоту и непотребство! Вот почему Пречистый Господь не может принять нас к Себе, пока мы не очистимся. Это "подсознание" — наш внутренний ад. Оно стремится заполнить все наше существо, а потом и вырваться наружу. Время от времени общество ужасают слухи о маньяках, до поры ведших приличную жизнь и внезапно начинающих совершать жуткие злодейства. Вот так проявляется вовне "сфера подсознательного", которой Фрейд предлагал дать полную свободу. Сам этот психиатр-сатанист кончил самоубийством, тщетно пытаясь скрыться в "ничто" от гнева Божия. Его теория продолжает пропагандироваться, готовя миру участь Содома и Гоморры.

Внутренняя духовная порча человека сочетается с соблазнами лежащего во зле мира. Каждого из нас манят к себе бесовские ловушки; "лужайки" запрещенных от Бога удовольствий. Это болота греха: сверху — зеленая травка, цветочки и ягодки, а под ними — засасывающая трясина, где поджидают новых жертв прожорливые чудовища.

Ступив на такую опасную "лужайку", человек шаг за шагом вязнет в болоте: от единичного греха — к пороку, от порока — к страсти, жалким рабом которой он становится. Из этого гибельного плена несчастный уже не вырвется, если Милостивый Господь не пошлет ему суровых, но спасительных вразумлений. Опомниться в глубине нравственного падения человек способен только через скорби, болезни, бедствия. Гнойники и опухоли души, возникающие от порочной жизни, требуют резания, прижигания каленым железом. Но счастлив тот, кто вовремя опомнился и с благодарностью принял помощь Небесного Врача — ему еще не поздно спастись.

Горе тому, кто погряз в трясине порока и отталкивает руку Спасителя, твердя: "Мне и здесь хорошо! Мне и здесь приятно и мягко!" Грехолюбец не хочет понять, что болотная жижа скоро сомкнется над его головой и свирепые демоны начнут терзать его вечно длящейся пыткой.

Господь никого не спасает насильно. И поистине плачевно видеть самодовольных грешников, внешне процветающих, пресыщающихся земными благами, вызывающих зависть у невежд. Горше горечи участь этих погибших — духовных мертвецов, покинутых Всевышним.

"Когда не осталось в содомлянах искры покаяния, по суду Божию они стали добычей огня", — говорит преподобный Макарий Великий. Ужас духовной слепоты, ужас упрямой нераскаянности да не постигнет нас среди беззаконий наших. Пока щадит нас Долготерпеливый Господь, еще не поздно нам пощадить самих себя — пролив теплые слезы покаяния, стать чужими бесу и родными Богу Вселюбящему.

ИСПЫТАЕМ И ИССЛЕДУЕМ ПУТИ СВОИ (Плач. 3, 40)

Зрение своих грехов есть дар духовный, милость человеку от Господа. Житейская пыль слой за слоем оседает на зеркале нашей совести, и уже не собственную душу, а некий призрак мы видим в этом туманном стекле. Тщеславные слепцы, мы настолько сроднились со своими пороками, что только умиляемся, когда из нашего сердца выползают "симпатичные скорпиончики" и "изящные гадючки". Нравственное зловоние наших дел и мыслей кажется нам "французскими духами". Медяки нашего тщеславия мы принимаем за золото добродетелей. Мы смотримся в радужные мыльные пузыри своего самолюбия и любуемся фальшивыми нашими достоинствами. Но мыльный пузырь лопнет — и что тогда? Человек может обмануть самого себя, но как солжет он перед Господом Сердцеведцем?

От сплетников и сквернословов, пьяниц и любодеев приходится слышать наивный вопрос: "А в чем мне каяться?" Так глубоко вко-

реняется в человеческую душу мерзость самооправдания.

Самодовольный грешник подобен собаке, которая лижет острый нож. Неразумная тварь не понимает, что ранит и калечит себя. Собака упивается собственной кровью – ей вкусно и сладко. А затем приходит жестокая боль.

Если нет на совести явных злодеяний, люди уже почитают себя хорошими. "Не украл, не убил, чего же еще?" – вопрошают они. Но не уголовным кодексом измеряется Правда Божия. Разве не обкрадываем, не убиваем мы души ближних раздражением и гневом, осуждением и клеветой?! Разве не обворовываем, не губим мы собственные души – услаждаясь ядом порока, тщеславия и гордыни?!

И человек, чье поведение внешне безукоризненно, может оказаться *крашеным гробом* с мерзостным содержимым. Пусть не в делах, но в мыслях и чувствах своих лицемер предается пороку. Воображение рисует перед ним картины сладострастия, роскоши, торжества его зависти, мстительности, честолюбия. Человек, развративший таким образом свою душу, при случае способен на любое преступление. Такими были иудейские фарисеи, распявшие Господа нашего Иисуса Христа. "Фарисейская закваска" – склонность к грязной "мечтательности" при показном благочестии – есть в каждом из нас.

Святой апостол Иоанн Богослов свидетельствует: *Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас* (1 Ин. 1, 8). Это утверждает любимый ученик Спасителя, с юности хранивший чистоту сердца, совершавший великие подвиги и чудеса. Первородный грех исказил человеческую природу, его тень падает даже на святых, потому они смиренно почитали себя "последними из грешников". И в опаснейшем, в душепагубном состоянии находятся те, кто думает о себе: "Мне не в чем каяться". Каждый человек – ложь перед Пречистым Богом, каждый нуждается в покаянии и прощении.

Господь испытывает сердца. От Него не спрячешься ни в ночной темноте, ни в закоулках своего сознания. Мы красуемся перед собой и людьми, нам хочется казаться хорошими и добрыми. Но Всеправедный Создатель требует от нас НЕ КАЗАТЬСЯ, А БЫТЬ прекрасными.

Не в мыльные пузыри собственных жалких умствований должны глядеться мы, испытывая себя, но в строгое чистейшее зеркало Закона Божия. Заповеди, данные нам Всевышним, просты и ясны: тут нет места вывертам лукавого рассудка. Каждый поступок, каждое слово, каждый помысел свой должен судить христианин беспристрастным судом высшей справедливости.

Кое-кто пытается извинить свое беззаконие, заявляя: "Я не хуже других – все вокруг так делают". Что ж, в аду достаточно места для всех духовных самоубийц. Безумна ссылка на "общественное мнение" падшего мира, представляющее собой лесть бесовскую. Порок времени, обществ, государств является губительнейшим из соблазнов. Именно грехи общие, которые творят "все вокруг", – они-то и переполняют чашу гнева Господня. Такими преступлениями вызваны воды всемирного потопа, огненный дождь на Содом и Гоморру, крушение могучих держав. Соучастие в "грехе времени" – не оправдание, а страшное усугубление нашей вины.

Многие считают свои прегрешения "легкими, простительными грешками". Откуда человеку знать, что легко, а что тяжело на весах вечности? Всякое пятно на нашей душе может нести с собою смерть. Святые отцы говорили: не все ли равно погибшему, кто умертвил его – огромный лев или маленький скорпион?

Не совершая явных грехов, мы уже почитаем себя праведниками. Между тем то худое словечко срывается с губ, то скверная мыслишка закрадывается в ум, то недобрым чувством вспыхивает сердце. Такие дозы яда, накапливаясь, могут отравить душу, если их вовремя не выбросить вон. Но самое страшное даже не в этом, а в самолюбовании мнимого праведника, доводящем его до демонской гордыни.

Чем гордиться человеку? Все наши добрые дела замешаны на грехе тщеславия. Все наши высокие порывы осквернены блужданиями ума в нечистых пожеланиях и мечтаниях. Как ничтожен любой человек в сравнении с Всесовершенным! Как бесконечно далеки мы от Небесного Отца! И только всепрощение Божие может вознести и возвеличить нас. Но нет прощения тому, кто не желает видеть своей виновности.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) гово-

рит: "Страшно не признать себя грешником! От не признающего себя грешником отрекается Иисус. *"Ибо Я пришел призвать не праведников,* – говорит Он, *– но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13).

Все святые считали себя недостойными Бога – этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении.

Все самообольщенные считали себя достойными Бога – этим они явили объявшую их души гордость и бесовскую прелесть.

Блаженна душа, которая осознала себя вполне недостойною Бога, которая осудила себя как окаянную и грешную! Она – на пути спасения, в ней нет самообольщения.

Не наследовал я покаяния, потому что не вижу греха моего. Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом и позволяющий себе вкушения его – хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца".

Всякий грех гнусен сам по себе. Мы должны почувствовать, что под его красочной упаковкой – тошнотворная слизь и трупная вонь. Мы должны понять, что под его сладенькой оболочкой – смертельный яд. Мы должны расслышать за ласковыми нашептываниями соблазна жуткую поступь диавола – он идет убивать нас, жаждет насладиться нашими стонами и воплями, истязая нас в кошмарной преисподней. Мы должны увидеть в грехе своего врага, испытать перед ним омерзение и ужаснуться его. Тогда Господь сподобит нас благодатного дара – зрения грехов наших, открывающего перед нами путь покаяния.

ВСТАНЬ, СПЯЩИЙ, И ВОСКРЕСНИ ИЗ МЕРТВЫХ (Еф. 5, 14)

Пробуждение от греховного сна – вторая ступень на Небесной лествице покаянного труда. Бывает так, что человек видит непотребство своей жизни, сознает нужду в исправлении – и все же не восстает из греха своего. Он похож на упрямого ленивца в рушащемся доме. Началось землетрясение, трескаются стены, вот-вот на голову несчастного обвалится потолок – а он только поворачивается с боку на бок, не желая проснуться даже от ощущения грозной опасности. Кто виноват, если его жилище станет ему могилой? Не лежать, а бежать из сатанинского плена должен человек, разгадавший коварство вражие.

Житейской суетой, множеством мелких забот опутывает падший мир прозревшую душу. Круговорот земных нужд отвлекает человека от вечного, единственно насущного. "Это надо сделать и того не упустить, к завтрашнему дню подготовиться и на будущее запастись", – думает он, и забывает о Боге. Печалясь о нуждах тела, не жалеет он свою бессмертную душу.

Где разум у того, кто откладывает дело спасения на завтра и послезавтра, а то и на старость свою? Или он не видел никогда, как смерть внезапно настигает людей в расцвете здоровья и сил? Никакого "завтра" может и не быть у тех, кто искушает и оскорбляет долготерпение Божие. Как дерзает грешник умножать беззакония, и притом думать, что Правосудный Бог все равно даст ему время покаяться и удостоит прощения? Митрополит Филарет Московский говорит: "Кающийся и надеющийся прославляет бесконечное милосердие Божие; надеющийся и не кающийся хулит Бога, представляя Его покровителем зла". А по слову святителя Тихона Задонского, "согрешить – дело человеческое, но во грехе быть и лежать – диавольское".

Иной знает за собой множество греховных привычек, и у него опускаются руки при мысли, что придется превозмогать все это, разгребать завалы собственных нечистот. Да, нелегкий и многоболезненный труд предстоит ему. Сатана неохотно выпускает из когтей человека, который долго рабствовал греху. Кровавый пот и горчайшие слезы проливает тот, кто свергает с себя демонские цепи, возвращаясь к Отцу Небесному. Но не сам ли грешник виноват в том, что угодил в жестокие оковы? Надо бороться, терпеть и мужаться. Ради избавления от телесных болезней люди идут на хирургические операции, хотя знают – это кровь и страдания. На такое решаются ради сохранения временной жизни. Так пугаться ли боли, через которую человек обретает бессмертие?

Укоренившаяся страсть пронизывает собою всю душу человека так, что грех кажется неисцелимым. Но невозможное человекам возможно Богу (ср.: Мф. 19, 26). Навстречу благодатной помощи Господней должен грешник простирать свою волю и упорно рас-

шатывать корни смертоносного дерева. Сражающийся со своею страстью может упасть: но после каждого падения надо вставать и продолжать битву. Враг нашего спасения боится яркого света; в числе сильнейших средств против него – частая исповедь. Святитель Игнатий (Брянчанинов) учит: "Кто исповедует свои грехи, от того они отступают, потому что крепятся на гордости падшего естества и не терпят обличения и позора. Телесное вожделение увядает от исповеди скорее, чем от поста и бдения. Душа того человека, который имеет обыкновение часто исповедовать свои согрешения, удерживается от них воспоминанием о предстоящей исповеди; напротив, неисповедуемые согрешения удобно повторяются, как бы совершаемые в потемках или ночью". Так, если человек искренен в борьбе с застарелым пороком, Господь призрит на его подвиг. Благодатью Божией врачуются и неисцелимые болезни.

Бывают падения глубочайшие: преступления, в отношении которых беспощадны человеческая мораль и земные законы. Осужденный людьми, терзаемый собственной совестью преступник может сказать себе: "Моя душа погибла безвозвратно". Отчаяние подобно петле, которую лжец–сатана захлестывает на шее соблазненных им людей, порождая безумцев и самоубийц. Отчаявшийся становится соучастником адской клеветы на Бога Вселюбящего.

Небесный Отец самые страшные грехи прощает людям, лишь бы они через покаяние вернулись в Любовь Отчую. Недаром в Евангелии ярко высвечены примеры тех, кто восстал к Правде Божией из крайнего нравственного падения: примеры корыстолюбца–мытаря, блудницы, разбойника. Существует богословское мнение, что даже Иуда–предатель был бы прощен Божественным Учителем, если бы не удавился от отчаяния, а нашел в себе силы омыться покаянными слезами. Океан Милосердия Господня без следа растворяет в себе и песчинки будничных грехов, и глыбы преступлений – лишь бы всем сердцем искал возрождения грешник. "Имеет меру злоба твоя, но врачевство против нее не имеет меры. Порок человеческий имеет предел, а Человеколюбие Божие беспредельно", – говорит святитель Иоанн Златоуст.

Грех гнусен, но истинно страшна нераскаянность: именно она убивает души. Легче опомниться, легче спастись тому, кто совершил ужасное деяние, чем лукавящему со своею совестью, тайно лелеющему "стыдную" страстишку. По слову святоотеческому, "сатана извратил нравственный порядок: греху он дал дерзость, а покаянию – стыд". От духовника, а порою и от самого себя человек старательно прячет свой главный порок – первейшую из змей, которая отравляет и обескровливает его сердце. Но, если не выявить главного врага, не одержать победы над "излюбленной" гадюкой своего внутреннего мира, борьба с остальными грехами становится малорезультативной.

Мы лежим во грехе, как во гробе. Души наши в смраде беззакония разлагаются заживо. Пороки, словно клубок змей, гнездятся в наших сердцах. Счастлив тот, кто вовремя очнется от духовной смерти, повинуясь зову Любвеобильного Господа: *Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос* (Еф. 5, 14). Не так много нужно для этого: близок Спаситель к желающему спастись.

ПЕЧАЛЬ РАДИ БОГА – ПОКАЯНИЕ КО СПАСЕНИЮ (2 Кор. 7, 10)

Сокрушение сердца – еще один шаг, приближающий нас к Иисусу Сладчайшему. Не свещница святой любви, а комок огрубевшей плоти скрыт в нашей груди. Демоны работают над нашим сердцем, как штукатуры, – слой за слоем покрывая его житейской грязью и пылью. Застаревая, грех превращает человеческое сердце в подобие камня, мертвого для высоких чувств. И только в глубине сердца теплится искра Вечной жизни, искра Божия. Чтобы освободить священный огонь, необходимо разрушить демонскую постройку – это и называется сокрушением сердца. Святой псалмопевец Давид свидетельствует: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

Чтобы расколоть крепкий камень, его бьют железным ломом, раскаляют на огне, поливают ледяной водой. Вот так же и жестокородие наше нужно морозить дыханием смерти, опалять адским пламенем, крушить острым стыдом перед людьми и Богом. А когда наконец исторгнется из глубины души вздох сокрушения, отогреем возрождающееся сердце наше в лучах памяти о милостях

Господних, в лучах святой любви к Отцу Небесному.

Смерть! Суд! Ад! — вот что должен помнить человек постоянно. Стремительно летит время. Нежданно обрываются судьбы. В любой миг мы можем оказаться там, где нет ни покаяния, ни надежды.

На этой земле никто не убежит от смерти. Грозен час кончины! Каждая человеческая душа знает о своей неуничтожаемости, о том, что ей придется дать ответ за земные деяния, — пусть даже она трусливо прячет это знание от самой себя. Вот почему так страшна смерть. Это крушение людского самообмана — лжи безбожия, кривизны ересей, фальши мистицизма — всех самообольщений греховного рассудка. Переступая порог смерти, жалкая душа грешника оказывается лицом к лицу с Правдой Господней — с истиной, которая запечатлена в Божественном Откровении. Мы лакомимся ядовитой клубничкой на базарах порока — жгучей оскоминой разъест она все наше существо. В наших умах резвится ветерок житейских забот — громовым эхом отзовется для легкомысленных труба архангельская. Мы гоним от себя память смертную — в урочный час это беспамятство сменится вечным позором и пагубой.

Человек бесстыден во грехе, он оболщает себя: "Не знают люди, не видит Бог". Тщетная надежда. Грядет Страшный суд Божий! Солнце Правды до дна высветит затхлые подвалы людских дел и помыслов. До мельчайших подробностей проявятся скрытые гнусности, постыдные дела и мысли тех, кто гордился внешней пристойностью, считал себя достойным уважения и восхищения. Сколько "великих и мудрых" мира сего окажутся на поверку ничтожными! *...Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано* (Мф. 10, 26). Отвратительные грехи наши откроются ближайшим и дальним, знавшим и не знавшим нас, наши пороки обнажатся перед всем человечеством. Тот, кто мнил спрятаться от Всевидящего Создателя, предстанет на позорище людям и на посмешище демонам.

Какой жуткий приговор готовит себе грешник своей нераскаянностью! Каких жутких хозяев получает, продаваясь за блестки и сласти мирских соблазнов! Мы стонем от легкого ожога — как вытерпим, когда погрузимся в мрачное адское пламя? Мы кричим от зубной боли — как вынесем, когда множеством сверлящих жал вонзятся в нас *неусыпающие черви* преисподней? Садист-диавол и палачи-демоны не знают милосердия. Стоны и вопли, жалобы и мольбы грешников вызовут в ответ только злорадный бесовский хохот. Эта жуть продлится без конца, без надежды — вечно.

Так пусть хоть страх перед вечными мучениями заставит содрогнуться наши окаменевшие сердца! Пожалеем же самих себя, хоть из чувства самосохранения разорвем сети, которыми опутал нас диавол-человекоубийца! Доколе будем рабствовать коварному врагу, отчуждаясь от Любящего Создателя?

Как милостив Небесный Отец, как легко прощает людям их беззакония! Краткий стыд на исповеди перед духовником — и вот уже нет вселенского позорища на Страшном суде, Господь предает грех наш забвению и не вспоминает вины нашей. Очищена совесть, исправлена жизнь — и вот уже сама смерть не пугает человека, превращаясь в возрождение к лучшему житию. Омылась душа покаянными слезами — и вот уже доступно для нее Царство Божие.

Страх перед вечными муками и желание вечного счастья спасительны для заблудшей души. И все же есть некая ущербность в таком положении, когда человек относится к Богу только как раб к грозному Владыке или как слуга к щедрому Повелителю. Однако и такое послушание воле Всевышнего животворно. Преподобный Макарий Великий говорит: "Внутри себя человеческая душа до такой степени связана, заключена, окружена стенами и окована духами злобы, что не может, как бы ей хотелось, любить Бога и почитать Его". Вырываясь из демонского плена ради повиновения Владыке, человек освобождает свое сердце для высочайшего из чувств: "печали по Богу", то есть сыновней любви ко Господу.

Человек может скорбеть от земных испытаний и утрат, мучиться неудовлетворенной жаждой наслаждений, страдать от несытого тщеславия. Все это — *печаль мирская, которая производит смерть* (2 Кор. 7, 10).

Но есть скорбь иная — святая, боль которой сочетается с высочайшей радостью. Так, вспоминая грехи свои, плачет человек о том, что оскорбил ими Всемилостивого, Всеблагого, Всесовершенного Бога. Так, чувствуя нечистоту свою, тоскует душа о том, что от-

далилась от Пречистого Создателя. Так заблудившийся сын, мучимый разлукой, ищет пути к любимому Небесному Отцу. Тогда радостотворным становится плач, слезы дарят человеку покой и счастье, ибо каждая пролитая слезинка приближает его к Сладчайшему Господу. И, по слову аввы Исайи Нитрийского, "как после проливного дождя воздух делается чистым — так и по пролитии слез настает тишина и ясность, а мрак греховный исчезает".

Оживает сердце, сокрушенное памятью о смерти и вечности, смирившееся перед Всевышним, согретое Небесной любовью. *...Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 10), и всеми силами стремится человек разорвать связи с низменным прошлым, отторгнуть от себя даже тень греха, чтобы воссоединиться с Господом Милующим.

ОБЛЕКИТЕСЬ ВО ВСЕОРУЖИЕ БОЖИЕ (Еф. 6, 11)

Стояние насмерть, неколебимая решимость к исправлению — на этой ступени доказывает человек свою верность Господу. Дешевы слезы, грош цена возвышенным чувствам, если они не ведут к очищению жизни нашей. Душа христианина есть храм Божий. И воин Христов призван стать на страже святыни собственной души, мужественно сразиться с врагами, хотящими осквернить его любовь к Спасителю. Не в расслабленную мечтательность, а во всеоружие Правды Божией должен облечься он, чтобы устоять.

Недаром преподобный Амвросий Оптинский замечает: "Грехи, как грецкие орехи — скорлупу расколешь, а зерно выковырять трудно". Непростое для человека дело — изменить свою злую волю на добрую. Враг хитер. Тысячи оговорок и отговорок предлагает он лукавому рассудку. Надобно отказаться от приятных, но душевредных развлечений и знакомств — но как не хочется этого делать! Надобно отвергнуть нечистые источники доходов — но как боязно за свое благосостояние. Порою требуется ломка всего привычного уклада жизни, а это уж кажется попросту страшным. Льстивые помыслы самоублажения, самосожаления, самооправдания внедряет сатана в человеческую душу, пытаясь парализовать волю к исправлению. Ум омрачается унынием и мнительностью: нам начинает казаться, что отказ от того или иного греха приведет к болезни, нищете, житейскому краху. Но стоит оставить при себе какого-нибудь "вражка" — и человек вновь скатится в прежнее греховное болото. Недаром заповедует Апостол: *...не давайте места диаволу* (Еф. 4, 27).

Нет! Не соделает нас сынами Всевышнего малодушное полупокаяние. Ложью пред Всевидящим оказывается наша теплохладная полулюбовь к Нему, если мы продолжаем заигрывать с Его врагами. Из святого Боголюбия рождается священный гнев, обращенный против гнездовья змей в наших сердцах, против соблазна и прелести бесовской — против всего, что враждебно любви. Истинный воин Христов сражается с врагом, не пугаясь ни боли, ни смерти. Святитель Феофан Затворник призывает истинно кающихся:

"Пади пред Господом и скажи: не буду! Никогда не буду грешить, хоть бы жить мне было, как ходить по иглам.

Такое безжалостное решение тотчас разгонит всю тучу смутительных помышлений и положит конец всем покушениям врага. Он бессилен бороться с теми, кои и на смерть себя определяют для последования Господу, распеншемуся за нас.

В решении сем видна тень Крестной смерти, разрушившей область вражию, и лукавый бежит от него как от огня. Тут смерть за смерть: смерть во грехе пагубная заменяется готовностью на смерть в борьбе с грехом во спасение; и вот семя новой жизни о Христе Иисусе, Господе нашем!"

Тот, кто решился насмерть противостоять греху, уже не одинок в борьбе. Да человек и не в силах сам устоять против многообразных козней диавольских, подняться над немощью своей природы — это возможно только при благодатной помощи Божией. И такая помощь даруется верным! Сам Всемогущий Господь укрепляет мужественных воинов Своих в духовной брани с духами злобы.

Чудо Божественных Таинств наделяет христианина великим могуществом. Исповедь и причастие — вот венец и награда покаянных трудов. Но увенчивает Господь лишь тех, кто на этих священных ступенях не дрогнет и не слукавит.

Чистая исповедь. Так на Святой Руси назывались беспощадное самоосуждение, неприкрытое и полное разоблачение нечистых

дел и помыслов своих, бесповоротная решимость выжечь из себя греховную скверну. Человек исповедуется пред Господом в присутствии необходимого свидетеля – священника. Так достигается смирение, так через победу над ложным стыдом перед духовником приходит спасительный стыд и страх перед совершением греха. По слову аввы Исайи Нитрийского, "тот, кто искренне открывает страстные помыслы духовным отцам, изгоняет эти помыслы. А умалчивание греховных помыслов – свидетельство искания похвал и срамной славы мира". На исповеди уже нельзя отступать. Замалчивание даже одной "особенно стыдной мелочи" вместо прощения навлекает на грешника еще большее осуждение. Еще хуже бесчувственное перечисление своих беззаконий со скрытым намерением совершать их и впредь. На таковых криводушников приходит гнев Господень, ибо это – *торговля исповедью*: поругание святыни, хула на Божественное Таинство.

А из *чистой* исповеди человек восстает духовно возродившимся, как из купели Святого Крещения. Душа его вновь становится юной и бодрой, окрыленной стремлением к добру и свету. И Сам Христос Искупитель Пречистым Телом и Кровью Своею благоволит соединиться с покаявшимся грешником. Причастием Животворящих Таин Христовых освящаются и душа и плоть человека. Все силы греха и ада не страшны тому, кто сподобился в чистом смирении вкусить от Святой Чаши, ибо с ним и в нем – Бог Всемогущий.

Уже в земной жизни Небесного счастья удостаиваются победоносные воины Господни, ниспровергшие врага своего спасения. Преподобный Макарий Великий говорит: "Не хвались никакими делами и никакими подвигами. Но, если ты сошел в самую глубь сердца своего и убил гнездящегося там змея, отравлявшего ядом все проявления жизни твоей, тогда воздай благодарение Господу". Это – блаженство освобождения от греховного ига, делающее человека живой обителью Святого Духа Утешителя.

ОБНОВИТЕСЬ ДУХОМ УМА ВАШЕГО (Еф. 4, 23)

Перемена ума, или **умопремена**, есть корневое, исходное значение слова "покаяние". Таким образом, покаяться – значит переменить ум: с лукавого – на праведный, с грешного – на святой, с земного – на Божественный. Так из ползучего червя–гусеницы рождается крылатая бабочка. Это уже новое существо: его пища – не грубая листва, а ароматный сок цветков; его облик – не уродство, а красота; его удел – не пресмыкание, а свободный полет.

Умопремена – это чудо Божие, совершающееся над человеком. Испытавший перерождение, родившийся во Христе человек всю жизнь будет гореть сердцем к внутреннему раю. Не чуть–чуть изменившимся, а совершенно иным, противоположным былому грехолюбцу становится человек с переменившимся умом. Он прозрел и увидел изнанку бесовского торжища; пестрый базар греха уже не внушает ему ничего, кроме отвращения. "Кто познал Славу Божию, тот познал горечь вражию. Кто познал стремление к Богу, тот познал ненависть к похотям мира. Кому сорадуются Ангелы в делах его, тот познал, как сорадовались ему демоны, когда он делал дела их. Итак, покаяние есть убежание от греха", – говорит авва Исайя Нитрийский.

Первородным грехом искажен разум человека. Кто, будучи в здравом уме, предпочтет пытку – радости, зло – добру, смерть – жизни? А ведь именно так поступают грехолюбцы. Покаяние возвращает человеку умственное здоровье, дарует ему опытное познание высших ценностей. Вкусивший сладость Небесного Хлеба становится равнодушен к усладам гортани и утробы. Испивший Пречистого Боголюбия отвращается от пойла любодейства. Нашедший жемчужину Царствия не погонится за денежной купюрой. Постигший Божественную Истину не даст обмануть себя хитросплетенной ложью. Поклоняющийся величию Всевышнего не увлечется низменным тщеславием, не упадет в пропасть гордыни. *...Если же ходим во свете... Кровь Иисуса Христа... очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1, 7), и *...соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6, 17).

В покаянии – сила творчества Божиего. Пало человечество, вдребезги разбило свою хрупкую изначальную красоту. Призванное одухотворить вещественный мир, оно осквернило его; предназначенное к союзу с Всевышним, поработило себя клеветнику–диаволу. С какой только грязью и гнилью не смешивалась людская глина, каким только злово-

нием не пропитывалась. Казалось бы, что делать Богу с таким непотребным мусором? Разве что вымести его весь на окраину вселенной, во мрак адский? Но нет! Осквернившееся падшее создание не лишилось Любви Создателя. За нас излита Пречистая Кровь Господня. Выкупленные такой дорогой ценой, мы можем воскреснуть к первозданной чистоте и Божественной славе. Удивительно простые средства предлагает для этого Всещедрый Творец: воды Святого Крещения, слезы покаяния.

Изменив Всемогущему Создателю, человек сделался слаб, но хоть малые силы свои должен он напрячь ради возвращения в Отчее Царствие. Возрождает грешника Господь, сам человек лишь свидетельствует добрую волю к спасению.

Совершилось чудо умопремены — и человек должен устремляться в будущее, а не оглядываться назад. Все его былые грехи — и малые и большие — по милости Божией прощены, забыты, уничтожены, их просто нет. Сомневаться в этом — значит не доверять Господу Милующему. Даже с благими намерениями, ради осознания собственного ничтожества и для смирения — все равно опасно всматриваться в изжитую нечистоту. Нельзя задерживаться над выгребной ямой прошлого, одно зловоние ее оскверняет чистоту души. Там — скользский след уползшего змея, который любым вниманием к себе может воспользоваться, чтобы вернуться вспять. Святитель Димитрий Ростовский говорит: "Нам, входящим в отверстое Небо, необходимо истребить не только греховные нравы, к которым привыкли, но даже и память о грехах необходимо искоренить в нашем уме, чтобы мы не пали мертвыми душой в окаянной пустыни нашей жизни и не лишились Небесного входа".

Достигший умопремены становится новым человеком во Христе Иисусе. Но, пока длится его земное существование, он должен быть готов к жестоким испытаниям. Демоны с усиленным коварством ополчаются на обратившихся ко Господу, с особою жадностью диавол силится пожрать чистую душу.

РОЖДЕННЫЙ ОТ БОГА ХРАНИТ СЕБЯ
(1 Ин. 5, 18)

Бдение над собой необходимо тому, кто взошел по лествице покаяния. Это высокая духовная вершина: удержаться на ней — спасительно, упасть — страшно. В этом мире нет места спокойствию, "почиванию на лаврах". Отовсюду грозят опасности, вселенская злоба только и ждет момента, чтобы вновь поглотить того, кто вырвался из-под ее власти, причем низвергнуть его в бездну еще более глубокую, чем та, в которой он пребывал до покаяния. Достаточно расслабиться, разлениться, охладеть — и во мгновение ока человек губит свою чистоту, достигнутую многими слезами и трудами. *Крепка, как смерть*, должна быть любовь к Спасителю. Только с такою крепкою, неслабеющим огнем горящей любовью можно соблюсти завет апостольский: *Рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему* (1 Ин. 5, 18).

Труд истинного покаяния непрерывен. Как о великом благе святые подвижники молились о том, чтобы уберечься от греха хотя бы на один день. Из-за человеческой немощи почти невозможно надолго сохранить ум и сердце от греховных движений. Если нет постоянной молитвенной жизни, постоянной борьбы с вражьими прилогами, частой исповеди, душа оскверняется очень быстро.

Так в земные наши жилища — как бы мы ни вытирали ноги у порога и как бы плотно ни закрывали окна — все же проникают грязь, песок, пыль с улицы. Хорошие хозяева ежедневно убирают свой дом. А что, если ждут к себе человека уважаемого и любимого, благодетеля своего? Как внимательно, как тщательно наводят добрые люди чистоту и порядок к его приходу. Все блестит, стол накрыт — ждут гостя желанного! И как приятно ему переступить порог гостеприимного дома.

О, если бы и мы так встречали Высочайшего Гостя — Духа Святого! Господь, как обещал роду христианскому, грядет в наши души — и что находит? Хорошо еще, если Он видит нас разбирающими завалы крупных грехов: понятно, простительно — идет очищение. Куда неприятнее зрелище застарелой душевной нечистоплотности!

Храмы Господни призваны мы созидать в себе. Допустима ли лень, извинительна ли небрежность в священном созидании? "А ты, человек, во всякое время помни первую радость и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты вослед Бога. ИСПЫТЫВАЙ СЕБЯ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ, чтобы горячность души твоей не охладела в ревности, воспламенившейся в тебе при начале, и чтобы не лишиться тебе оружия, в какое облечен ты в начале подвига" – так поучает преподобный Исаак Сирин идущих по пути благочестия.

Святая Церковь преподает верным два сильнейших средства для сохранения себя в чистоте, два благодатных орудия самосовершенствования: молитву и пост. Но даже к аскетическим подвигам удобно приражается самый коварный из сатанинских соблазнов. Исподволь окутав душу радужным туманом тщеславия, диавол затем прямо в сердце наносит смертельный удар – ножом гордыни. Так погибали для вечности не только обычные люди, но и могучие духом аскеты, творившие чудеса, изрекавшие пророчества.

На вершинах у человека порою кружится голова и возникает безумное желание броситься вниз. Такой жуткий прыжок с духовных высот совершают те, кто опьяняются собственными добродетелями. Падение гордеца дает ему сладостное ощущение полета: но это полет на черных крыльях демонов, влекущих несчастного в адскую бездну.

"Троерожным бесом" называет преподобный Иоанн Лествичник тщеславие, говоря о нем: "Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх". Умом и талантами, красотой и физической силой, властью и богатством кичатся суетные смертные. Можно тщеславиться чем угодно: модной одеждой и лохмотьями отшельника, пьяной "удалью" и трезвостью, разгульными ночами и молитвенными бдениями. И, если человек возгордится не греховной суетой, а истинными добродетелями, это еще страшнее для него. Сатанинское клеймо гордыни, поставленное на любом доброделании, превращает такое добро в худшее из зол. Поднявшись над грубыми телесными страстями, гордец впадает в *блуд ума*: начинает считать себя выше других людей, полагать свои добрые качества и дела личной своей заслугой, почитать себя прекрасным, возвышенным святым. У такого живая вера подменяется мертвым обрядом, внутренний святой огонь – ледяным блеском внешних дел, спасительная надежда – губительной самоуверенностью, братолюбие – презрением к людям, любовь к Богу – сладострастным самолюбованием. Гордыня превратила Денницу из светлого Архангела в гнусного сатану, соблазнила человечество на первородный грех, порождает лукавые ереси и расколы. Это состояние духовной смерти, из которой если и может быть воскресение, то только по *особой* милости Всемогущего Бога. Случаи такие исключительно редки.

Только глубоким смирением отражается этот жуткий диавольский прилог. Преподобный Арсений Великий, называвший себя "смердящим псом", преподобный Моисей Мурин, именовавший себя "черной образиной", преподобный Сисой Великий, считавший себя "и бесов гнуснейшим", – вот яркие светочи Небесного Царствия. Чем хуже думает о себе человек, тем прекраснее становится его душа. Таков кажущийся парадокс христианской истины. Однако для здравого, а не льстивого разума это представляется простой очевидностью.

Где мера нашей духовной высоты? Баскетболист может смотреть свысока на карлика, но смешно рассуждать о сантиметрах роста в виду горного кряжа, уходящего в заоблачную высь. Еще более ничтожна пылинка человеческих достоинств пред лицом Господа Всесовершенного.

У нас нет ничего своего, все – Божие. Любой человек сам по себе нищ, наг и грязен. Это Небесный Отец кормит и одевает нас, дарит нам здоровье и красоту, ум и талант, саму жизнь. Только благодатью Божией даруется нам возможность покаяния, очищения, спасения. О каких человеческих заслугах можно вообще говорить? И величайший святой – это всего–навсего помилованный грешник. Нет достойных, есть удостоенные. Как можно смотреть свысока на грешного или худоумного, если в них сокрыт святой образ Божий?! В любой миг Всевышний властен безмерно просветить и возвеличить их. Святые угодники Божии всем разумом понимали и всем сердцем чувствовали это, потому считали себя ниже всех людей, и потому житие их являлось непрестанным благодарением Создателю. И их, смирившихся, Сам Небесный Отец взращивал, возвеличивая, возводил из человеческого ничтожества к Богоподобию и Богосыновству.

Господь помогает избранникам Своим на всех путях. Это строгая помощь – через испытания, скорби, болезни, в горниле страданий выплавляется чистое золото человеческих

душ. Но то, что иные считают для себя нестерпимой бедой, благочестивые принимают с радостью: они знают, что Небесный Отец посылает им испытания к великой для них пользе — к их мужанию и возрастанию в святой любви. "Как здесь каждый возрастил крылья свои, так там воспарит в Горняя; как здесь очистил каждый ум свой, так там увидит Славу Господа; и в какой мере возлюбил Его каждый, в такой там насытится Любовию Его", — говорит преподобный Ефрем Сирин.

Из-за человеческой немощи и подвижник благочестия может ослабеть в духовной брани, впасть в тяжкий грех, как бы помимо своей воли. Подобное демонское насилие над человеком Господь попускает для того, чтобы уберечь его от худшего зла — тщеславия, смирить избранника сознанием греховности его природы. Человеческая святость заключается не в невозможности падения, а в способности души восставать из греха через покаяние. Мужественные воины Христовы не боятся вновь приступить к тяжкому покаянному труду и совершить его с самого начала, по завету святоотеческому: "Если уязвит тебя стрела лукавого врага, нимало не впадай в отчаяние — напротив того, сколько бы раз ни был ты одолеваем, не оставайся побежденным, но тотчас встань и сражайся с врагом, потому что Подвигоположник Христос всегда готов подать тебе Свою десницу и восставить тебя от падения. У скверного же врага все старание о том, чтобы ввергнуть тебя в безнадежность, как скоро падешь. Не верь ему; но если будешь и по семи раз в день падать, старайся восставать и умилостивлять Бога покаянием".

Этот урок мужества в полной мере обращен к каждому христианину. Если падаем мы, поддаваясь коварным соблазнам и нарушая данные при покаянии обеты, то нельзя самоубийственно "махать рукой" на свою бессмертную душу. Пусть снова оказались мы у подножия спасительной лествицы покаяния — как бы тяжек ни казался труд, необходимо опять приступить к такому же восхождению, уповая на милость Господню.

Но, конечно же, лучший удел избрал тот, кто стоек в борьбе с грехом, как советует преподобный Ефрем Сирин: "Однажды отрезвившись, не погружайся в опьянение, ежедневно греша: то строя, то разоряя, то сплетая, то расплетая, подобно детям, которые много раз прилежно строят свои домики и потом, опрокинув, превращают все в кучу. Ты бежал из темницы, неужто пожелаешь увидеть ее в другой раз? Кто избавился от рабства, тот молится, чтобы никогда не попадать в плен".

Дорогие во Христе братья и сестры!

Чистота сердца, достигаемая покаянием, есть основа основ христианской жизни. Без этого немыслимы истинное братолюбие и Боголюбие, безответны наши молитвы, не спасут нас добрые дела. Более того: мы можем воочию увидеть, как наши лучшие замыслы оборачиваются злодеяниями, как нашими благими намерениями "мостится дорога в ад". Дерево, чьи корни отравлены горечью, не способно принести сладких плодов. Человек, осквернённый пороками и страстями, не способен принести добро ни себе, ни тем более другим.

Многие люди, чей ум омрачен понятиями падшего мира, наперебой "спешат делать добро". Литератор с изощренным мастерством пишет соблазнительную книгу. Философ, блистая игрой терминов, выводит кощунственную теорию. Правитель развращает народ вседозволенностью. Все они считают, что служат "высоким идеалам гуманизма — истине, добру и красоте". Общество называет их гениями, благодетелями человечества. На самом же деле эти люди — злые безумцы.

Среди русских вольнодумцев и революционеров всех мастей, включая большевиков, было множество таких, кто всерьез желал "послужить родному народу" и даже выстроить "светлое будущее всего человечества". Труды этих "героев и подвижников от сатаны" стоили России десятков миллионов жизней, из-за таких "благодетелей" русский народ стоит сейчас на грани государственного и экономического краха и физического вымирания.

Не таковы деяния тех, кто совершает их с чистым Боголюбивым сердцем. Десятки лет преподобный Серафим Саровский в уединении предавался покаянию, посту и молитве и лишь потом вышел на краткое общественное служение — но весь русский народ Божий устремился к духоносному старцу в чаянии его спасительной помощи. Видящим сокровенный смысл истории ясно, что преподобный Серафим явился духовным стержнем России XIX века. Это он вымолил для Отечества благочестивых царей, это Всероссийский молитвенник на целое столетие отодвинул от стра-

ны, подточенной западным "чужебесием", близящуюся катастрофу. Вот лишь один пример из множества подобных, неисчислимых в истории Церкви Христовой.

Взошедший по лестнице покаяния, отрекшийся от греховной скверны, пребывающий в мыслях и молитвах о Господе человек несет в себе и распространяет вокруг себя мир, радость, свет. Чистою любовью полнится его сердце, ею согревается каждый ближний его. Не с натугой и страстью, не из тщеславия, не напоказ совершает он добрые дела. Для него это так же естественно, как дышать: ведь доброделание уже исходит из сущности человека, из чистого его сердца. Не грехолюбивая плоть, а Боголюбивая душа определяет его мысли и поступки. Он творит истинное добро и в малом и в великом, ибо не жалкий рассудок, а Бог Промыслитель – его Советник. Он смиренен, ибо не свою волю вершит, но чувствует себя лишь орудием Небесного Отца, просвещающего мир. Никакая скорбь и болезнь не страшны ему, ибо он покоится в Любви Отчей. Таковы покаявшиеся, очистившие сердце свое: они – *соль земли* и *свет миру* (Мф. 5, 13–14).

Да сподобит Господь и нас, недостойных, омовения в купели спасительных слез, да познаем и мы высокую радость покаяния. Нет в этом мире счастья большего, ибо, по слову преподобного Ефрема Сирина, "покаяние воскрешает из мертвых. Берет оно грешных и делает их праведными. Вчера были мертвы, а сегодня они живы для Бога покаянием; вчера были чужие, а сегодня близкие Богу". *Аминь.*

ВЛАДИМИР, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский

Слово в Неделю 4-ю Великого поста

(К перенесению святых мощей Святейшего Патриарха Тихона)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Четвертое воскресенье Великого поста Церковь Христова посвящает памяти преподобного Иоанна Лествичника, или, как его еще называют, "списателя" Лествицы. В этом установлении Церкви виден глубокий смысл. Ведь пост всецело связан с покаянием.

Но что значит покаяться?

Разве только перечислить свои грехи и сказать – грешен?

Нет! Для покаяния этого слишком мало. Покаяться – это значит переменить грешные мысли и чувства, исправиться, стать другим. Хорошо осознать свои грехи, почувствовать тяжесть грехопадения, но взамен осквернённой жизни, изглаживаемой Господом Иисусом Христом в покаянии, нужно начать создавать новую жизнь, жизнь по духу Христову. Необходимо возрастание, духовное восхождение "от силы в силу" как бы по ступеням лестницы.

Преподобный Иоанн Лествичник оставил нам дивное сочинение под названием "Лествица", в котором содержится учение о восхождении ко Господу.

По указанию "Лествицы" христианское возрастание и преуспеяние достигается через подвиги. Если со стороны Господа подается человеку на пути к Царству Божию благодать, то со стороны человека требуются самоотвержение и труд.

"Лествица" состоит из тридцати слов (глав), как бы ступеней, – по числу лет Господа Иисуса Христа до вступления Его на проповедь.

Первой ступенью преподобный полагает отречение от земных пристрастий. Затем следуют: бесстрастие, странническая жизнь, послушание, покаяние, память о смерти, плач, кротость. Далее раскрываются страсти и прочие греховные состояния, даются указания для борьбы с ними.

Потом изображается путь добродетелей, матерью которых является "священная и блаженная" молитва.

А увенчивается "Лествица" союзом трех

Произнесено в 1992 году.

добродетелей — веры, надежды и любви.

Сделаем краткое обозрение жизни преподобного "списателя".

Святой Иоанн Лествичник жил в шестом веке. Он получил хорошее образование, но оставил мир и шестнадцатилетним юношей вступил в Синайскую обитель, где на двадцатом году жизни был пострижен в монашество старцем Мартирием.

Святой Иоанн прожил в полном послушании своему старцу девятнадцать лет.

Жизнеописатель преподобного Иоанна раифский монах Даниил говорит, что святой Иоанн, будучи шестнадцатилетним юношей, телом взошел на Синайскую гору, а душой — на гору Небесную. По смерти старца святой Иоанн удалился в Синайскую пустынь Фола и здесь в великих подвигах, в непрестанной молитве подвизался сорок лет в глубоком сокрушении сердца и плаче. Местом его подвигов была тесная пещера, которую называли слезоточной. Сюда преподобный удалился из общежития для того, чтобы иноки не слышали его рыданий, а рыдания его и вопли были очень сильны. Пост, молитва, слезы, безмолвие, писание книг — вот в чем состояла преподобническая жизнь святого Иоанна. Каждую субботу и воскресенье он приходил в обитель для молитвы за богослужением, для приобщения Святых Таин и беседы с отцами.

После сорокалетнего жития в подвигах преподобного Иоанна избрали игуменом Синайской обители.

Избрание это было предуказано свыше уже давно. Когда старец Мартирий пришел однажды со своим учеником, тогда еще юношей, Иоанном к Анастасию Великому, то услышал от аввы Анастасия вопрос: "Откуда этот отрок и кто постриг его?" Мартирий отвечал: "Он раб твой, отче, и я постриг его". Тогда говорит Анастасий: "Кто бы мог подумать, что ты постриг игумена Синайского?" В другой раз авва Мартирий с Иоанном отправились к великому Иоанну Савваиту. Последний встал, налил воды, умыл ноги Иоанну и поцеловал его руку.

Когда ученик Савваита Стефан спросил своего старца, почему он так сделал, тот ответил: "Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену".

Жизнь самого преподобного Иоанна была поистине лествицей.

Преподобный на опыте знал подлинную духовную жизнь и потому по просьбе раифского игумена Иоанна написал "Лествицу".

Не правда ли, братия и сестры, что творение, в коем содержатся такие редкие духовные опыты и такие превосходные душеспасительные советы, стоит того, чтобы обратить на него внимание и прочесть его, хотя из любознательности, в сии дни поста и покаяния?

Кто может сделать это и не сделает, тот накажет сам себя, ибо лишит душу свою пищи самой здоровой и сладкой.

Дорогие мои, в нынешний воскресный день в стольном граде России — Москве совершается и еще одно велие торжество и немалое событие в духовной жизни многострадальной Родины нашей.

Дадеся Православной Руси на всеобщее поклонение, как живой пример верности Богу даже до смерти, мощи Святейшего святаго Патриарха Московского и всея Руси ТИХОНА.

Шестьдесят семь лет тому назад, в день Святого Благовещения, завершился его жизненный путь. Завершилось семилетнее Патриаршество Святителя Тихона, по сути ставшее для него непрестанным крестным путем и Голгофой и воссиявшее ныне очевидной для всего мира святостью.

Сегодня в Москве, завершая Собор русского епископата, происходит перенесение мощей святого Патриарха Тихона с места их захоронения и сохранения под спудом в Большой собор Донского монастыря.

Приди, россиянин, и виждь, и поклонись, и низадийся, и укрепляйся от силы духа того, кто, пребывая во гробе, получил от Бога силу и власть помогать живущим! Поучимся же посредством нынешнего события в законе Божием, чтобы вечно жить в Боге и Богом.

Аще не Господь созиждет дом, всуе труждаются зиждущие; аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий (Пс. 126, 1).

Всуе трудились 75 лет строители новой России, вступив на путь богоборчества (строители Вавилонской башни не стали для них примером).

Всуе уничтожали они всякое проявление духовности и святости, скрывая под землей и в водах, в клевете и во лжи и во всякой неправде носителей сих Божиих дарований.

И как солнце, проходя скверные места,

не оскверняется, так и сии светила Божии восстают чистыми и отражают сияние вечного Солнца — Бога.

Из-под спуда во время благопотребное извлекает Господь эти чистые, благоухающие свечи и возжигает их на церковной свещнице России.

Одиннадцатый Всероссийский Патриарх, Тихон, в тяжелые смутные дни скорби принял на себя от Бога подвиг вещать русским людям слово истины и любви. Вместе со всем народом страдал и плакал Патриарх над поруганной Родиной. "Отречемся от старого мира и построим земной рай — без Бога, без христианской совести, без послушания заветам предков — провозглашали новые правители, — а кто не захочет нашего земного рая, кто не поверит в нас, не примет нашей веры — того уничтожим".

И вот такой страшной программе противостоял святой Патриарх Тихон, семь с половиной лет он делал дело Божие, терпя поругание, насилие, не раз готовый принять мученическую кончину от злоумышленной руки.

Святой Патриарх в отличие от злобного духа, господствовавшего в те дни, оставался олицетворением кротости, доброты и сердечности.

Современники единодушно признавали его молитвенником народным и Старцем всея Руси. Тогда, еще при жизни Патриарха, современники находили в нем истинную "святость, величавую в своей простоте".

В делах же Церкви Патриарх Тихон был непреклонен и тверд, особенно при защите Церкви от врагов. Его слова могут быть полезны для всех нас и теперь, в наши дни, когда Церковь снова переживает множество скорбей и бед: "Пусть мое имя погибнет в истории, лишь бы Церкви была польза".

И как Патриарх Тихон хранил Церковь в чистоте Православия в период церковной разрухи и гонений и раскола, так и нас теперь призывает он последовать его примеру, идти его путем.

"Грех растлил нашу землю, очистим сердца покаянием и молитвой", — проповедовал Святитель Тихон нашим бабушкам и дедушкам. Не дойдет ли его голос и до нас, внуков их, сегодня, когда грозный ветер бед врывается без исключения в каждую дверь?

Ведь многие пророчества святых мужей мы видим уже совершившимися, и чаша Божьего гнева продолжает изливаться на богоборческий мир. А Бог поругаем не бывает. И все мы тому свидетели. Терпят поругание пастыри и овцы стада Христова, но те, кто терпят и в терпении славят Бога, — восстают в славе и в силе. И после смерти продолжают они дело свое — несут свою веру, свою проповедь о Боге и жизни в Боге всем людям.

И хочется мне привести вам на память слова смиренного Патриарха-мученика, произнесенные после одного из многочисленных покушений на его жизнь, этими словами Святитель благодарил народ за любовь и молитвы: "Покорный воле Божией, я остаюсь спокоен за свою участь... и если Господь пошлет мне мирную кончину... буди имя Господне благословенно. Но если мне суждено прожить мало дней и умереть или от ножа, или от расстрела, или иною наглою смертию и не будут знать места моего погребения — да будет воля Божия; я не лучше собратий моих, которые уже так умирали. Желал бы только, чтобы такая смерть послужила во очищение многих грехов моих и была принята Господом, как жертва благовонная за людей..."

Господь принял молитвы-думы своего угодника, и мы теперь тому свидетели.

25 марта 1925 года, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, в день начала спасения человечества, почил в Бозе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон.

Почил и был сокрыт до времени Богом (ибо только Господь мог сохранить его мощи от вездесущего духа злобы, сокрушающего всякое проявление святости в наше время).

В 1989 году Божиим велением состоялось прославление Святейшего Патриарха Тихона, это свершилось 26 сентября, в день памяти святого апостола и Евангелиста Иоанна Богослова — апостола любви, что очень знаменательно и имеет таинственный смысл.

В жизни Божиих людей, как в жизни любого человека, не бывает ничего случайного, ибо миром правит Бог, у Которого все существует в гармонии, устрояется со смыслом. Только надо иметь очи, чтобы видеть.

Основным знамением всей жизни Патриарха Тихона, по его же определению, были слова святого Евангелия от Иоанна, которые духовным слухом услышал он в день своей архиерейской хиротонии.

"Симоне Ионин, любиши ли Мя?" — обращается Господь к ученику. И эти слова

Господа звучали для Патриарха вопросом всегда, всю его жизнь:

"Тихоне! Любишь ли Мя?"

И он всегда отвечал: *"Ей, Господи, Ты веси, яко любя Тя!"* (Ин. 21, 15).

Он любил, даже до смерти, всей своей жизнью, всеми делами своими.

И этот же вопрос Святейший Патриарх негласно задавал всякому, кто встречался на его жизненном пути. И эти слова обращал он и к пастве российской:

"Русь, любишь ли ты Господа?"

И многие, многие сподвижники и современники его отвечали ему верностью любви, следуя за своим Патриархом и Отцом, даже до смерти крестной, к святости своей.

А в наши дни уже от святых мощей Святителя Тихона слышит Русь этот вопрос. Ибо теперь только слова: "Ей, Господи, мы любим Тебя", воплощающиеся в жизнь, обещают нам Жизнь.

А нерешительность, двоедушие, безразличие ходатайствуют смерть, и смерть не только духовную.

Жизнь Святейшего Патриарха Тихона напоминает о Боге.

Жизнь Святейшего Патриарха Тихона свидетельствует о Боге.

Его жизнь, кончина и упокоение со святыми призывают Русь очнуться от сна духовного, чтобы ожить в Боге, чтобы жить в Боге.

22 февраля 1992 года совершилось чудо обретения мощей Святейшего Патриарха Тихона. А ведь совсем недавно и думы об этом ни у кого не было, известно, что сразу после захоронения Патриарха Россию заполонили слухи, будто останки его уничтожены. Кто пустил по ветру мысль эту? Злоумышленник или благожелатель? Бог знает. Поди оцени свершившееся тогда! Только теперь мы поймем и возблагодарим Бога, ибо и это дело рук Божиих. **Он хранил.**

Но вот настало время, и вновь России нужна проповедь веры, кто же произнесет ее лучше того, чья жизнь – живое свидетельство веры.

И опять совершается чудо. Злобная рука, покушаясь причинить горе вновь открывшемуся Божию дому – Донскому монастырю, возжигает злоумышленный пожар. Но из этого злого огня воссиял свет нетварный – от святых мощей. Именно в связи с пожаром и последующим ремонтом храма появилась мысль проверить истинность слухов. И вот явил Господь миру мощи своего угодника.

Патриарх был духовным вождем русского народа в тяжкое время. Он продолжает быть им и в нынешние тяжелые для Руси времена расколов, разделений, падений.

И дело Церкви в таких испытаниях – вдохновлять, объединять народ ради спасения родной страны, верой и правдой служа единству, под духовным главенством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

И именно для этого собирался в предшествующие дни в Москве расширенный Собор русского епископата – чтобы укрепить колеблющихся, ободрить малодушных, обличить заблудших, чтобы помочь всем, нуждающимся в помощи.

И знаменательно, что, приняв решение о единстве церковном, Архиерейский Собор завершает деяния свои у раки с мощами Святителя Тихона, вознося благодарения за состоявшийся Собор и прося молитв Святого Патриарха у престола Господня.

Мы присоединим свои прошения и моления к молитве Патриарха-мученика о Церкви нашей, об Отчизне нашей и произнесем составленный Святителю Тихону прекрасный Тропарь.

Вот он, послушайте его:

Апостольских преданий ревнителю и Христовой Церкви пастыря доброго душу свою за овцы положившего жребием Божиим избранного Всероссийского Патриарха Тихона восхвалим и к нему с верою и упованием возопиим: предстательством Святительским ко Господу Церковь Русскую в тишине соблюди, расточенныя чада ея во едино стадо собери, отступившия от правыя веры к покаянию обрати, страну нашу от междоусобныя брани сохрани и мир Божий людям ниспосли.

Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)

Псково-Печерский монастырь

"Господи, имя Тебе – Сила, подкрепи же всех нас, изнемогающих и падающих"

Сию же дщерь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмоенадесяте лето, не достояше ли разрешитися ей от юзы сея... (Лк. 13, 6) – это евангельское чтение особенно дает нам повод говорить о бытии дьявола, о разрушающей, смертоносной деятельности его. Ибо незнание наше, или стыдливое замалчивание, или даже отрицание бытия этой страшной силы делают нас пред ней совершенно безоружными, и она может вести нас, как овец на заклание, в погибель. Ведь мы часто перестаем понимать, где свет, где тьма, где жизнь, где смерть. И самой большой победой этой силы, без сомнения, надо признать то, что она многим поколениям людей внушила, что ее нет. До некоторого времени, пока духовное зрение людей еще не было совершенно атрофировано, дьявол действовал осторожно, силой внушения. Теперь же, в наше время, когда наша беспечность и духовный сон обнажили нас от покрова Божией благодати и силы Духа, он встает перед нами во всем своем злобном обличье. Он выступает как живая реальность – и реальность лютая.

Господь в свое время возвестил всем живущим на земле и верующим в слово Его предостережение, призывающее к особенной бдительности: *Видех сатану яко молнию с небесе спадша* (Лк. 10, 18). В других местах Писания говорится о нем же: *И места не обретеся им ктому на небеси. И вложен бысть змий великий, змий древний, нарицаемый диавол, и сатана, лстяй вселенную всю, и вложен бысть на землю, и аггели его с ним низвержены быша... Горе живущим на земли и мори, яко сниде диавол к вам, имея ярость великую...* (Откр. 12, 8, 9, 12). *Супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (Пет. 5, 8). И стал он, губитель–дьявол, князем мира сего, а вместе с ним водворилось и царствует на земле бесчисленное полчище его клевретов. И с тех пор местом обитания их стала голубая бездна, которая отделяет Церковь воинствующую от Церкви торжествующей. А самый первый и горький опыт его коварной власти на себе понесли наши праотцы Адам и Ева, ибо его стараниями они познали сладость греха и вкусили горечь смерти. А он с тех далеких времен без устали делает свое дело. И главной его задачей на все времена была, есть и будет борьба с Богом за души людей, а место битвы – сердца человеческие. Все совершается там, в сердце. Там вместится и бездна ада, там – и искра веры, сохраненная Богом от тлетворного дыхания вражия, рождающая пламень Божественной любви – ходатая вечной радости. И нам надо пристально всматриваться во все происходящие и вокруг, и лично с нами события. Надо знать свое сердце, ибо невнимание и незнание не оправдает нас в день Страшного суда, который неотвратимо приближается к земле. *Идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. 25, 14), – скажет Сын Человеческий тем, кто не знал и не хотел знать Его.

Примеров одержимости и насилия людей бесовской силой много в Писании. Это и евангельский образ женщины, связанной от дьявола, восемнадцать лет согбенной: глава ее достигала земли. Это и двое одержимых, живших во гробах, в могильных склепах, сильных страшной бесовской силой. Именно этой силой разрывали они кованые цепи, коими пытались связать их. Это и бесноватый, которого бес бросал то в огонь, то в воду, желая погубить его, и многие, многие другие. И всегда Господь исцелял бесноватых, не называя беснование естественной болезнью. Он прямо признавал виновниками ее бесов и изгонял их. Но эти примеры, по жестокосердию нашему и недомыслию, не трогают нашего сердца, когда мы читаем или слышим о них. Ведь это было когда–то и где–то! Многие даже имеют дерзость в глубине сердца усомниться в примерах чужой жизни, а некоторые идут еще дальше, неверием отвергая слова Божественного Писания.

Но вот уже не отдаленные примеры, а наша собственная жизнь дает знать о насилии и тиранстве над нами и самого дьявола, и сынов противления, то есть людей, которые стали исполнителями его злой воли на земле.

Вслушайтесь внимательно в слова святого пророка Божия Исаии. Вслушайтесь и вдумайтесь в слова этого ветхозаветного богослова: *Тлением истлеет земля, и расхищением расхищена будет земля... Восплакася земля, и растленна бысть вселенная, восплакашася высоцыи земли. Земля бо беззаконие сотвори живущих ради на ней, понеже преступиша закон, и измениша заповеди, разрушиша завет вечный. Сего ради проклятие пояст землю, яко согрешиша живущии на ней: сего ради убози будут живущии на земли, и останется человеков мало... Страх и пропасть и сеть на вас живущих на земли. И будет, бежай страха, впадет в пропасть: и излазя из пропасти, имется в сеть: яко окна с небесе отверзошася, и потрясутся основания земная. Мятежем возмятется земля, и скудостию оскудеет земля. Преклонися и потрясеся земля... и падет, и не возможет востати, преодоле бо на ней беззаконие* (Ис. 24, 3–6, 17–20). Не о нас ли и не о нашем ли времени говорил пророк, живший за 859 лет до Рождества Христова? Да, о нас! Это мы преступили закон Божий, это мы нарушили Его Завет, это мы забыли Бога. И наша матушка-кормилица земля уже родит одни *терния и волчцы* (Быт. 3, 18) *от злобы живущих на ней* (Пс. 106, 34). И небо, когда-то дарившее людям светлый дождик жизни и плодоносную рожь, сеет на головы химическую, отравляющую влагу, и ветер Чернобыля обжигает их своим смертоносным дыханием. Дух зла, лукавства и вражды идет по земле, и нет молитвы, чтобы залить этот пожар зла, нет духовной силы, чтобы предотвратить грядущую гибель.

Зададим сами себе вопрос: неужели все это сотворил человек? Нет, дорогие наши. Человек ограничен, жизнь его – 70, от силы 80 лет. И он иногда не успевает даже и осознать своего назначения на земле, сходя в могилу. И нет у него ни времени, ни сил, ни воображения посеять столько бед и зла, чтобы хватило на все человечество. Все то малое зло, которое успеваем натворить мы, грешные люди, приводит в совокупность великий дирижер – сатана. Тот, кто посеял малое зло, вырастит его в большое – это *тайна беззакония* (2 Сол. 2, 7). *И тайна беззакония* восходит от силы в силу именно потому, что вконец ослабело наше сопротивление ей, наше понятие о ней. Мы забываем Бога, забываем Небо, забываем Вечность в своем обольщении. На этой почве всецелого погружения людей в плотскую жизнь и разрастается чудовищный разврат. Младенцы, зачатые в беззаконии, появляются в мир больными, одержимыми от рождения духом злобы и лукавством превосходят взрослых. Отроки, не зная детского простодушия, играют во взрослых и в одуряющих химических реактивах ищут особых видений и ощущений, зачастую находя в них же и смерть. Юноши и девушки, не зная и самого понятия невинности и чистоты, погружаются в болото такой грязи, о которой и помыслить страшно. Наркотический угар для многих становится единственно реальной жизнью. А грохот бесовского шума, ворвавшийся в дома наши с телевизионных экранов, оглушил, одурил всех – от малого до большого – и вовлек в водоворот адского кружения, поработив души насилием. И мы, не задумываясь, а значит, добровольно впускаем в дома свои телевизионных колдунов всякого ранга и учимся у них, как быстрее и надежнее безвозвратно погубить душу. Мы становимся не способными ни к чему доброму, и светлый Ангел Хранитель стоит поодаль, оплакивая сердца наши, ставшие игралищем бесов. Нормой жизни становится: ходи по трупам задавленных тобою, рви кусок из чужого рта и плюй на всяческие заветы. А тот враг, что посеял страшные плевелы злобы и гордыни лжеименного разума, человекоубийца искони, лжец и отец лжи, любуется плодами дел своих. Он преуспел, он одолел людей. И Бог теперь не столько отрицаем, сколько вытесняем из сердца человека всякими его пристрастиями и житейскими попечениями. Бог просто забыт. "Сыне, даждь Мне твое сердце", – просит, зовет Господь. Да где оно, наше сердце? И есть ли уже оно? А если и есть, то нет в нем уголка, местечка для Бога, для света, тишины, мира и любви; и страшно нам, что Свет Божий откроет для нас самих страшный хлам нашего сердца.

Что в нас самих деется? Мы опять гоним Бога и бежим от Того, Кто может обнаружить наше истинное лицо. Да это опять и не мы, а все тот же человекоубийца, увлекающий нас все дальше и дальше к отпадению от уготованного людям Сыном Божиим спасения. Он уже сам вошел в наше сердце и овладел им. Но не мог дьявол этого сделать без нашего согласия. Ведь Премудрость Божия так сот-

ворила человека, что без него или против его воли ни спасти, ни погубить человека нельзя. И отвергая Бога неверием или веря в Бога, но отвергая заповеданные Им дела, мы отвергаем спасение. И не принимая темную, безвидную и страшную силу дьявольскую, но делая дела ее, мы сами отдаем себя в ее руки и мы сами готовим себе бездну зла.

Дьявол не иначе проникает в нас, как овладев нашим умом и нашими помышлениями. У одних он похищает из ума и сердца веру, у других его смрадное дыхание испепеляет страх Божий, третьих, поразив тщеславием, ведет в плен других страстей, ибо тщеславие и гордыня родят такие пороки в нас, что открывают врата души всем бесам. И человек не замечает, как становится одержимым. Надо помнить, что основной, отличительной чертой дьявольской брани является приспособление и что брань с нами злые духи ведут непрестанно и разнообразно. Подход их к нам незаметен, и действие постепенно. Начав с малого, злые духи переходят к великому влиянию на нас. Бесовские хитрость и лукавство, как правило, услужливо идут навстречу нашим же желаниям и стремлениям и даже доброе и невинное способны превратить в оружие свое.

Сейчас много молодежи идет в Церковь. Кто — уже окунувшись в скверну греха, кто — отчаявшись разобраться в превратностях жизни и изуверившись в ее приманках, а кто — и задумавшись о смысле бытия. И люди делают страшный рывок: из объятий сатанинских они тянутся к Богу. Бог открывает им свои отеческие объятия. И все было бы хорошо, если бы они по-детски, доверчиво припали ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам; начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать и заново жить. Но нет, великий ухажер — дьявол у самого порога Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а вваливается в Церковь со всем тем, что есть и было в нем до этого от прожитой жизни. И с этих своих позиций сразу начинает судить и рядить, что в Церкви так и что пора уже изменить. Он уже знает, что такое благодать и как она выглядит. Еще не начав быть православным христианином, становится судиею и учителем. И снова Господь изгоняется им из своего сердца. И где? Прямо в Церкви. А человек этого и не почувствует: ведь он в Церкви, ведь он пролистал уже все книги и ему уже пора, по его мнению, и священный сан принимать, а ей уже пора одеваться в монашеские одежды. И они примут и священный сан, и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и которая так ловко обманула и теперь. А дальше жди и других, исключительно только на почве искаженной веры, явлений. Без труда, без борьбы и без крестных страданий воспринятое христианство — без жизни, но только по имени, а значит, и без Бога явит различные обольщения, видения и откровения. Оно будет внутренними голосами руководить своей жертвой, а у кого-то оно заполнит ум и сердце хульными образами и словами. И горе, если человек — невежда в вере — снова не обратится за помощью к Богу, готовому помочь даже и изменнику. Если в душе светлой и чистой и одна какая-нибудь мысль, брошенная от дьявола, тотчас производит смущение, тяжесть и сердечную боль, то в душе, омраченной грехом, да еще телесным, и оскверненной, даже и само присутствие его будет неприметным. Сам дух злобы помогает этой неприметности, ибо она ему выгодна. И он, тирански властвуя над грешником, старается держать его в обольщении, будто бы человек действует сам собой, или внушает, что Ангел светлый, образ которого принял лукавый, уже почтил его. Обольщенный, как мотылек, летит он на огонь бесовского видения или откровения, которое смертельно опалит его душу. Человек ждал, искал откровения, и оно явилось, а у него даже мысли не возникнет о своей во грехе прожитой жизни, которая уже стеной встала между ним и Богом. И еще сколько надо трудиться, чтобы эту стену разобрать, чтобы увидеть свет истины. Трудно обмануть истинно верующих. Смирение и страх Божий предостерегут, а Дух Святый, охраняющий их, откроет им правду и наставит на всякую истину. Да и знают они со слов Самого Спасителя Христа, что должно прийти соблазнам, и остерегаются их.

Из житий отцов-подвижников мы знаем, что они узнавали беса, являвшегося им даже в образе Христа. Духовная же слепота едва ли не большинства современных людей, и даже именующих себя христианами, поразит их все умножающимися бесовскими соблазнами. Уже теперь мы слышим и читаем в периоди-

ческой печати о всяких явлениях, знамениях то на небе, то на земле, о светящихся летающих объектах, о добреньких инопланетянах, о барабашках, которые вторгаются в жизнь наших современников и диктуют им нормы жизни и поведения уже не в помыслах их, но зримо – делом, творя мнимые чудеса и приучая соблазнившихся к полному послушанию себе. Есть даже случаи самоубийств, совершенных по внушению этих опекунов. И никого не смущает наплыв их, и не возникает ни у кого мысли: а откуда же они? Почему пришли? И где были раньше? И если бы кто-то все эти явления в той же печати назвал своим именем – что это разгулявшиеся, разыгравшиеся с омраченным, обезображенным миром бесы, то и тогда у читателей не возникла бы способность осмыслить и понять, что же несут для них в себе эти явления и игры. А эти новые, открывшиеся в последнее время способности целительства духовным прозрением, ясновидением и прозорливостью у многих и очень многих людей всякого возраста и с различным образованием – от юношей, с горем пополам еще только осваивающих школьную программу, до преподавателей высших учебных заведений и от тетушки-домохозяйки до дамы, образованной во всех отношениях? И поразительно, что все они, не обремененные никаким знанием в области медицины, воспринимают их как дар неба. Дар-то дар, но от кого и зачем и что принесет он врачу и больному? Врачу принесет бесовскую гордыню, а доверившемуся ему пациенту принесет нарушение всех душевных и духовных сил – одержимость. Но это будет потом. А пока все хотят быть здоровыми – и любой ценой. И в этом опять богоборчество. Христианин истинный, а не по имени только и моде непременно вспомнит по поводу всех этих явлений, как поступили святые апостолы с девицей, имеющей духа прорицательного и доставлявшего тем доход своим господам. Вспомнят и отбегут от духа лести. Остальные же сами погрузятся в губительный обман и повлекут за собой многих.

Все это есть знамение времени. Христианство, как дух, неприметным образом для суетящейся и служащей миру толпы удаляется из среды человеческой, предоставляя ее падению. И у всех живущих теперь есть это предощущение грядущей в мир катастрофы. Но человечество, томимое тяжелым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что с ним происходит. Дьявольские же силы парализовали ум и сердце живущих грехом, который согнул и исказил человека настолько, что он перестает видеть Бога и не может выпрямиться, чтобы ум его осиял свет Божественной Истины и тьма исчезла. Но вспомним, как одним мановением Спасителя, одним Его словом, словом Божественной любви, распрямилась согбенная, страдавшая от насилия дьявола восемнадцать лет. Припадем и мы к Спасителю Христу с мольбой и любовью, отрясем узы греха, отбежим от соблазнов и обольщений дьявольских. Припадем к Спасителю и уже этим противостанем дьяволу. Научимся понимать и беречь добро души своей, будем "сторожить" свою душу, научимся видеть себя, и тогда мы увидим все дела и козни дьявола в нас и против нас. Будем молиться, чтобы дал нам Господь добрый ум, трезвую совесть, открыл духовное зрение, и, главное, никогда не будем забывать о своем исконном враге, воюющем против нас.

Помня, что сила воителя крепка, а наша сила немощна, смиренно припадем с несомненной верой к Тому, Чья сила сильнее всякой другой силы. Воскликнем едиными устами и единым сердцем: "Господи, имя Тебе Сила, подкрепи же всех нас, изнемогающих и падающих". Аминь.

Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)

Вербное воскресенье

Великий пост завершается в Церкви двумя лучезарными, праздничными днями, лучше сказать – неким двуединым, двухдневным праздником. Это Лазарева суббота – день, когда вспоминаем мы воскрешение Христом его умершего друга Лазаря, и Вербное воскресенье, когда празднуем торжественный вход в Иерусалим, совершенный Христом за шесть дней до предания Его на страдания и крестную смерть. Словно, прежде

чем вступить в печаль и тьму этих страстных дней, прежде чем еще раз стать свидетелями страданий Христовых, являет нам Церковь подлинный смысл вольной Христовой жертвы, спасительной Его смерти.

Христос был далек от Иерусалима, когда умер Лазарь, и только спустя четыре дня пришел Он в Вифанию и встретился с сестрами Лазаря Марфой и Марией и с плачущими и скорбящими его друзьями. В Евангелии от Иоанна подробно рассказывается об этой встрече. Марфа и Мария послали сказать Христу о болезни Лазаря. Марфа, услышав, что Христос идет, сказала Ему: *Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой* (Ин. 11, 21). И Христос отвечает: *Воскреснет брат твой* (ст. 23)! И все же, несмотря на этот ответ, когда увидел Он сестер плачущих и пришедших с ними плачущих иудеев, Он *Сам воскорбел духом и возмутился…* (ст. 33). И вот подходит Он к могиле и Сам плачет, и окружающие говорят: Смотри, как Он любил его (ст. 36). Христос приказывает снять камень, лежавший на гробнице. И когда сняли камень, *Он воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами…* (ст. 43–44).

В чем смысл этого события, которое так светло, так радостно, так победно празднует Церковь в Лазареву субботу? Как совместить печаль, слезы Христа и эту силу, способную воскресить мертвого? Самим празднованием Церковь отвечает на этот вопрос: Христос плачет потому, что в смерти своего друга созерцает торжество смерти в мире, – смерти, которой Бог не сотворил, но которая воцарилась и царствует в мире, отравляя жизнь, претворяя всю ее в бессмысленное чередование дней, неумолимо стремящихся к пропасти.

И вот Господне повеление: *Лазарь, иди вон!* Свершилось чудо любви, торжествующей над смертью, вызов смерти, это объявление ей войны Христом, это утверждение, что разрушена, умерщвлена должна быть сама смерть. И для того, чтобы разрушить смерть и ее тьму, сам Христос – и это значит Сам Бог, сама Любовь, сама Жизнь – сойдет во гроб встретиться со смертью лицом к лицу, и разрушит ее, и дарует нам Вечную жизнь, для которой создал нас Бог.

На следующий день после воскресения Лазаря вступает Христос в Иерусалим. Но вступает не так, как раньше – неузнанный, неизвестный, непризнанный. Нет, теперь Он, Который никогда не искал ни власти, ни славы, Сам как бы готовит свое торжество. Он повелевает своим ученикам привести молодую ослицу. Он садится на нее и вступает в город, предшествуемый толпой, детьми с пальмовыми ветвями в руках. И толпа и дети приветствуют Его древним приветствием, с которым обращались только к царю: *Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне. Осанна в вышних!* (Мф. 21, 9). "И потрясся весь град…" – пишет евангелист. Эта толпа, эти пальмовые ветви, громогласное царское приветствие, ликующая радость – что значит все это? И почему каждый год мы вспоминаем это событие с такой радостью, словно мы сами стоим на улице святого города и ждем, и встречаем, и ликуем, и повторяем все те же слова, все то же вечное *Осанна*? Это значит, что пусть только в одном, далеком от всех нас городе, но Христос был Царем, царствовал, был признан народом как Царь! Да, Он учил о Царстве Божием, о будущем Своем воцарении. Но вот в тот день, за шесть дней до Пасхи, Он явил свое Царство на земле, показал его людям, призвал их – а с ними и всех нас – стать жителями Царства Христова, подданными этого смиренного Царя, Царя без земной власти и без земного могущества, но обладающего великой силой любви.

Мы живем в мире, в государствах, отрекшихся от Бога, занятых только земными делами, дрожащих за свою власть, силу, могущество, победы. И почти нет в этом мире места Божией любви, Божиему свету, Божией радости. Но вот в этот единственный день в году, когда стоим мы в переполненных храмах и поднимаем вверх ветви вербы и гремит опять это царское *Осанна*, мы говорим себе и миру: не умерло, не погибло, не исчезло с лица земли Царство Христово, так ярко засиявшее в тот день в Иерусалиме. Мы говорим Богу: Ты еси един Господь, Ты наш единый Царь, и мы знаем, и верим, и утверждаем, что победит оно, это Царство Твоей любви, Твоей победы над грехом, над злом и смертью, и что радости этой веры никто не отнимет от нас. Пускай полагают люди все свои надежды на силу и насилие, пускай верят только в пушки, в тюрьмы и в страх. Пускай мучают других лю-

дей. Нет, не устоит это царство насилия, зла и лжи. Рухнет, как рухнули все прежние царства и исчезли все прежние властелины. А Твое, Господи, Царство пребудет. Ты любовью Своей утираешь всякую слезу с глаз наших, растворяешь в Своей радости всякое горе, пронзаешь вечным светом созданный Тобою мир, и настанет время Твоего царского торжества на земле.

Мы знаем, что после Вербного воскресенья, после этого торжества Своего Христос начнет восхождение к страданиям и к смерти. Но за Крестом и смертью взойдет заря неизреченной пасхальной радости — Воскресения Христова. Вот в чем смысл и сила этих удивительных дней, когда, завершив пост, мы готовимся следовать за Христом в Его вольной Крестной страсти, в Его победном схождении в смерть. Но и в Его преславном Воскресении.

Протоиерей Александр ШМЕМАН

С Ним пострадаешь, с Ним и прославишься...

Церковь, подводя нас вплотную к Страстной седмице, к воспоминаниям о страданиях и смерти Бога, предлагает и нам идти за Ним в Иерусалим — страдать с Ним вместе, ибо, по слову святого апостола Павла *с Ним пострадаешь, с Ним и прославишься*. Вот перед нами опять тема Креста — страданий. Ведь крестный путь Христа — это и есть наш путь. У каждого есть своя Голгофа.

Как же мы относимся к своему Кресту?.. Мы стараемся избежать страданий — прожить полегче и поудобнее. Сама мысль о страданиях нам неприятна, и сами страдания для естественной природы — это ненормальное явление. Кровь даже из самой маленькой раны вызывает в нас чувство ужаса... Что же говорить о нравственных страданиях: мы не хотим их, мы гоним их прочь от себя... Отчего же мы так отмежевываемся от Креста?.. — От нравственного измельчания!

Переживания высшего порядка, страдания за идеал нам не по плечу, нам нужно что-нибудь полегче... Разве есть что-нибудь в жизни, чего мы не принесли бы в жертву своему благополучию и спокойствию? Если нам понадобится принести в жертву спокойствие семьи, разве мы не принесем? — Сколько угодно, лишь бы нам было удобнее, лишь бы полегче. Служебный долг, честность, целомудрие — разве мы не принесем? — Сколько угодно, лишь бы полегче, поудобнее... Да что я говорю о таких маленьких житейских делах; возьмем больше — общественные интересы — разве мы их в жертву не принесем? — Сколько угодно, лишь бы полегче. Возьмем больше. Дела веры, Церкви — разве не принесем? Принесем... мы все принесем, только бы нам прожить полегче, поудобнее, без страданий.

Меня мучит сомнение, будет ли вам понятно то, что я скажу, но я хочу своей мыслью дать хоть маленький толчок вашей мысли. Каждому человеку нужно осознать цель жизни, найти правду. Надо **оправдать** свою жизнь. Это всем необходимо: монаху, священнику, торговцу, служащему, матери семейства, старику, молодому мужчине, женщине — всем нужно оправдать свою жизнь... А жизнь по правде — это и есть путь Креста, путь страдания. А мы так гоним Крест из своей жизни... И что же, разве мы нашли счастье? Приобрели спокойствие духа? Путем компромиссов получили удовлетворение? — Я счастливых не знаю...

Земной путь — путь страданий. Крест — это стержень, на котором все держится, вся жизнь... Уберите Его — и все земное, суетное рассыплется. Земная жизнь погрязшего в грехе человека без трагизма Креста пуста и мелка и рождает скуку, разочарование, усталость и желание забыться. Такова жизнь без Креста... Третьего пути я не знаю... его нет... У христианина — один путь — путь Креста. Если ты христианин, то не думай — бери его и неси. И не бойся страданий на этом пути... Они будут — они должны быть... Но при этом будем помнить слова Апостола Павла: *С Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8, 17).

Преосвященный ГРИГОРИЙ (Лебедев), епископ Шлиссельбургский (1923—1928)

Меч херувимский

(Догмат в христианской жизни)

Христианство – не философская система, пытающаяся объяснить мир отвлеченными понятиями и абстрактными формулами. На извечный вопрос человеческого разума: "Что есть Истина?" – Христос ответил на Тайной Вечере Своим ученикам: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6).

Истина – Бог живой – не может быть исчерпана системой догматов[1], и самая разветвленная и тонко сплетенная сеть определений не может уловить Божественную сущность.

В духовной жизни нам открывается Истина. Духом Святым Истина провозглашается твари. Святая Церковь – хранительница и сокровищница Истины. Догматы Церкви – не отвлеченные понятия, но истины, жизненно необходимые для нашего спасения. Догмат есть предел, который Церковь поставила естественному уму во избежание заблуждений, порождаемых неумеренным пользованием философией, когда "опыт невыразимого оказывается под угрозой...". "В противоположность гносису, где познание само по себе является целью гностика, христианское богословие в конечном счете всегда только средство, только некая совокупность знаний, долженствующая служить той цели, что превосходит всякое знание. Эта конечная цель есть соединение с Богом или обожение, о котором говорят восточные отцы... Христианская теория имеет значение в высшей степени практическое, и, чем мистичнее эта теория, чем непосредственнее устремляется она к высшей своей цели – к единению с Богом, – тем она практичнее"[2].

Христианство есть полнота духовной жизни. "Из неопределимой области переходя в сферу, подлежащую уже нашему внутреннему наблюдению и даже известному контролю, духовная жизнь выявляется двояко, а именно как духовное состояние и переживание и как догматическое сознание... Догматическое сознание органически связано со всем ходом внутренней духовной жизни. Измените в своем догматическом сознании что-либо – и неизбежно изменится в соответствующей мере и ваш духовный облик и вообще образ вашего духовного бытия. И наоборот, уклонение от истины во внутренней духовной жизни повлечет изменения в догматическом сознании"[3].

С самого начала своего существования Церковь последовательно боролась с лжеучениями гностиков, ариан, несториан, Аполлинария и монофизитов, монофелитов и иконоборцев, каждое из которых есть духовная смерть, потому что может навсегда лишить человека возможности единения с Богом. Слово "догмат", или "догматическое богословие", для некоторых стало чуть ли не ругательным, как будто догмат – враг жизни. Но отсутствие догмата – дверь, открытая всем заблуждениям, как учит нас этому история: христианин может стать легкой добычей любой ереси. Для христианина нет критерия более решающего, чем положительное отношение к Церкви. Догмат о Церкви есть то средоточие, в котором отразилась многовековая борьба христианства против всех лжеучений. Здесь в конечном счете решается судьба Евангельского благовестия. Поэтому чрезвычайно опасною представляется тенденция, которую можно назвать адогматизмом. Адогматизм чаще всего не отрицает прямо истинности Божест-

венных догматов, но "всего лишь" отрицает необходимость ясного знания догматов для нравственной, духовной, христианской жизни. Догматы с этой точки зрения – "богословие", "высокие материи", в тонкости которых нечего вникать; Бог судит не за знание догматов, а за то, как мы выполняем Божии заповеди. Таким образом, этот взгляд на догматы как на нечто отвлеченное, не имеющее отношения к реальной жизни, психологически обесценивает их и делает практически ненужными, отрицает неразрывную связь догматов и заповедей. Против такой точки зрения резко высказывался еще в 30-х годах XX века профессор Г. Флоровский: "У многих верующих создалась опасная привычка обходиться без всякого богословия вообще, заменяя его кто чем: книгою правил, или Типиконом, или преданием старины, или лирикой души. Рождалось какое-то темное воздержание или уклонение от знания, своего рода богословская афазия, неожиданный адогматизм и даже агностицизм, мнимого благочестия ради, ересь гносеомахов... Этот соблазн может обернуться обрядовым или каноническим формализмом или ласкательной чувствительностью. И от такого прельщения ограждают только богословский искус, зоркость, четкость и смирение богословского ума. Настало время, когда уклончивость от богословского знания и ведения становится смертным грехом, стигматом самодовольства и нелюбви, стигматом малодушия и лукавства. Опрощенство оказывается бесовским наваждением, и недоверие к ищущему разуму обличается как бесовское страхование[4].

Адогматизм отучает христиан мыслить, отличать истинное учение от ложного. Но всякое ложное учение об Истине есть восстание на Богочеловека – Спасителя, есть смертоносное питье (ср.: Мк. 16, 18), отравляющее душу навеки. Искушения зла и лжи происходят в области нашей свободы; устоять же против них можно только во Христе и твердом последовании догматам Церкви Его.

И быть верующим – значит быть верным, потому что Истина – содержание верности. Истина противопоставляется не ошибке, а лжи; не тому, что логически неверно, а тому, что по существу подложно, тому, о чем нельзя сказать: "Это неточно", но: "Это нечестиво".

Догмат или ересь – это свет или тьма, добро или зло, любовь или ненависть, жизнь или смерть. Принятие догматов есть единственное условие познания Истины и освобождения человека от всякой лжи и от исполнения дел *отца лжи.* Речь идет о борьбе с диаволом, о борьбе в самом мире, на земле, как на небе: не только в сердце человека, но и в самой природе человека, включая его ум и тело, – о борьбе, по учению святых отцов и свидетельству подвижников, охватывающей всю вселенную.

...И познаете истину, и истина сделает вас свободными (Ин. 8, 32) – свободными от рабства греху и смерти, от тьмы неведения, от бессмысленной жизни, от смерти, – богоподобными и свободными по благодати причастности Истине. Апостол Павел ставит знак равенства между познанием Истины и спасением. Он пишет, что Бог *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4). Таким образом, хранение Истины в непоколебимом и непогрешимом догмате необходимо как для личного спасения христианина, так и для спасения окружающих его людей.

В первосвященнической молитве есть удивительные слова: *Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина* (Ин. 17, 17); *Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам* (Ин. 15, 3). Догмат – это очищающее и освящающее слово Господне. *Благодать и мир вам да умножатся в познании Бога и Иисуса Христа, Господа нашего,* – пишет святой апостол Петр (2 Пет. 1, 2). Слова "познание" и "знание" экзегеты различают как полное и частичное знание, как истину и обозначение истины в догмате. Апостол Петр имеет здесь в виду оба значения.

Ревность без знания – без истинного, то есть благодатного, знания догмата – может стать фанатизмом, точно так же знание без ревности может оставаться мертвым. Церковное же христианство стоит за догматы, но тем не менее проявляет терпимость к заблудшим. По словам Святителя Феофана, "истинная веротерпимость искренне любит и благоговейно чтит единую святую веру свою (то есть веру Православную), ревнует о чистоте и о славе ее, радуется возвышению ее, но при этом дает место близ нее и другим верам не потому, что считает их равночестными и спасительными, а по снисхождению к немощам заблуждающихся. Она не теснит, не гонит, не преследует; но вместе не упускает случая с любовью указывать заблуждение и предлагать свободному убеждению и совести выбор лучшего"[5].

Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир, – говорит Господь об Апостолах, а далее: *Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их* (Ин. 17, 18, 20) – о всех христианах до скончания века, через общение святых, то есть в Церкви, которая есть *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). Благодаря знанию догматов прошлое и будущее соединяются в Церкви в подлинное настоящее. Благодаря догмату есть мудрость в христианском прошлом и прочность в его наследии, благодаря догмату наше церковное сознание обретает чудесное равновесие. Догмат осуществляет строгий суд над теми христианскими обществами, которые игнорируют долгую историю Церкви и начинают заново свое собственное "христианство". В догматическом богословии выражена сущность христианской веры, богооткровенное знание, проповеданное в Евангелии, возвещенное Апостолами, раскрытое и пронесенное через века отцами Церкви, утвержденное в опыте жизни и смерти величайших святых. И потому догмат – это меч херувимский, ниспадающий между *Духом,* который *есть истина* (1 Ин. 5, 6), и духом заблуждения (ср.: 1 Ин. 1, 6), то есть между Христом и антихристом, между христианином и миром. Через догмат проходит то "изображение" (по-гречески "клирономия"), которое превращает всех верующих в клириков в царское священство, призванное священнодействовать истину на всех путях жизни.

Если верно то, что догматы правой веры являются описанием условий возможности нашего спасения, может ли в таком случае наступить эпоха, в которой догматические разногласия между богооткровенным Преданием и ересями стали бы "неактуальными"? Хорошо об этом пишет святитель Феофан Затворник: "После того как Сам Бог научил приближаться к Нему, Сам приходил, воплотился, страдал и умер, ниспослал Духа и столько чудес делал для утверждения веры, подвиг небо и землю, после всего сего говорить, что все равно – сию ли веру держать или другую, означает не только безумие крайнее, в коем истину ставят наравне с ложью, но и нечестие, в коем наводится некоторый укор на человеколюбивого Бога, будто излишне расточал милости, и в коем лжа творят Бога истины, будто не та едина вера, которую Он объявляет единою. Индифферентизм есть сверх того язва рода человеческого. Если одна только вера ведет к спасению, так что все иноверия не спасают, а влекут за собой пагубу, то кто удерживает в них не губит ли всех, кого удерживает? Когда свирепствует мор и искусный врач изобретает единственное врачевство, то всякий, кто уверяет: "ничего, и то лекарство хорошо", губит всех, кои его послушают. Таков индифферентизм: он расслабляет и убивает дух. Содержащий его почти то же, что безбожник, ибо явно, что для него вера есть стороннее дело, что он содержит ее по обычаю, в подражание другим или, еще хуже, будто какое-либо средство политическое. Все сии укоры падают и на того, кто говорит: все равно, лишь бы была христианская вера... какая-нибудь. Откуда эта мысль? Апостолы с такою ревностью заботились о единомыслии, так деятельно старались восстановить его, когда оно как-нибудь на-

рушалось, так строго вооружались против разномыслящих, что определяли им отлучение, а ныне вошло в обычай говорить: все равно, лишь бы христианская, хотя бы то была и ересь. Как же Господь говорил: *Аще же и Церковь преслушает, буди тебе яко же язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). И потом, как же Церковь во все свое продолжение так сильно ратовала и вооружалась против всех разномыслящих? Будто все сие так? И что Господь оправдывал знамениями и чудесами единую истинную веру и доселе оправдывает, будто и это все так?"[6]

Отношение к ереси в Церкви периода классической патристики лучше всего показывает история аввы Агафона, приводимая в Отечнике святителя Игнатия Брянчанинова. История эта, как известно, заключается в следующем. Услышав о том, что старец Агафон, как говорили многие, стяжал якобы драгоценный дар смирения и терпения, некие монахи решили испытать авву. Для чего они пришли к Агафону и вели против него весьма дерзкие речи, обвиняя его во многих и весьма тяжких для монаха грехах. Старец же положил земной поклон и на все обвинения отвечал лишь: "Все, что вы говорите обо мне, – истинная правда, простите меня, братья, и помолитесь обо мне, грешном, чтобы Господь отпустил мне мои прегрешения". Тогда один из монахов добавил: "А еще говорят, что ты еретик", против чего старец весьма решительно и в сильных выражениях стал возражать. Услышав такой (видимо, неожиданный для них) ответ, братья поклонились старцу и спросили у него, отчего он многие грехи за собой признал, а обвинение в ереси сразу отверг? На что старец отвечал им следующее: "Все обличения ваши я принял, чтобы научить вас смирению, так как человек слаб и нет такого человека, который жив был и не согрешил по слабости. Ересь же не от слабости, а от упорства воли". После чего добавил, что еретик отлучается от Бога истинного и приобщается к демонам[7].

Чтобы не показалось, что наши рассуждения продиктованы "опасностью", страхом отступить от привычного, познакомимся с тем, как происходят сегодня в Католической Церкви поиски формы, которая якобы "лучше выражает для нашего времени с учетом различных культурных сфер" тайну спасения. Этот вопрос становится все более актуальным и для нас, поскольку сейчас наше общество ориентируется на демократические идеалы, утверждающие приоритет свободы, плюрализма мнений, абстрактный гуманизм.

Сегодня католические богословы постоянно обращают внимание на то, что диалогу между Востоком и Западом в прошлом препятствовала часто взаимная неуступчивость, желание навязывать другой стороне свой собственный способ видеть и выражать опыт веры. II Ватиканский Собор обсуждал эту проблему и пришел к заключению о законности различных способов подхода к вере, в особенности там, где это касается традиций Запада и Восточных Церквей. На Богословском конгрессе 1966 года, состоявшемся вскоре после II Ватиканского Собора, был провозглашен тезис о законности догматического разнообразия внутри одного и того же Откровения.

Возникает естественный вопрос: не приведет ли этот плюрализм, официально признанный и принятый, к догматическому релятивизму, осужденному Католической Церковью во времена модернизма?

Здесь невозможно процитировать всех авторов этого направления, даже тех, которые занимают видное место в Церкви. К их числу относятся многие богословы, профессора семинарий, которые учат и публикуют свои произведения, исходящие из принципа свободного исследования. Например, или ставится вопрос, не ошибалась ли Древняя Церковь, отвергнув так называемые апокрифические Евангелия? В основе этого нового богословия – антропоцентрический принцип: что приемлемо и что неприемлемо для современного мышления. Поэтому из Писания

выбираются произвольно слова и поступки Христа, говорящие лишь о Его человеческой природе.

Как определяют сами западные богословы, ключом к новой реформации является скорее "милосердный ближний", чем "милосердный Бог". Смещение акцента в догмате неизбежно отражается на духовной жизни, ведь догмат действительно неразрывно связан с заповедью: вторая заповедь о любви к ближнему начинает занимать место первой заповеди о любви к Богу. Если будет преобладать любовь к ближнему, пишет Никодим Святогорец, то "она может удалить тебя от любви к Богу, причинить тебе большой вред и ввергнуть в пагубу"[8]. И мы видим пагубные плоды этого явления в нравственной жизни Западной Церкви. "Есть мораль, которую можно создать, – читаем в карманном катихизисе для церквей Франции, – но нет готовой морали, нет закона небесного происхождения, нет кодекса, написанного в сердце. Мораль – это человеческое творение. Одной из величайших задач человечества является создание законов". Заповедь о любви приобретает совершенно новый смысл: любить – это значит "быть самим собой", это значит осуществлять "мораль ситуации без предписанных законов", и только в этом заключается "великая свобода любви". Так обессмысливаются слова блаженного Августина "возлюби Бога и делай что хочешь", где возлюбить означает стяжать благодать Святого Духа через исполнение воли Божией.

Подчеркивание человечности Христа с умалением Его Божественности (о Божественной стороне нужно "молчать") совершается в той же иллюзии, в какой когда-то стремились достигнуть этого ариане, "сделать христианство более доступным для язычников". Когда читаешь католических модернистов, невольно приходит мысль: не арианство ли это – ересь, которую святитель Антоний Великий, согласно его жизнеописанию, созданному святителем Афанасием Великим, называл последней и предтечей антихриста?

Вот официальный катихизис для молодежи, где стремление все сделать понятным для современного человека, объясняя "чудесное" с человеческой стороны, низводит Спасителя до уровня некоего экстрасенса: "Иисус исцелял больных, но это не обязательно означает чудеса в том смысле, в каком мы часто об этом слышим. Некоторые люди имеют дар исцеления. Не был ли Иисус одним из них?"

В поисках новых слов французские католические богословы доходят до того, что в Молитве Господней при крещении вместо *Да будет воля Твоя* предлагают: "Да будет воля Твоя праздником". Это – богословие упразднения Креста и страданий.

Мы видим, что выбор слов делается так, чтобы непременно угодить человеку с современной психологией. Уже не говорят об искуплении, но об освобождении – со всем тем, что это слово содержит в своей двусмысленности.

"Может ли быть нечто среднее между истиной и ложью, отрицанием и утверждением, светом и тьмой? И хотя между светом и тьмою может быть нечто среднее, именуемое "сумерками", однако между истиной и ложью не может быть найдено ничего среднего... но, может быть, ты скажешь, что не превратилось в противоположность сделанное изменение, но мы ищем нечто среднее и соглашения. Никогда, о человек, то, что относится к Церкви, не разрешается через компромисс... пусть никто не властвует в нашей вере – ни царь, ни архиерей, ни лжесобор, ни иной кто, но только единый Бог, передавший ее нам и Сам, и через Своих учеников"[9]. Вот позиция Православной Церкви, выраженная святым Марком Ефесским на Флорентийском соборе.

Опасная точка зрения католического модернизма, состоящая в том, что одно и то же догматическое содержание может выражаться в разных словесных формулировках, закономерно рождает и другие ложные идеи. Перенос акцента с христологического[10] аспекта Откровения на пневматологичес-

кий[11] приводит к обособлению действия Ипостаси Святого Духа от Ипостаси Сына в плане домостроительства и, далее, к гипотезе о том, что Святой Дух действует и вне Христа, в религиозных культах, не знающих Христа.

Главная секулярная, фундаментальная "ценность" демократического мировоззрения Запада – это принцип политического и идеологического плюрализма, идеологической терпимости (который даже не вникает в сущность идеологии), принцип, отрицающий, по сути, абсолютные истины. Нет господствующей идеологии – есть много идеологий, каждая из которых отчасти истина. Нет одной Истины – есть много относительных, частичных истин. Внесенный в религиозное сознание, этот принцип элементарно приводит к мысли, что не иначе обстоит дело и в религии. Отсюда и возникает идеология религиозного универсализма, который, спекулируя на правильной мысли, что в каждой религии есть "естественное откровение", есть отблески Божественного света, делает чрезмерный акцент на этом, полагая такую позицию (а не обличение лжи вне христианства) единственно возможной для христиан как братьев всех людей на Земле. Такое понимание противоположно христианскому принципу Креста, оно является отказом от Него. Оно неизбежно приводит к религиозному индивидуализму и эгоизму: "это мое право – верить так, а не иначе". Психологический индивидуализм трактует веру как личное дело, которое касается личных, интимных сторон души. Эта утрата соборности логически вытекает из духовной позиции протестантизма (мистического индивидуализма), который, отпав от Вселенской Церкви, разделился на сотни сект со своими вероисповеданиями, особенностями. А ныне та же центробежная сила раздробила эти общины на индивидов, даже не испытывающих потребности как-то согласовать свои взгляды со взглядами единоверцев. Из этого же религиозного индивидуализма, ярко проявляющегося во всех сферах деятельности западного человека, вытекает еще одна важная психологическая черта современного псевдохристианского сознания – религиозный утилитаризм и эгоизм. Такая утилитарная позиция закономерно отразила общую деградацию личности в современном мире. Она низводит религиозное сознание "христиан" на уровень первобытных дикарей, которые поклоняются идолам, во-первых, чтобы избежать зла от них, во-вторых, чтобы получить различные блага – прежде всего материальные.

Другая секулярная ценность, которой молится современный мир, – это земное благополучие, "хорошая", сытая жизнь. "Горизонталистские" тенденции занимают чрезмерно большое место у западных христиан, заслоняя от них, по существу, подлинно духовную жизнь. И это происходит также из-за неверной расстановки акцентов, преувеличения того несомненного факта, что христиане должны как-то на началах справедливости устраивать свою социальную жизнь (но не так, чтобы земной труд поглощал устремленность души к Граду Небесному). Когда определяющей ценностью становится поиск благоденствия, христиане ищут прежде всего земное в надежде, что Царствие Божие им приложится, видимо, в награду за их муравьиную хлопотливость.

Другим проявлением "посюсторонней" веры людей, которые строят крепость здесь, на земле, предпочитая ее "воздушным замкам" загробной жизни, является религиозный гедонизм, выражающийся в жажде "любыми средствами", вплоть до "радений", добиться мистических ощущений, воспринимаемых как особый вид "духовности" (что особенно хорошо видно, например, в сектах пятидесятников, квакеров, хлыстов). В религиозной жизни ищут прежде всего острых эстетических ощущений от "красоты богослужения". Образ Спасителя во многих религиозных книгах воспринимается эстетически, утверждается, что Христос благословляет творчество поэтов и музыкантов, поскольку образ Божий раскрывается в

творчестве (стирается грань между творчеством светским и духовным).

Так истинная религиозная вера, основанная на догматах и Предании, на здравом смысле "верующего разума", подменяется "религиозным чувством", ни к чему серьезному не обязывающим.

А по этой дорожке "мистического индивидуализма" и эгоизма уже нетрудно дойти и до буддизма и индуизма, ведь их психологические корни те же – религиозный эгоизм и утилитаризм.

Эмоциональные перегрузки при современном темпе жизни, обилие стрессовых ситуаций приводят к тому, что в религии в первую очередь начинают искать психотерапевтические утешения (здесь чрезмерный акцент на правильной, в общем, установке: ведь религии, и Православию тоже, всегда была присуща функция утешения). Священник тогда занимает в сознании человека "почетное место" рядом с домашним психоаналитиком.

Вся эта картина патологического религиозного сознания, которое не решается признаться в своей безрелигиозности и лукаво носит маску христианства, создает общую атмосферу двусмысленности и субъективности, в серой мгле которой расплываются критерии Истины и Добра. Отсюда – и непонимание законов духовной жизни, перескок через этапы, жажда христианской любви без Креста, то есть подмена ее воображательной, самообманной любовью, замена ума – воображением, здравого смысла – субъективным произволом.

Взятые в своей совокупности, эти явления ведут в области душевной и духовной жизни поистине к разрушительным для личности последствиям, тем более опасным, что (как и в случае прелести) человек не замечает их гибельных последствий.

В результате человек начинает высказывать суждения, логически не обоснованные ни догматами, ни рациональными доводами, а лишь эмоциями, секулярными ценностями, то есть в представление о Боге вносит антропоморфные суждения, приспосабливает истину к своим взглядам.

Та же обмирщенность сознания, подвластность ума эмоциям приводит к открытой ереси, к тому, что не совесть и жизнь подвергаются суду догматов, а, напротив, догматы принимаются и отвергаются в зависимости от того, отвечают ли они моей совести, моему представлению о Боге. Личность тем самым производит еретический отбор, действуя по "личному вкусу", а то и капризу, из системы вероучения тех догматов и моральных требований, которые ей "нравятся", отбрасывая другие, поскольку они противоречат модным идеологическим установкам. Особенно достается догмату о первородном грехе и догмату искупления, что и понятно, так как они служат основой подлинно христианской морали. Современный мир проявляет поразительное нечувствие греха, не хочет видеть своей греховности, обличающей его. В результате появляется богословие, например Тейяра де Шардена, неизбежно приводящее к пантеизму или прямо противоречащее многим важным положениям христианского учения.

В области теоретических идей это прелестное состояние ума непосредственно находит выражение в адогматизме, отрицании практической необходимости догматов для христианской жизни и гносеомахии ненависти к рациональному познанию, которое якобы "засушивает душу". Естественным образом заменой "здравому смыслу" служит интуитивизм, которым так славятся современные люди, как неверующие, так и "мистики" в духе пиетистов, йогов и т. д. Примат интуиции над разумом (причем не духовный, в плане усмотрения интуицией очевидных истин, а интуиции сердца, но не в святоотеческом его понимании) отражается в состоянии плененности ума страстями и разорванности, мозаичности сознания. Что это значит?

Разорванность сознания означает разрыв в целостном религиозном восприятии вероучения, культа, вообще

всех явлений жизни, как духовных, так и материальных. Целостное догматическое восприятие означает монизм, подход ко всему, исходящий из одного: в какой степени это полезно или вредно для спасения души, насколько это отвлекает меня от христианского пути? Разорванное же сознание не очень заботится о спасении души, а потому не в силах найти единый критерий. Оно подходит к различным сферам жизни, как бытовой, так и духовной, с совершенно разными требованиями и критериями. В результате человек может ходить на богослужения. "Удовлетворять свои религиозные потребности" в храме и при этом находить эстетическое наслаждение в пошлости голливудских фильмов, а в своей научной деятельности, скажем, проповедовать пантеизм, дарвинизм или иные нехристианские взгляды.

Утрата самодержавия ума в сочетании с интуитивизмом приводит к спонтанности, то есть к тому, что человек отвыкает обдумывать свои высказывания, формируя их как бы "на ходу", так что через несколько дней от этих высказываний приходится отрекаться и краснеть за них. Такая спонтанность, по неоспоримому закону психологических антитез, несмотря на свою непробиваемость для выводов рассудка, становится причиной сильной внушаемости, готовности дать убедить себя в какой угодно глупости, если она облечена в красивую упаковку и проповедуется с большой самоуверенностью. Примеры массовой внушаемости хорошо были известны многим демагогам XX века (Гитлер, Сталин и пр.). Если дать этим состояниям беспрепятственно развиться, они кончаются явно клинической картиной аутистического мышления, разобщенности человека с реальностью, с миром других людей и с Богом.

Наши краткие заметки по этому вопросу можно резюмировать в следующих чеканных словах великого учителя Церкви Иоанна Дамаскина:

"Посему, братия, да стоим на Церковном Предании, как на камне веры нашей, не передвигая границы, которую поставили Святые Отцы наши, не давая места тем, которые желают нововведений и разрушения здания Святой, Божией, Вселенской и Апостольской Церкви, ибо, если каждый будет поступать по своей воле, мало-помалу разрушится все Тело Церкви"[12]. Ибо равнодушие к Истине неизбежно приводит к снижению нравственности. Но вдохновенное сознание ответственности за истину да не будет отделено у нас от жизни по Истине. Если внутренний взор не просвещен, то все внешнее учение не имеет значения. Человек ищет живое лицо Истины, хочет вкусить и почувствовать очевидность того, что содержится в догматах. Если мы не обновимся, мы не сумеем устоять и победить в неизбежной конфронтации со всеми лжеучениями, для которых христианский догмат – досадное препятствие на пути к созданию единой "суперрелигии".

Благодатное стояние за догмат важно и для проповеди христианства, потому что недостаточно, чтобы вера передавалась внешним как нечто рациональное, необходимо, чтобы догмат освещался изнутри, становился как бы очевидным для христианина. Надо ли говорить о том, что в наши дни Церковь потеряла так много верующих не только из-за размывания очертаний Истины вследствие адогматических тенденций, но также и потому, что Откровение о Боге часто возвещалось холодными устами.

Примечания

[1] Догмат – истина православной веры. Например: Христос – Сын Божий.

[2] Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. – Богословские труды, 1972, N 8.

[3] Софроний, иеромонах. Старец Силуан. Париж, 1952, с. 47, 60.

[4] Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1837, с. 503, 519.

[5] Святитель Феофан. Слова на Господские и Богородичные дни. М., 1883, с. 82.

[6] Святитель Феофан (Затворник). Начертание христианского нравоучения. М., 1985, с. 349–350.

[7] Святитель Игнатий Брянчанинов. Отечник. Брюссель, 1963, с. 754–755.

[8] Никодим Святогорец. Невидимая брань. 5-е изд. М., 1912, с. 273.

[9] Цит. по книге архимандрита Амвросия "Св. Марк Ефесский и Флорентийская уния" (Нью-Йорк, 1963, с. 227).

[10] Христология – учение о Христе.

[11] Пневматология – учение о Святом Духе.

[12] Святитель Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1913, с. 348.

Протоиерей Александр ШАРГУНОВ

Благовещение

(Ко 2-й полосе обложки)

7 апреля (25 марта по церковному календарю) Русская Православная Церковь празднует один из величайших двенадцати своих праздников – Благовещение Пресвятой Богородицы. В этот день Пресвятая Дева Мария услышала от посланника Божия Архангела Гавриила благую весть о том, что Она избрана Господом Матерью Спасителя мира, Который принесет людям освобождение от рабства греху и вечной смерти. С момента явления Ангела Деве Марии начинается новая, светлая, эра в жизни человечества. В Церкви с Благовещения начинается пасхальный цикл праздников, связанных с Воскресением Христовым и Сошествием в мир Духа Святого.

О явлении Архангела Гавриила Деве Марии в Назарете повествует святой Евангелист Лука (см.: Лк. 1, 26–38). Ангел явился Деве, *обрученной мужу* (ст. 27) – праведному Иосифу (Дева Мария только с точки зрения закона являлась женой старца Иосифа, ее престарелого родственника, ставшего по решению Первосвященника хранителем девства юной Марии), когда Она читала Священное Писание и размышляла над книгой Пророка Исаии, в которой содержится пророчество о Рождении от Девы Спасителя мира. Ангел приветствовал Святую Деву словами: *Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие* (ст. 28–29). А Ангел продолжал: *...не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца* (ст. 30–33).

Древнее царство Давида управлялось Богоизбранными царями в соответствии с законами Божиими и являлось образом грядущего Царства Божия, потому что все формы гражданской жизни общества были пронизаны идеей служения Богу. За 600 лет до Рождества Христова царство Давида пало в результате нашествия Навуходоносора, но верующие люди жили надеждой на возрождение духовных идеалов и пришествие Мессии-Спасителя. К числу верных принадлежали Дева Мария, Которая происходила из рода Давидова, и Ее родители, старец Иосиф, родители Иоанна Крестителя, праведные Захария и Елизавета (к ней поспешила Пресвятая Дева Мария, услышав благую весть) и святой Иоанн Предтеча, старец Симеон Богоприимец, пророчица Анна, вифлеемские пастухи и многие другие, ожидавшие, что, согласно предсказаниям Пророков, Мессия восстано-

вит царство Давида сначала в народе израильском (*над домом Иакова* (Лк. 1, 33)), потом в него вольются многие народы и оно пребудет вечно.

Мария в изумлении спросила Ангела: *Как будет это, когда Я мужа не знаю?* (ст. 34). В этом вопросе нет сомнения или тем более неверия. В Пресвятой Деве говорит естественное желание узнать, как совершится необычайное, "безмужнее" рождение Спасителя мира. И Ангел отвечает, что Ее обет целомудрия не будет нарушен, Она родит Сына сверхъестественным образом – ведь для Бога нет ничего невозможного: *Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим* (ст. 35). В этих словах содержится указание на сокровенное предочистительное действие Духа Божия на лоно Пресвятой Девы. Такое предочищение необходимо было потому, что, несмотря на Свою чистоту, Пресвятая Дева не была свободна от прародительского греха. Чтобы Сыну Ее не был передан прародительский грех и чтобы зачатый Младенец был безгрешен по рождению, Дух Святой предуготовил лоно Пресвятой Девы к зачатию Безгрешного Богочеловека.

Дева Мария, видя во всем волю Божию, смиренно ответила: *Се, раба Господня. Да будет мне по слову Твоему* (ст. 38). Согласие Девы Марии стать Матерью Спасителя было абсолютно необходимым условием для Воплощения Сына Божия. Ведь, дав человеку свободную волю, Господь оберегает его право на нравственный выбор. Творение признается через духовное совершенствование к уподоблению Творцу. Мудрую рассудительность Девы Марии и Ее смирение отцы Церкви противопоставляют легковерию прародительницы Евы, поддавшейся соблазнам диавола-искусителя и ввергнувшей вместе с Адамом род человеческий в рабство греху и смерти.

В явлении Архангела Гавриила Деве Марии Святая Церковь видит *спасение нашего главизну*, то есть начало нашего спасения. В день Благовещения наш мир принес Богу свое самое бесценное сокровище – Пречистую Деву Марию. Господь принял этот великий дар и ответил на него даром благодати Святого Духа и Своей безграничной любовью, которая есть содержание Божественного бытия.

По старинному русскому обычаю, в день Благовещения отпускают на волю птиц в знак освобождения человеческой души от греха.

Народная пословица гласит, что в этот день даже птица гнезда не вьет, дева косы не плетет. Отложим и мы все суетное, освободим свои душу, сердце, разум от повседневных забот и привязанностей и пребудем в радостном молитвенном общении с Богом.

А. Ч.

* * *

Душа, причастная Небес,
Свидетель и не отрицает
Существования чудес, –
Ей мир иной сквозь тьму мерцает.

За далью лет – разъяты даты,
Но вновь сквозь время, сквозь молву
Сюжеты дней двунадесятых
Вдруг проступают наяву.

И ветер крыльев – не пугает,
Душа внимает и молчит,
И весть Архангела благая
Ей, как Марии, вновь звучит.

Звук чистый окрыляет слово...
И вести вторят ум, уста,
Душа ожившая готова
Навек прильнуть к стопам Христа.

Л. Колодяжная

Памятный день

(вечер в МДА, посвященный памяти митрополита ФИЛАРЕТА (Дроздова) и Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ I)

В день памяти святого праведного Филарета Милостивого, 14 декабря 1993 года, в академическом храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы после Божественной литургии была совершена панихида по Высокопреосвященнейшему Митрополиту Филарету (Дроздову), которую возглавил первый проректор МДА архимандрит Венедикт.

После окончания занятий в Семинарии преподаватели и студенты присутствовали на просмотре церковного кинофильма 1948 года "Празднование 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви".

Затем в Большом актовом зале Московской Духовной Академии состоялся вечер, посвященный памяти митрополита Московского Филарета и Святейшего Патриарха Алексия I. На вечере присутствовали Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, архиепископ Солнечногорский Сергий, епископы Истринский Арсений, Подольский Виктор, Владивостокский и Приморский Вениамин, Магаданский и Чукотский Ростислав, наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Феогност.

Акт открыл вступительным словом ректор МДАиС епископ Дмитровский Филарет. Он напомнил, что нынешний традиционный Филаретовский вечер совпал со знаменательной годовщиной 45-летия возвращения Московских Духовных школ из Москвы в Лавру Преподобного Сергия, и отметил большую работу, проведенную Патриархом Алексием I по возрождению Академии.

Затем епископ Филарет прочитал доклад на тему "Духовный облик святителя Филарета, митрополита Московского († 1867), и Святейшего Патриарха Алексия I († 1970) в историческом пути церковной жизни XIX-XX веков".

В докладе проводится параллель между жизнью и церковным служением Патриарха Алексия I и митрополита Филарета, отмечается их многосторонняя и плодотворная деятельность, неоценимый вклад в развитие русского богословия.

По прочтении ректором доклада выступил профессор МДА К.М.Комаров. Он рассказал о возрождении Московских Духовных школ при Святейшем Патриархе Алексие I, по благословению которого они были переведены 45 лет тому назад из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру.

Затем заведующий Регентской школой при МДА протоиерей Вадим Смирнов поделился своими воспоминаниями о Святейшем Патриархе Алексии I и об участии Патриарха в его личной судьбе.

С большим вниманием и интересом собравшиеся выслушали слово Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

СЛОВО

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Филаретовском вечере в Московской Духовной Академии 14 декабря 1993 года

Уважаемая профессорско-преподавательская корпорация, студенты, воспитанники, слушатели регентской и иконописной школ и все высокое собрание!

В первую очередь я хотел бы поздравить Преосвященного Владыку ректора с днем его тезоименитства и пожелать ему благодатной помощи в архипастырских трудах и в руководстве жизнью Московских Духовных школ.

Сегодня на традиционном Филаретовском вечере в основном докладе, предложенном Владыкой Филаретом, проводится параллель между митрополитом Московским Филаретом и Святейшим Патриархом Алексием I. Оба они сыграли огромную роль в жизни Московских Духовных школ. Сегодня многое было сказано и о святителе митрополите Филарете, и о Святейшем Патриархе Алексие I.

Я помню многие Филаретовские вечера, носившие действительно семейный характер, на которых всегда Святейший Патриарх Алексий I выступал со словом, которое он сам готовил. Каждое выступление Святейшего Патриарха было основано на воспоминаниях очевидцев, которые соприкасались с митрополитом Филаретом, или связано с плодами его архипастырской деятельности.

Есть еще один момент, который роднит этих двух святителей нашей Церкви: это долголетие их архипастырского служения. Немного архиереев и Предстоятелей Церкви, которые могут и могли отметить 50-летие своего архиерейского служения. А митрополит Филарет и Святейший Патриарх Алексий I оба прошли полувековой путь архипастырского служения. Причем оба сохранили до конца своих дней светлый ум, живой интерес к жизни Церкви, возможность, несмотря на немощи, совершать богослужения почти до конца своего земного поприща. Последним богослужением, которое совершил Святейший Патриарх Алексий I, было всенощное бдение на Сретение Господне. Святейший Патриарх имел традицию в своем кабинете в Патриархии читать евангельское зачало того дня, которое читалось в храме. И после праздника Сретения он уехал в Переделкино, и там уже его постигла предсмертная болезнь, а после кончины в открытом Евангелии увидели слова, читаемые на Сретение Господне: Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром (Лк. 2,29).

Многое сделали оба святителя для возрождения и обновления Московских Духовных школ, видя в их питомцах будущих пастырей Церкви Христовой и будущее Церкви. Вот эти задачи стоят и сегодня, когда каждая епархия нуждается в священнослужителях. Сегодня нет епархии, которая не ощущала бы недостатка священнических кадров, потому что процесс возрождения храмов Русской Церкви опережает наши возможности по подготовке кадров священнослужителей.

Нынешнее время – особое время, когда требуется не только удовлетворять ду-

ховные нужды верующих, но и отвечать на многие вопросы тех, которые приходят в Церковь, которые ищут дорогу к храму или уже идут по ней.

Я очень надеюсь, что новое поколение будущих священнослужителей будет ревностно относиться к своим обязанностям, будет отвечать на запросы духа тех людей, которые, может быть, не получили церковного воспитания, уже в зрелые годы приходят в Церковь, у которых возникают многие вопросы: как жить, как научиться евангельским истинам и как следовать им. Я убежден, что все вы, учащиеся Московских Духовных школ, пришли сюда по призванию, ибо если нет призвания, то здесь и делать нечего. Призвание привело вас в Духовную школу, здесь вы должны получить богословские знания, здесь вы должны духовно возрасти для того великого, святого дела пастырства, которое предстоит вам.

Сегодня многие священнослужители сталкиваются с трудностями: трудностями восстанавливать порушенные и разоренные храмы, трудностями экономического порядка. Но перед нами стоит великая, ответственная и святая задача – вернуть нашему народу его православные традиции, веру отцов и противостоять той миссии, которую сегодня осуществляют различные миссионеры, секты, пытаясь заполнить тот духовный вакуум, который образовался в результате семидесятилетнего воспитания в духе безверия, отрицания духовных ценностей. Иногда нечестными способами действуют эти миссии: они пытаются купить людей подарками, гуманитарной помощью, иногда просто денежной помощью, раздачей книг. Но они несут разделение в наш народ. И если сегодня наше общество разделено по политическим взглядам, разделено по национальной принадлежности, то разделение по конфессиональному признаку довершит разделение. Есть силы, которые заинтересованы в разделении, потому что они хотят использовать принцип: "Разделяй и властвуй!"

Нам необходимо хранить единство Святого Православия, готовить здесь, в этих стенах, преданных, убежденных, ревностных священнослужителей Церкви Христовой, которые не формально будут исполнять свои пастырские обязанности, а по долгу совести будут подходить к каждому человеку, который сегодня приходит в Церковь и ищет духовные и нравственные ценности.

Мне несколько месяцев тому назад пришлось пройти по тем регионам, где начинал свою подвижническую деятельность святитель Иннокентий, впоследствии митрополит Московский, причисленный к лику святых. Это Якутия, Камчатка, Дальний Восток. Все разорено за семьдесят лет, прошедших после революции: порушены храмы, монастыри, а главное – разрушены души людей. И вот пришло время возвращать веру в души людей, возрождать порушенные храмы.

Мы возродили целый ряд сибирских и дальневосточных епархий. Но в трудных условиях несут свое архипастырское служение те святители, которые назначены в этот климатически суровый край. И сейчас в результате дороговизны авиабилетов происходит определенный отрыв от центра. Но мы должны возродить желание в наших студентах нести просветительскую деятельность в те регионы, где особенно проявляется разрушительное действие атеизма и где разрушена вся церковная жизнь.

Где бы ни пришлось нести пастырское служение тем, кто сегодня находятся и учатся в стенах Московских Духовных школ, примеры жизненного подвига святи-

теля Филарета и Святейшего Патриарха Алексия I должны вдохновлять их на подвиг служения Церкви Христовой. Используйте, дорогие братья, это время, которое дается вам для получения знаний, опыта, мудрости, для великого пастырского служения.

Я думаю, что на Филаретовских вечерах нужно вспоминать нам начало возрождения в послереволюционные годы Московских Духовных школ и тот энтузиазм среди педагогов, профессоров, которые пришли сюда, получив образование в дореволюционной Духовной Академии, и спели свою лебединую песнь. Они обеспечили преемство между старой, дореволюционной и возрожденной после войны Духовными школами.

Мы с благодарностью вспоминаем Предстоятеля нашей Церкви Святейшего Патриарха Алексия I, который так много сделал для возрождения богословского образования и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Я думаю, надо вспомнить и тех, которые первыми пришли в возрожденные Духовные школы в непростое послевоенное время и примером своей жизни и своих знаний обеспечили то преемство, которое было необходимо для возрожденных Духовных школ.

Я от души желаю Владыке ректору и всему руководству и администрации Московских Духовных школ, профессорско-преподавательской корпорации щедрой помощи Божией по молитвам тех наших предшественников, которые закладывали фундамент богословского образования и которые вдохновляют нас своим примером.

А вам, студентам и воспитанникам, желаю еще раз воспользоваться тем временем, которое предоставляется вам. Если не воспользуетесь, в своей самостоятельной пастырской деятельности не раз будете жалеть, что могли пользоваться богатством библиотеки и опытом старших преподавателей, но не воспользовались этим. Готовьте себя к великому делу пастырского служения. Бог вам в помощь!

В ответном слове ректор епископ Филарет от лица всех присутствовавших выразил сердечную благодарность Его Святейшеству за участие в торжественном вечере.

Вторая часть торжественного акта состояла из концерта духовных песнопений в исполнении хора учащихся Регентской школы при МДА под управлением выпускниц этой школы.

После ужина все собрались в академическом Покровском храме на вечернюю молитву, по окончании которой Его Святейшество передал Московским Духовным школам частицу мощей святителя Тихона, Патриарха Московского.

Иеромонах ФИЛИПП,
преподаватель МДС

Из хроники "ограбления века"

Веками Русь собирала и приумножала свои богатства, строила храмы духа, почитала и оберегала святыни. Одним из замечательных примеров созидания, собирания и сохранения был Чудов монастырь Московского Кремля, основанный в период великого княжения Димитрия Донского, в 1365 году, в память чудесного исцеления Святителем Алексием, Митрополитом Московским, жены хана Джанибека, Тайдулы, от слепоты.

Этот уникальный памятник старины был отмечен многими замечательными событиями. Здесь бывал Преподобный Сергий Радонежский. В монастыре крестили будущих царей и членов царской семьи, хоронили иерархов церкви, видных государственных деятелей, последнего казанского царя. Один из колоколов был отлит по повелению царя Михаила Феодоровича – первого из династии Романовых – в память своего отца.

Монастырю принадлежали огромные ценности, подаренные царями и боярами, князьями и купцами, посадскими людьми и паломниками. В монастыре хранились богатые военные трофеи. В XVII веке монастырь, достигнув высшего процветания, получил название Великой Лавры. Здесь была основана Греко-латинская школа, преобразованная затем в Славяно-греко-латинскую академию. В келье Чудова монастыря летописец Пимен писал свое последнее сказание о Смутном времени и о царе Борисе Годунове.

В XX веке окончилась летопись самого Чудова монастыря (впрочем, история свидетельствует: на протяжении веков после неоднократных пожаров и опустошений он вновь и вновь возобновлялся). В 1929–1930 годах полностью были разрушены монастырь и четыре его церкви. Изменились облик и назначение Ивановской (Царской) площади, где стоял монастырь и когда-то кричали "во всю ивановскую" глашатаи царских указов и приказов.

Но чудом сохранилась до наших дней одна их приписанных к монастырю церквей, подаренная ему по завещанию, а первоначально построенная на земле помещика Ильи Азакова в подмосковном тогда селе Черкизово. Стоит на горке эта белоснежная златоглавая красавица со скипетром-колокольней, радуя своим дивным видом прохожих и проезжих. До сих пор эта Ильинская церковь сохраняет невидимую связь с бывшим Чудовом монастырем, оберегая редкую иконографию – образ "Исцеление Святителем Алексием Тайдулы".

Не закрыты еще и некоторые другие черные страницы в истории России, ее храмов. Стоит на Тверском бульваре в Москве церковь-великомученица, некогда также отмеченная царским вниманием. В 1615 году восемнадцатилетний Михаил Романов подарил этому храму семейную реликвию – византийского древнего писания икону Иоанна Богослова. На оборотной стороне доски надпись: "В лет от создания мира 7123 сию икону в Его святом храме, что в Москве, в Бронной слободе меж Тверских и Никитских ворот за белым городом, прислал от себя сверху во Христе благочестия поборник Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея России самодержец". Сохранилась метрика церкви, составленная в 1887 году, в которой указано, что икона "находится в целости" (спустя почти триста лет пребывания в храме).

В XVII веке при церкви Иоанна Богослова была устроена богадельня на 100 человек "на поминовение душ царских родителей". По оценке владений этой церкви, произведенной Московской городской управой в 1916 году, ей принадлежало

свыше 1500 квадратных саженей земли (под постройками, двором и садом); семь строений, в том числе каменный четырехэтажный дом, где в квартире № 8 жил священник, в № 18 – диакон, в № 6 и 17 – псаломщики, остальные квартиры сдавались в наем*. При церкви были пекарня и булочная, лавки фруктовой и мелочной торговли, складские помещения и прочее. Подсчитан годовой бюджет, все доходы и расходы.

В метрике церкви отмечено: "Кроме неприятельского нашествия 1812 г. на Москву, особых событий по храму нет". "Особые события" начались через тридцать лет. Разбушевавшаяся стихия идеологической и политической борьбы начала XX века обрушилась не только на людей, культуру и религию, но и на материальные ценности. На фоне предшествующего кропотливого созидания размах и стремительность вспыхнувшего разрушительства особенно непостижимы.

* * *

Красноречивее документов нет ничего, кроме других документов, еще более красноречивых. Важно знать не только о хорошем и добром, но и о зле и разрушениях: когда и кто, как и почему? Особенно если уничтожал не неприятель, а доморощенные герострaты, и не из тщеславия или мании величия, а по недоумию. И если это было не только вчера, но продолжается сегодня.

Многие богоборческие документы не сохранились, другие еще имеют гриф "секретно" либо остаются малодоступными, так как хранятся в разных архивах и фондах, описаны в спешке, принципы их систематизации имели другие цели. Когда, прочитав сотни описей, обнаружишь вдруг что-то интересное или только одно слово, за которым может скрываться предмет поиска, то не так-то просто получить сам документ. На многократные запросы-требования уходят недели, месяцы, годы. Иногда "дела", то есть папки с документами, работники архивов просто не выдают под различными предлогами: "в переплете", "на обработке", "на микрофильмировании" и прочее, и прочее.

Тем радостнее находка. И тем очевиднее, что в современных условиях необходим иной принцип систематизации архивных материалов, а в создаваемом музее тоталитарного режима должны быть фонды документов о церкви, об отдельных храмах, о судьбе священников и прихожан, о разрушениях не только духовной, но и материальной культуры народа.

Еще можно подсчитать стоимость разрушенного, разграбленного и "добровольно сданного" государству.

Бытует мнение, что изъятие церковного и монастырского имущества относится в основном к 1918–1920 годам, а в последующие годы "добровольные пожертвования" собирали государственные органы и их комиссии. Вот один из документов Московского военного округа, направленный в январе 1925 года в Моссовет за подписью помощника командующего войсками: "Сообщаю, что стоимость церковных ценностей, изъятых по Москве и Московской губ., сданных в ГОХРАН, в оценке Гохрана выражается в следующих цифрах: по г. Москве сдано 1 948 767 руб. 95 коп., по Моск. губ. – 960 143 руб. 46 коп. Итого 2 908 911 руб. 41 коп. Детальные цифры смотри приложение". В приложении перечислены предметы из золота и серебра, многие без указания веса, только в штуках. Например, "серебряная риза с иконы Спасителя от священника Флоренского" (может быть, от Павла Флоренского?). Нет ни полного имени, ни адреса владельца. Не указан размер и вес серебра. Поэтому трудно понять, что имелось в виду под "детальными циф-

---

* Стоит этот дом и сегодня, но церкви он давно не принадлежит и священники в нем не живут. Они приезжают на службу с дальних городских окраин или из области, растрачивая в дороге по нескольку часов в день.

рами" и как исчислялись рубли и тем более копейки, все ли доходило до казны при такой форме учета. Этот документ хранился до недавнего времени в делах секретной части управления делами Президиума Моссовета. (По постановлению СНК от 3 февраля 1920 года, сдаче в Гохран не подлежали ценности, переданные в пользование религиозных общин как предметы культа).

После золота и серебра "глаз положили" на бронзовые колокола.

Один из красноречивых документов – выписка из решения Президиума Мосгорисполкома, направленная в горфинотдел и культовую комиссию Моссовета с грифом: "**Не подлежит оглашению.** В. срочно. С нарочным".

"Слушали: О заготовке лома колокольной бронзы в IV кв. 1933 г.

Постановили: 1. В соответствии с постановлением СТО* 1 от 23/X-33 № 923-216С (секретно. – *Примеч. ред.*) определить на IV квартал 1933 г. план заготовки лома колокольной бронзы в Москве 100 тонн.

2. Предложить Горфо с Комиссией по культу в 3-дневный срок представить на утверждение Президиума объекты, с коих может быть изъята колокольная бронза, и в декадный срок передать таковую Металлолому".

Вскоре "Металлолом" перехватил инициативу и сам стал вершить расправу над колоколами. Начальник спецчасти этого ведомства, официально именуемого Центральный московский производственно-заготовительный комбинат Государственного треста по заготовке, переработке и снабжению металлоломом Наркомтяжпрома СССР, посылал с нарочным такие записки с грифом "не подлежит оглашению":

"Просим дать нам через подателя сего – тов. Кошелева сведения о наличии колоколов по каждому району Московской области".

Видимо, к этому времени уже не стоял вопрос: может или не может быть изъята колокольная бронза, не требовалось и утверждения объектов.

Не нужны стали и решения районных органов власти с надуманными и нелепыми обоснованиями, наподобие содержащихся в решении Перовского горсовета, который, обсудив в мае 1933 года вопрос о запрещении звона колоколов в Новогиреевской церкви, постановил: "Ввиду того, что смежно с Новогиреевской церковью расположена военная окружная школа и звон колоколов мешает и отражается на учебе военных собак, просить президиум Мособлисполкома запретить звон Новогиреевской церкви".

Или такие, например, ответы культовой комиссии:

"Перовскому РИКу**: Комиссия по вопросам культа при Президиуме Мособлисполкома сообщает, что решение РИКа от 21 мая о прекращении колокольного звона в Новогиреевской церкви утверждено Президиумом Мособлисполкома 5 июля за № 1005/34".

Даже такая формальность и оперативность не устраивала Наркомат тяжелой промышленности.

В 1941 году, незадолго до начала войны, и сам этот храм, освященный в начале XVII века в честь иконы Нерукотворного Образа Христа Спасителя, изображенной на всех боевых знаменах московских дружин, закрыли. Здание церкви превратили, по горькой иронии, в склад воинской части. (За поруганный символ русской воинской славы дорого пришлось расплачиваться всему народу.)

Военное ведомство и другие силовые структуры имели "пристрастие" не только к церковным, но и особенно к монастырским зданиям. Известно количество разрушенных и разграбленных церквей и монастырей. Но, когда листаешь подлинные документы: "Об использовании храмов Московской губернии", "О предос-

---

* Совет Труда и Обороны.

** Районный исполнительный комитет.

тавлении Ивановского монастыря на Варварке для устройства концлагеря", "О занятии помещения Саввинского монастыря под концентрационный лагерь" и т. д., об их пленниках и бывших обитателях, только тогда можно понять и осознать трагедию тех не столь уж далеких дней, ее масштабы и вселенские последствия.

Вопиют документы и о неблаговидной роли в судьбе церкви значительной части интеллигенции, работников культуры, художников, скульпторов, артистов, журналистов, творческих союзов, издательств, театров, музеев – всем вдруг потребовались церковные здания и имущество.

Несколько характерных документов.

"В Президиум Моссовета.

Московский областной Союз советских художников-скульпторов просит предоставить свободную церковь на братском кладбище в селе Всехсвятском, находящуюся в ведении культ. сектора* Моссовета, для организации коллективной мастерской скульпторов тт. Малько, Махтина, Ветровой и Шероновой. Указанные скульпторы – члены МОССХС, работают по заказам Треста Скульптуры и Облицовки Моссовета (Махтин – над скульптурной группой для Новодевичьего сквера, Малько – над конной статуей Фрунзе). Все они совершенно не имеют помещения для работы, что является серьезным препятствием к выполнению ими заказов. Предоставление же им указанной церкви для использования ее под мастерскую даст им возможность заниматься плодотворной творческой работой".

Запрос подписали зам. председателя этого "творческого" союза Ракитина и секретарь Шубина.

В тот же адрес, за теми же подписями:

"Из представленных МОССХСу для осмотра церквей более пригодными оказались следующие:

1) на Рождественке – ц. Николая,

2) в Талашевском пер. на Тверской – ц. Рождества.

Кроме того, есть незанятая церковь и вполне пригодная для мастерской, лучше даже, чем первые две, – это на Пятницкой церковь Параскевы Пятницы.

Есть также на Варварке (угол Старой площади) пустая церковь, пригодная для мастерской.

Лучшие помещения для мастерских имеются в Донском и Новодевичьем монастырях.

В Донском – купеческая усыпальница, занятая фондом монастырского имущества, которое может быть перенесено в имеющиеся пустые помещения там же.

В Новодевичьем монастыре – две надвратные церкви, одна из них занята фондом, который тоже можно перенести там же в свободное помещение; другая – недавно временно занята вывесочной мастерской после того, когда мы обратились в Главнауку с просьбой и с отношением Треста по управлению торговых и складских помещений г. Москвы (о том, что помещение пустует)".

Подобных обращений с просьбами "оказать содействие в закреплении за Союзом нескольких церквей, которые вполне могут быть оборудованы под мастерские", "ввиду крайней нужды в мастерских (77% без мастерских)" и т. д., было множество.

Не меньшую активность проявляли и другие представители творческой интеллигенции.

Так, журналисты ТАСС сумели получить участок земли, на котором находилась еще действующая церковь Димитрия Солунского. А потом на этом основании потребовали закрыть и снести церковь. В июле 1933 года Президиум Мособлисполкома рассмотрел ходатайство Мосгорисполкома о церкви на ул. Горького,

---

*Имеется в виду сектор по делам культов.

дом 41/43, которая "находится на участке, подлежащем застройке домом Телеграфного Агентства СССР... группа верующих может перейти в близлежащую действующую церковь Сергия на Б. Дмитриевке и др."

В связи с этим было принято решение: "Разрешить Мосгорисполкому церковь т. н. Дмитрия Солунского закрыть, а здание ее снести. С предметами религиозного культа поступить согласно пост. ВЦИК и СНК от 8/IV–1929 г."

Формально подобные решения можно было обжаловать в 10-дневный срок (как судебные решения), но практического результата это, как правило, не давало.

Поэтому религиозная община храма приняла другое решение, в соответствии с которым ее исполнительный орган направил в Комиссию по культовым вопросам при Мособлисполкоме следующее заявление: "Исполнительный орган религиозной общины церкви Дмитрия Солунского, заслушав постановление президиума Моск. Обл. Исп. Ком. от 10/VII–33 о закрытии сего храма, настоящим заявляет, что от предоставленного права ходатайствовать перед ВЦИКом об отмене постановления отказывается, а вместе с тем просит Комиссию разрешить сей общине перейти со своими священниками для исполнения религиозных потребностей к церкви Иоанна Богослова, что в пер. Богословском г. Москвы. *Настоятель церкви прот. П. Филонов, члены исп. органа Никольская, Орлова*".

Но просимого разрешения прихожане не получили. И никто им не объяснил, что судьба и другой церкви, куда они хотели перейти, тоже предрешена.

Церковь Иоанна Богослова привлекла "особое внимание" Камерного театра. Несколько лет артисты вместе с администрацией настойчиво добивались сноса церкви и передачи ее земли под новые постройки театра, который "нуждался в расширении".

В делах городского архитектурного управления имеется запись: "...произведено обследование территории, занимаемой церковью Иоанна Богослова в Богословском переулке, в связи с предполагаемой Камерным театром постройкой нового здания на месте церкви. ...Трапезная и колокольня выходят на красную линию. Колокольня интереса не представляет, трапезную было бы желательно сохранить. При осуществлении постройки можно бы рекомендовать пристроить здание вплотную к абсидам. Планировка переулка, намеченная АПУ, не отвечает цели выпрямления проезда".

При этом отмечалось, что "здание ц-ви Иоанна Богослова является памятником большого историко-архитектурного значения". Поэтому разборку церкви архитекторы признали нецелесообразной, "тем более что осуществление таковой не приведет к выпрямлению переулка" (комментарии аргумента "тем более" излишни).

Когда добиться разрушения церкви не удалось, театр стал бомбардировать различные инстанции письмами, запросами, "слезницами" о получении здания храма для переоборудования под мастерские. Рассмотрев один из них, сектор науки Народного комиссариата просвещения пытался урезонить театральных "борцов", умерить их пыл разрушительства. На очередное требование театра от 31 июля 1922 года сектор науки отвечал, что "не возражает против использования здания ц-ви Иоанна Богослова в Богословском пер. под мастерские Камерного театра на следующих условиях. При использовании должен быть сохранен иконостас в приделе церкви, имеющий большое историко-художественное значение, паникадила и хоругви, последние (паникадила и хоругви) – до передачи их в какое-либо музейное хранилище. Внешний вид памятника должен быть оставлен без изменения: расширение окон, пробивка новых окон и дверей не допускается".

Но даже мнение работников Наркомпроса – ведомства, чья роль в судьбе церковных зданий и имущества была в те годы весьма значительна, – не облегчило участи этого храма. Правда, полностью разрушен он не был (впрочем, взрывать его было небезопасно, так как рядом стояли жилой дом и другие здания). Но

ни о сохранении внешнего вида церкви, ни об имуществе, художественных ценностях, настенной живописи и другом театр не позаботился. В этом легко убедиться, если подойти сегодня к храму, вернее, к его останкам. Уже не увидишь ни мягких расплывчатых очертаний шатровой церкви с пятью низкими шлемовидными главками на главном куполе, ни семи колоколов "с завода Финляндского", ничего не осталось и от внутреннего убранства и былого великолепия.

Стоит полуразрушенное, обезглавленное здание, ощетинившись железными балконами и выщербленными кирпичами. Внутри – зияющие дыры в стенах, по которым будто стреляли из дальнобойных крупнокалиберных орудий. Не осталось не только настенной живописи, но даже штукатурки.

В отличие от многих других церковных зданий, переходивших от одних ведомств или организаций к другим, эту церковь с 1933 года по сей день занимает тот же театр (теперь имени А. С. Пушкина). Так что известно, с кого спросить за все разрушения. По-прежнему здесь находится театральная мастерская, стоят огромные станки, которые во время работы создают вибрацию, много лет разрушающую здание, особенно фундамент. По-прежнему шум, стук молотков, скрежет пилы, ругань рабочих сотрясают здание, в уголке которого возобновились богослужения. Театр не торопится освободить помещения, несмотря на принятое московскими властями решение о возвращении этого здания наряду с другими прежнему законному владельцу.

Церковь-великомученица продолжает стоять в руинах, пытаясь выжить, взывая о помощи. А подаренная царем икона, чудом спасенная добрыми людьми, ждет возможности вернуться в свой прежний дом.

(Вибрация разрушает и здание Ильинской церкви в Черкизове, но не от станков, а от поездов метро: несколько лет назад вблизи церкви проложили тоннель, по которому ежеминутно грохочут поезда подземки.)

Прежде считали, что творческие работники сродни служителям церкви – в общении с ними и созданными ими произведениями люди черпали душевные силы, обретали духовность. "Театр – тоже храм духа нашего", – говорил протоиерей отец Александр Покровский, когда его сын, будущий главный режиссер Большого театра, вместо церкви посещал оперу. В наше время многие театры превратились в очаги бездуховности. Что может быть парадоксальнее и горше, чем разрушение памятников культуры теми, кто их создает или призван охранять, чей долг воспитывать, просвещать, сеять разумное, доброе, вечное.

В судьбе памятников истории и старины, в их "сохранении" неприглядной была и роль музеев. Существовала даже специальная "Инструкция о порядке ликвидации церковных зданий и имуществ, состоящих на учете музейного подотдела МОНО*.

Музеев было много. Был "музей" и в такой организации, как "союз воинствующих безбожников", который тоже старался оторвать от церкви кусок побольше, рассылая запросы, подобные этому: "В отдел культов Моссовета. Центральный Антирелигиозный музей Центрального Совета воинствующих безбожников просит не отказать в своевременном уведомлении научно-исследовательской части Музея о ликвидации Вами церквей и других домов религиозных культов в интересах рационального использования с Вашего ведома и разрешения предметов и материалов, могущих иметь историческое и музейное значение".

Какими были фонды этого с позволения сказать "музея", какова судьба шедевров, возвращено ли что-нибудь церкви?

Церковные ценности передавались многим музеям, в том числе Историческому музею, Третьяковской галерее, сотрудники которых являлись постоянными

---

*Московский отдел народного образования.

представителями по делам ликвидации церквей в секторе культов Моссовета. Сегодня их преемники "защищают" награбленное имущество от законных владельцев, оценивая свои услуги по хранению выше стоимости самих шедевров, хотя известно, что во многих музеях запасники расположены в таких сырых подвалах и других малоприспособленных помещениях, что многое из хранившегося там безвозвратно погибло.

Отдельная страничка разрушительства – деятельность так называемых комиссий по делам церкви, сыгравших неблаговидную роль в истории православия.

И еще много разрозненных пока документов о тысячах, десятках и сотнях тысяч храмов, о судьбах священников, прихожан, мирян, различных слоев интеллигенции, пытавшихся противостоять, помочь сохранить материальную и духовную культуру, православные корни народа. В архивах пока есть некоторые фонды и описи, где значатся "заявления слушателей культа о восстановлении в правах и пересмотре налогообложения", их жалобы на беззакония местных органов власти, требовавших сдачи государству мяса и другого натурального налога по нормам, установленным для "кулаков", хотя вернувшиеся из заключения священники не имели никакого хозяйства. Со многих документов еще не снят гриф секретности, несмотря на то что давно пора это сделать.

Частные примеры в своей совокупности помогают воссоздать общую картину недавнего прошлого и будут способствовать восстановлению утраченного, возрождению культуры, духовности, веры. Именно незнание многих фактов и подробностей отечественной трагедии, в которой vollens-nollens принимали участие все, даже те, кто пытался бороться против или оставался в стороне (они, может быть, в особенности), мешает людям осознать важность и необходимость всеобщего покаяния, без которого невозможно возрождение. Перед покаянием, готовясь к нему, люди смогут понять всю тяжесть содеянного и глубину морального падения, чтобы не допустить, предотвратить повторение сатанизма.

Возрождение духовности и национальных святынь началось. В триединстве науки, культуры и веры – феномен современности, импульс прогресса, реализации созидательной энергии и творческого потенциала человека. В единстве духовного и материального все отчетливее становится первооснова духовного, что отнюдь не отрицает значения материального.

Трудно оценить все утраченное. Но материальные потери должны быть тщательно подсчитаны: сколько стоило прежде, во что сегодня обходится восстановление, реставрация; каковы невосполнимые потери. Может быть, надо подсчитать и упущенную выгоду, то есть недополученный доход, причем за все годы, с учетом процентов и инфляции. И конечно, определить размеры изъятых у каждого храма земельных угодий, количество доходных домов, лавок, пекарен и прочее, и прочее – всего того, что давало средства на ремонт и обустройство церквей, приобретение икон и богослужебных книг, организацию церковноприходских школ, библиотек, богаделен, на благотворительность и т. д.

Бесспорно, наступит время, когда появится реальная возможность предъявить такой счет. Но сначала его надо составить на основе пока еще сохранившихся документов, с соблюдением всех юридических и бухгалтерских требований. И не откладывать это "на завтра". Это поможет вернуть хотя бы часть награбленного, которая еще сохранилась и остается в чужих руках, скрывается от законного своего владельца или продолжает разрушаться, безвозвратно гибнет.

Н. И. ЕФРЕМОВА

В БОРЬБЕ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

История армянского народа теснейшим образом связана с историей Армянской Церкви. Не существует истории армянского народа без истории Церкви. Более того, Церковь является одной из главнейших составляющих истории нашего народа, поскольку она после потери Арменией государственности взяла на себя также и роль светской власти, заботящейся об армянах, живущих как на родине, так и в диаспоре.

Вот почему бывший Армянский Патриарх Константинопольский, светлой памяти архиепископ Магакиа Орманян, озаглавил свою многотомную историю Армянской Церкви "Азгапатум" ("История нации"), давая тем самым понять читателям, что для армянского народа существует только одна история – история нации, которую нельзя разделить на отдельные части.

Орманян начинает свою книгу "Азгапатум" (которая, кстати, является настоящей энциклопедией, содержащей огромное количество разнообразных фактических материалов о церковной и национальной жизни) с первых дней распространения христианства в Армении и доводит до 1909 года включительно. Будучи не в состоянии завершить свой труд, он поручает продолжение его своим ученикам-епископам Карапету Тер-Мкртчяну и Бабкену Кюлесеряну. Однако из-за сложностей общественной жизни того периода епископам не удается выполнить просьбу своего учителя.

Таким образом, остался практически неосвещенным целый период истории Армянской Церкви, и особенно начало двадцатых годов: нет архивных материалов и к тому же прервалась связь между духовенством старого и нового поколений. Когда в 1945 году я поступил в только что вновь открытую Духовную Академию, из прежнего состава Конгрегации Эчмиадзина остались только двое – Католикос Георг IV и один архимандрит из пустыни Лима по имени Матевос.

Это был немногословный человек, напуганный увиденным и услышанным и потому предпочитавший молчать. Что же касается Католикоса Георга, он тоже вначале мало общался со слушателями Академии. Потом, когда нас рукоположили во диаконы, порой осторожно сообщал некоторые сведения, но тщательно обходил трагедию 1938 года. Когда же мы просили что-либо рассказать об этих событиях, сердился и говорил: "Не засоряйте себе головы, когда станете архимандритами, больше узнаете".

Оставалось полагаться на духовных и светских лиц, служивших тогда в первопрестольном Эчмиадзине, но, к сожалению, многие из них только что вернулись из мест заключения либо ссылок и потому избегали опасных разговоров. Только единицы осмеливались сообщать нам истину...

Причины преследования Церкви были известны: появилась новая сила, которая, войдя в конфронтацию с Церковью, старалась оторвать людей от Бога, создавая свою собственную систему ценностей взамен христианской нравственности, милосердия и добра.

Кроме того, государству нужно было золото для своих нужд и укрепления своего международного положения. И у кого забрать золото, как не у Церкви и духовенства, которые, "обобрав трудящиеся массы", сколотили огромное состояние... Отбросив в сторону декрет Октябрьской революции об отделении Церкви от государства, большевики отбросили и такое признанное всем миром понятие, как "свобода совести". Было решено под предлогом оказания срочной помощи голодающим ограбить церкви. Вот отрывок из строго секретного письма В. И. Ленина, отправленного 22 марта 1922 года членам По-

литбюро о расстреле "отсталого духовенства" и экспроприации церковного имущества:

"По этому вопросу необходимо на партийном съезде созвать тайное совещание с участием всех или почти всех депутатов и руководителей ГПУ, НКВД и ревтрибунала. На этом совещании надо принять секретное решение о том, чтобы забрать ценное имущество, особенно у самых богатых церквей и монастырей. Это решение должно выполняться с беспощадной решительностью и обязательно в кратчайшие сроки, не останавливаясь ни перед чем. В связи с этим сколько нам удастся расстрелять представителей отсталого духовенства и буржуазии, настолько нам будет хорошо. Надо именно сейчас преподать урок этим слоям так, чтобы они в течение нескольких десятков лет не осмеливались думать о каком-либо сопротивлении" (цит. по: Известия ЦК КПСС, 1990, № 4).

Это гибельное письмо полностью объясняет последовавшие преследования, которые развернулись в Советском Союзе против религий с целью их ликвидации. С тем чтобы ослабить влияние Церкви в Армении, была закрыта типография Святого Эчмиадзина, прекращен выпуск журнала "Арарат" (Духовная Академия была закрыта в 1917 году), захвачены церковные угодья, храмы, церкви и священники были обложены непомерными налогами.

Но этого было недостаточно в отношении такой многоопытной Церкви, как Армянская, поэтому властям понадобилось прибегнуть к другим мерам. Одной из таких мер стал раскол единства Церкви. С этой целью местные руководители вывели на сцену бывшего архимандрита Беника, который с помощью главы Ширакской епархии епископа Ашота Шхяна и священника Меляна основал группу "Свободная церковь" и выпустил под этим названием периодическое издание. Руководство республики предоставило им под резиденцию ереванскую церковь святого Григора Просветителя.

Кто был Беник, откуда он появился? Бывший архимандрит Беник был одним из выдающихся проповедников Армянской Церкви начала века. Церкви конкурировали друг с другом за право пригласить Беника прочитать проповедь, каждый церковнослужитель хотел увидеть его в своей церкви и вместе с прихожанами послушать его проникновенные речи. Светлой памяти Католикос Георг V Тифлисский называл его "мой златоустый Беник". Была опубликована книга Беника "Проповеди", которая стала очень популярной. Известный лингвист Грачья Ачарян с похвалой отозвался в своих мемуарах о Венике и, в частности, выразил удивление, как "этот благородный человек стал противником традиционной Церкви?" Мы, быть может, тоже бы удивились, если бы не знали, что Беник увлекся девицей из Игдира Арусяк, которую он встретил в гостинице святого Эчмиадзина, влюбился в нее и женился, нарушив церковные законы. Покинув монастырь, Беник призвал других монахов последовать его примеру, выйти из Армянской Церкви и покончить со ставшим "анахронизмом" монашеством.

Деятели "Свободной церкви" планировали расшатать устои Церкви: они ратовали за то, чтобы церкви были самостоятельны и не подчинялись духовному центру. Планировалось также сократить церковные служения и отменить монашество.

Эти идеи, как эпидемия, стали распространяться повсеместно, и верующие разделились на два лагеря: сторонников традиционной Церкви и последователей "Свободной церкви". В церквах начались стычки, дело доходило даже до рукоприкладства. В связи с этим можно упомянуть инциденты, имевшие место в церкви Святой Богородицы в Ленинакане, в частности избиение традиционалистами епископа Ашота Шхяна и выдворения его из храма. Протоиерей тбилисской церкви святого Геворга известный исполнитель духовных песен Никогайос Бавеян (отец Никол) рассказывал о такой стычке в этой церкви весной 1926 года,

во время которой 30 милиционеров 3 часа не могли навести порядок. Для успокоения страстей в Тбилиси срочно отправился архиепископ Георг Чорекчян, который вместе с известным арменоведом С. Малхасянцем сумел выполнить свою миссию и положить конец поползновениям свободноцерковцев.

С целью укрепления позиций "Свободной церкви" Беник публикует "Церковь грабежа" и другие клеветнические брошюры, направленные против Армянской Церкви и ее центра – Святого Эчмиадзина. Эти брошюры были настоящими сокровищами для обществ "Безбожник" и комсомольских организаций, которые, будучи лишенными элементарных знаний о научном атеизме, нуждались в материалах для своей антирелигиозной пропаганды.

Безбожники и комсомольцы вели не только антирелигиозную пропаганду, но и прибегали к насилию. Вот, например, какие варварские методы применяли в отношении священнослужителей тогдашние "атеисты":

"Однажды я отправился в соседнее село за кизяком, – рассказал мне священник одного из сел Мартунинского района (к сожалению, я не помню названия этого села) отец Геворг. – На обратном пути меня и моего осла окружили комсомольцы. Срывая с меня рясу и ударив осла палкой, они надели на него мой головной убор, повесили ему мой нагрудный крест, давая понять, что между мной и ослом нет никакой разницы. Потом они потребовали со всей категоричностью, чтобы я крестил осла. Я сказал: "Ребята, отстаньте от меня..." – "Нет, поп, пока не окрестишь осла, тебя не отпустим". Видя, что чересчур настаивают, ответил им: "Тысячу раз говорил своему ослу – крестись, а он не соглашается, заявляет, что он комсомолец и потому не будет креститься". Услышав это, они пару раз ударили мне по животу, потом взобрались втроем на осла и, погоняя меня, повели к председателю сельсовета Мартуни, которого я, кстати, хорошо знал: он служил в царской армии, немного знал по-русски и всюду показывал свою образованность, то и дело вставляя в разговор русские словечки. Как только меня увидел, сказал: "Священник, почему ты осла назвал комсомольцем, вот возьму сейчас за это и посажу тебя, как тогда? Что ты стал аппендицитом, присосался к нашему телу! Пока тебя и тебе подобных не отрежем и не выбросим, наш народ не выздоровеет. Мой совет тебе, священник: одумайся, состриги свою бороду, приходи ко мне – ты образованный человек, я тебе дам должность".

Подобная антирелигиозная "пропаганда" длилась несколько десятков лет и привела к тому, что слово "священник" стало синонимом отсталости, невежества, тунеядства, пережитком прошлого.

Главные беды были впереди.

Несмотря на все нападки, в конце 20-х годов Армянская Церковь была еще крепка и занимала почетное место в христианском мире. Когда Анатолий Луначарский приехал в Армению, посетил Святой Эчмиадзин, Матенадаран, познакомился с европейски образованными монахами, он удивился, что в маленьком храме на отдаленной окраине Советского Союза встретил людей, которые могли украсить любое учебное или научное заведение.

В 1930 году скончался Католикос Георг V (1911–1930). Блаженной памяти Католикос пережил тяжелые времена – геноцид, наплыв тысяч беженцев в Эчмиадзин, Сардарабадскую битву (одним из организаторов которой был он сам), создание и падение Республики, установление советской власти и постепенное ослабление Церкви. Пережив все это, Патриарх даже и не мог предполагать, что за трагическое положение ждет Армянскую Церковь после его кончины.

В 1932 году Национальный Церковный Собор избрал Католикосом всех армян архиепископа Хорена Мурабдекяна. Он занимал Престол Католикоса шесть лет, хотя слово "занимать" мало подходит: он мучился, страдал и погиб трагически. Только он был избран, как

началась новая волна преследований, которые не имели прецедента в истории нашей Церкви, тем более что гонителями были не чужеземные захватчики, а национальное государство, слепо повиновавшееся центральной власти.

В короткий промежуток времени закрылись храмы, все сельские церкви, большая часть священнослужителей была арестована либо сослана, та же судьба постигла монахов Святого Эчмиадзина, а оставшиеся архиепископы и епископы редко появлялись в Эчмиадзине.

Были разрушены представляющие историческую ценность храмы Еревана, Ленинакана и других городов и сел. Были захвачены все церковные здания, примыкавшие к эчмиадзинскому комплексу. Новые патриаршие покои, построенные на пожертвования мецената Александра Манташяна, были превращены в штаб полка. Была отрезана связь с зарубежными армянскими церквами. Престольный Эчмиадзин не получил никакой финансовой помощи.

Вот свидетельство священника села Ужан отца Галуста об одном дне из многих трудных годов Святого Эчмиадзина и Католикоса: "Был февраль 1936 года. Меня только что выпустили после очередного ареста – очередного, ибо до этого меня уже пять раз арестовывали, причем три раза за то, что публично отказывался состричь свою бороду. Я узнал, что Католикос Хорен I болен, поэтому решил навестить его. Я с ним познакомился еще тогда, когда он возглавлял Араратскую епархию. Он мне сделал много добра, вообще это был очень сердечный, общительный и добрый человек.

Когда я вошел в храм, вокруг было пустынно, слышны были только возгласы детей, игравших в церковном дворе. Монахов не было видно, перед их кельями висело на веревках белье – мне даже показалось, что нахожусь на одной из улиц Еревана. Я попросил шатира (помощника. Буквально "шатир" означает "слуга". – *Ред.*) Гегама сообщить Веапару (Его Святейшеству. – *Ред.*) о моем визите. Его Святейшество с радостью меня встретил, принял как желанного гостя. Он был бледен, какой-то поникший. Наш разговор продлился полчаса, и, когда я собрался откланяться, шатир Гегам сообщил, что группа священников, освобожденных из тюрем, просится на прием к Веапару получить его благословение. Он тотчас велел их впустить. Когда Католикос увидел священников, многие из которых были в крайне неприглядном виде, он сильно расстроился и воскликнул: "Лучше бы мне ослепнуть, чем видеть вас в таком виде". И закрыл лицо ладонями и заплакал. Потом, успокоившись и вытерев слезы, велел священникам оставаться на своих местах, а сам прошел в малую приемную. Оттуда вышел с небольшим бумажником в руках. Каждому он дал по пять золотых и сказал: "Пока обходитесь этим, у церкви нет денег, это из наших сбережений".

Лишенный всего, полностью изолированный, Католикос не имел никакой возможности облегчить положение Церкви и ее Первопрестольного храма, поэтому он был очень расстроен и его занимала только одна мысль – не оставить непосещаемой церковь после своей смерти. Его единственной надеждой был архиепископ Георг Чорекчян, поэтому именно на его имя Католикос написал 18 апреля 1936 года завещание-послание, где, в частности, говорится: "Учитывая Вашу многоопытность в течение многолетней деятельности на ответственных должностях, а также Вашу мудрость, дальновидность и умелое обхождение, нашим патриаршим посланием назначаем Вас Местоблюстителем Католикоса всех армян и главой Верховного духовного Совета Святого Эчмиадзина. Поручаем Вашему Преосвященству после нашей кончины в согласии с Верховным духовным советом Святого Эчмиадзина заботиться о всех делах, относящихся к нашей верующей пастве и Армянской Церкви, рассеянных по всему миру, свято оберегая и защищая чистоту и единство традиций Церкви, проведя по установленным канонам выборы Като-

ликоса всех армян" (Архив Католикоса Георга VI. Папка № 1, документ № 104*а*).

После этого Католикос призвал патриархов – руководителей епархий, духовных пастырей – поддержать и помогать местоблюстителю Католикоса и неукоснительно выполнять все его распоряжения.

В 6 часов утра 5 апреля 1938 года Католикос Хорен I скончался. Из республиканских газет ни одна не сообщила об этом. Только примерно через два месяца зарубежная армянская пресса на основе телеграмм архиепископов Георга Чорекчяна, Арсена Глатчяна и епископа Втранеса дала информацию о скоропостижной смерти Католикоса всех армян.

Есть две версии смерти Католикоса Хорена I. По первой, Католикос, не выдержав насилий, преследований и постоянного нервного стресса, неожиданно скончался. Но наиболее вероятна и реальна вторая версия: удушение Католикоса.

Вот что рассказывают современники, которые были простыми, добропорядочными, верующими людьми и плакали, когда вспоминали Католикоса.

Одним из них был личный служитель Католикоса шатир Гегам, который неотлучно находился в Патриарших покоях. От его всевидящих глаз ничего не могло ускользнуть. Независимо от звания и занимаемой иерархической должности ни один визитер не мог явиться к Католикосу, минуя шатира Гегама. (В прошлом, когда Церковь благоденствовала, эти функции исполнял Епископ Патриарших покоев.)

"Вечером 5 апреля 1938 года я собирал хворост во дворе Патриарших покоев, – рассказывал шатир Гегам. – Вдруг ко мне подошли два незнакомца в сопровождении женщины по имени Фируза, которая была заведующей "Армторга" Армении и до этого ни разу не посещала Католикосат. Старший по возрасту из подошедших приказным тоном сказал мне: "Оставь Патриаршие покои, перебирайся жить в город". "Я не могу оставить Веапара одного", – ответил я. "Не болтай лишнего, – повысил голос говоривший, – хочешь с огнем играть? Раз говорю уходи, значит, должен уйти. И не смей ничего говорить Католикосу ни о нашем приходе, ни о своем отъезде отсюда".

Расстроенный этим разговором, я вошел в покои Католикоса, предложил чаю, ибо он в эти часы обычно его пил. Чуть позже я зашел забрать стакан, и, хотя вышел из комнаты Католикоса с тяжелым предчувствием, тем не менее я даже и предположить не мог, что вижу его живым в последний раз. Спустился к отцу Матевосу, который в последние месяцы был единственным посетителем и собеседником Веапара. Он мне сказал, что те же самые люди и ему велели не заходить больше к Католикосу. Я на время перебрался в город, но уже на следующий же день услышал, что Католикос скончался. У меня подкосились ноги, я кое-как добрался до Эчмиадзина, вошел в покои Веапара и увидел его мертвым в постели. Архимандрит Матевос уронил голову на грудь Католикоса и не по-мужски оплакивал его смерть.

Когда я прошел в большой зал, в глаза мне бросились куски электрического провода, и я удивился тому, откуда они тут взялись.

Я обмыл Веапара перед тем, как положить его в гроб, облачил в чистое белье и церковное одеяние. Во время обмывания я не заметил никаких телесных повреждений, только лицо его было посиневшим и синие длинные следы на шее с кровоподтеками. Только я закончил свое дело, как поспешно появится светский член Верховного духовного совета, лечащий Католикоса врач Гайк Егиазарян, который, случайно узнав о смерти Католикоса, примчался из Еревана в Эчмиадзин. Он внимательно осмотрел покойного, сделал необходимые пометки и со вздохом сказал: "Нет сомнений, Католикоса задушили".

Как бы то ни было, скончался Католикос всех армян, нужно было отслужить литургию и провести процедуру

похорон. Но практически ничего не делалось, даже не сочли нужным его похоронить во дворе Первопрестольного храма или гробнице Католикосов церкви святой Гаянэ. Неуважительно, при очень малом стечении народа, в основном старух, повезли и похоронили на обычном кладбище при церкви святой Рипсимэ. Только в 1943 году архиепископ Георг Чорекчян с помощью постоянного рабочего церкви Гаруша и других перенес прах Католикоса Хорена I в гробницу Католикосов церкви святой Гаянэ и велел установить скромный памятник. "Когда могила была готова, – рассказывал Гаруш, – Србазан (Владыка. – *Ред.*) Георг преклонил колена, поцеловал могилу и со слезами на глазах сказал: "Прости, Веапар, что не смог в последние твои минуты быть рядом с тобой, получить твое благословение, совершить достойные патриаршие похороны".

Но почему Местоблюститель Католикоса архиепископ Георг не присутствовал на похоронах, где он находился, как он мог в эти дни отсутствовать в Эчмиадзине? Согласно неофициальным сведениям, Србазан Георг по срочным епархиальным делам отбыл в Ленинакан и Тбилиси. Однако эти сведения не соответствуют действительности. В день смерти Католикоса Хорена I и даже еще до этого Србазан Георг скрывался от преследований в подвале дома выдающегося поэта Аветика Исаакяна, что на улице Гукасяна. Об этом стало известно много лет спустя: в 1955–1956 годах Варпет, будучи членом Верховного духовного совета, часто бывал в Эчмиадзине. Его всегда сопровождала его супруга тикин (госпожа. – *Ред.*) Софья. Во время очередного посещения, когда Варпет (мастер. – *Ред.*) и Католикос Вазген I прошли в малую приемную для отдельного разговора, тикин Софья осталась в большом зале. Во время беседы речь зашла о Католикосе Георге VI. Тикин Софья сказала: "А вы знаете, что во время смерти покойного Католикоса Хорена I Србазан Георг скрывался у нас в доме и пробыл у нас полтора месяца? 1938 год был тяжелым годом, писателей арестовывали одного за другим. Однажды Аветик попросил меня приготовить сверток с бельем, мылом и другими принадлежностями. Я спросила его: "Зачем?" Аветик сказал: "Не видишь, что происходит с писателями, придет день – и меня заберут". Я постаралась его успокоить, не получилось. Я приготовила сверток, и каждую ночь мы с ужасом ждали звонка в дверь, ибо обычно людей забирали по ночам. И вот как-то ночью, примерно в 3 часа, к нам позвонили. Аветик остался в постели, а я в халате подошла к двери и, вся дрожа, открыла ее. На пороге стоял Србазан Георг. Я впустила его, и Србазан сказал нам, что у него есть точные сведения о намерении его арестовать, и хотя у него в городе есть много друзей, но ни на кого не может положиться и потому пришел к нам. Аветик успокоил Србазана и даже поблагодарил за доверие и добавил: "Оставайся у нас сколько захочешь, пока я дома, с тобой ничего не случится". Таким образом, Србазан Георг остался у нас, жил в одной из комнат, но, как только появлялся посторонний, спускался в подвал".

После смерти Католикоса Хорена I властям надо было преодолеть еще два препятствия на пути к полной ликвидации Церкви. Одним из таких препятствий были богослужения в Первопрестольном храме, о запрещении которых не могли помыслить даже персидские и турецкие захватчики, бывшие к тому же фанатичными мусульманами.

В Святом Эчмиадзине не было монахов, кроме архимандрита Матевоса, который вместе с несколькими молодыми дьячками совершал утренние и вечерние богослужения, а по воскресеньям – литургии. Бедного отца Матевоса несколько раз предупреждали, грозили и даже избивали, однако тот упорно продолжал свое дело. Он не позволил, чтобы факел веры, горевший в центре нашей Церкви, погас хоть на один день и перестали звучать наши прекрасные церковные песнопения. Давно уже нет архимандрита Матевоса, и нам остается о нем только сказать:

пусть будет благословенна память о нем, именно матевосы сохранили армян армянам.

Другим препятствием было присутствие Местоблюстителя Католикоса архиепископа Георга Чорекчяна в Эчмиадзине; властям необходимо было его нейтрализовать, но как, какими средствами? Решили его привлечь разными обещаниями. Об этом Католикос Георг VI рассказывал следующее:

"В один весенний день 1940 года, когда я сидел в Патриарших покоях и размышлял о том, какие меры предпринять, чтобы вывести Армянскую Церковь и Первопрестольный храм из создавшейся ситуации, приехали из Еревана три государственных служащих. Под видом осмотра Католикосата зашли в большой зал Католикосата и представились мне.

В начале разговора один из них достаточно грубо сказал мне: "Слушай, что сидишь в этих четырех стенах. Ты же закончил Академию, получил за рубежом высшее образование, музыковед – перебирайся в Ереван, дадим хорошую должность, как дали бывшему архимандриту Ерванду Тур-Минасяну. У него теперь профессорское звание. Хочешь работать в музыкальной сфере – пожалуйста, устрою в консерваторию, хочешь в арменоведческой сфере – назначу преподавателем университета".

Я так ему ответил: "Когда я получал сан епископа, подписал клятву, что буду верно служить Армянской Церкви. Свято соблюдать ее веру и традиции, поэтому я не могу стать клятвоотступником. Мое твердое убеждение: заниматься нелюбимым делом – это вид безделья, а мое любимое дело – религиозная деятельность. Служить Церкви – значит служить армянскому народу и делать для нации больше, чем может сделать любой профессор. Вот мой путь, по которому мне предстоит пройти, и никто не сможет меня заставить с него свернуть".

10 апреля 1941 года в Святом Эчмиадзине созывается Национальный Церковный Собор для выборов Католикоса всех армян. Однако, учитывая то обстоятельство, что не все зарубежные епархии прислали своих представителей, а также то, что не присутствовало необходимое количество епископов для возведения избранного в сан Католикоса, было решено отложить выборы на более благоприятный период. Собрание же единогласно избирает архиепископа Георга Чорекчяна всенародно избранным Местоблюстителем Католикоса всех армян.

Не успели участники собрания разъехаться, как началась Великая Отечественная война. Надо было сориентироваться и решить, что делать: на родине и во внутренней диаспоре Церковь практически не существовала, а ее формальное существование зависело от политики государства в отношении Церкви. Какая она будет, изменится ли она? Кто мог дать ответы на эти вопросы? Занять ли выжидательную позицию, ждать развития событий? Возможно ли это будет, ведь, в конце концов, кроме интересов Церкви, существовали и общенациональные интересы: снова существованию армянского народа угрожала Турция, чья многотысячная армия была сконцентрирована у границы и ждала удобного момента, чтобы напасть и уничтожить восточную ветвь армянского народа.

Србазан Георг не колеблясь решает поддержать государство, еще раз продемонстрировать тысячелетнюю верность Церкви родной стране и в то же время укрепить тем самым авторитет Церкви и спасти ее от неминуемой гибели.

Первым делом архиепископ Георг выступил с воззванием к сыновьям армянского народа последовать примеру своих героических предков – встать стеной против врагов и защитить свободу родины, ее искусство и культуру, жизнь родного народа. Надо было также оказать и реальную помощь. С этой целью 2 февраля 1942 года Местоблюститель написал свое знаменитое послание о сборе средств для создания танковой колонны "Сасунци Давид". Эта инициатива Србазана нашла широкий

отклик как на родине, так и в зарубежных армянских епархиях и была по достоинству оценена в правительственных кругах. Была собрана необходимая сумма и построена на нее танковая колонна. 29 января 1944 года она была торжественно передана военным, которые вскорости отправились на фронт. В архивах Католикосата хранится благодарственная телеграмма Сталина Србазану Георгу.

Будучи занятым различной патриотической деятельностью, Србазан в то же время не забывал Армянскую Церковь и Первопрестольный храм, предпринимая необходимые меры по приведению в порядок церковных дел.

Нужно отметить, что во время войны давление на Церковь отчасти ослабло благодаря патриотической деятельности Русской Православной, Армянской и других Церквей, в результате чего Церквам были даны некоторые послабления, в частности возможность совершать монашеские постриги, издавать церковные журналы и так далее.

Одной из главных забот Србазана Георга была организация новой монашеской Конгрегации. Как было сказано, в Эчмиадзинском монастыре оставались только два монаха. Надо было набрать новых, но где найти подходящих людей? Србазан нашел единственно правильный выход – поискать бывших светских выпускников Эчмиадзинской Георгянской Духовной Академии и Тифлисской Нерсисянской Семинарии. Из них десятерых он рукоположил в сан архимандрита, а некоторых впоследствии и в сан епископа. Новые монахи пришли в храм улучшить свое материальное положение. "Это не монахи, это недоразумение, – говорил потом Католикос Георг VI, – у меня других кандидатов не было, потому и привел".

Среди новых монахов были и интересные личности, особенно хочется отметить архиепископа Рубена Драмбяна.

Став монахом, Драмбян сначала получил сан архимандрита, а потом и епископа с назначением главой Тегеранской армянской епархии. Здесь он написал и опубликовал поэму "Меч Трдата", имел целую груду неопубликованных стихотворений. Проповедовал он с воодушевлением, но, когда волновался, начинал плакать и проповедь оставалась незаконченной. Так случилось, например, когда он рассказывал о том, как Григория Просветителя бросили в глубокую яму. Он расчувствовался, заплакал и не смог продолжать.

А вообще он был патриотом, знающим и активным человеком. В 1944 году Беник, о раскольнических действиях которого уже говорилось, обратился к архиепископу Георгу с просьбой снова принять его в лоно Армянской Церкви как блудного сына. Србазан Георг, руководствуясь христианским милосердием, не отказывает, но сообщает Бенику, что этот вопрос будет поставлен на обсуждение предстоящего Национального Церковного Собора. И действительно, всенародно избранный Местоблюститель Католикоса выполнил свое обещание, однако перед обсуждением этого вопроса поставил в известность о существе дела Киликийского Католикоса Гарегина Первого Овсепяна. Последний категорически воспротивился удовлетворению просьбы Беника, объявил его прошлую деятельность против Армянской Церкви вредоносной и не подлежащей прощению.

Несмотря на это, Католикос Георг VI оказывал Бенику денежное вспомоществование и разрешил под псевдонимом публиковаться в журнале "Эчмиадзин".

Что же касается движения "Свободная церковь", то оно, столкнувшись в активным противодействием верующих, в конце двадцатых годов прекратило свое дальнейшее существование.

19 апреля 1945 года архиепископ Георг должен был встретиться со Сталиным с целью придания правового статуса ряду прав, которыми в прошлом пользовалась Армянская Церковь. До этой встречи было необходимо с одним из высших государственных руководителей провести предварительную работу и подготовить документы, кото-

рые затем и следовало представить на утверждение Сталину.

С этой целью Србазану Георгу предлагают поработать с Анастасом Микояном, видимо имея в виду то обстоятельство, что он когда-то учился в Семинарии. Србазан же, в свою очередь, предлагает кандидатуру Берии, удивив тем самым всех.

Свой отказ от переговоров с Микояном покойный Католикос объяснял тем, что, если бы Микояну не удалось выполнить его просьбы, возникло бы недовольство со стороны армян, а если бы удалось больше сделать – могли быть недовольны Микояном правительственные круги. Поэтому Берия был предпочтительнее, тем более что он с ним встречался по церковным делам еще тогда, когда был епархиальным начальником Армянской Церкви в Грузии. Он знал, что Берия был очень честолюбивым и гораздо ближе к Сталину, чем другие. А Србазан стремился к достижению реальных результатов.

Главными вопросами обсуждения были: открытие Духовной Академии, разрешение на возобновление богослужений в закрытых монастырях и церквах, возврат угодий, принадлежавших Эчмиадзину, открытие валютного счета в банке, расширение связей со Спюрком (диаспором) и т. п.

Во время первой встречи Берия сообщил, что он уже представил архиепископа Георга Сталину как своего давнего знакомого и полезного для государства деятеля и вообще Сталин достаточно хорошо расположен к Местоблюстителю Католикоса, поэтому он, Берия, верит, что переговоры увенчаются успехом.

Во время второй встречи Србазан обращается к Берии с письменной просьбой освободить из тюрем армян-церковнослужителей, ибо вновь открытые церкви и монастыри не могут функционировать из-за отсутствия кадров. Берия обещает заняться этим делом и просит список арестованных и сосланных. Владыка представляет поименный список – 283 духовных лица.

Через несколько дней Берия цинично заявляет, что из всего списка в живых остались только двое – архимандрит Ованес и священник Тер-Мкртич – и он уже дал распоряжение об их освобождении.

По возвращении из ссылки архимандрит Ованес вскорости умер.

Тер-Мкртич (Гамагелян) был высоким, дородным человеком с простым и добрым нравом. Будучи родом из Апарана, он говорил на диалекте и поведал много интересного о своей жизни в Сибири.

"Семь лет валил деревья в Сибири, – рассказывал Тер-Мкртич, – был ударником, выполнял норму шестерых и часть пайков отдавал обессилевшим армянам. Начальник лагеря хлопал меня по плечу и говорил: "Молодец, поп Микита". Целый день вкалывал, не расстраивался, а как этот сукин сын говорил "поп Микита", просто выходил из себя".

Однажды я спросил Тер-Мкртича, который служил в Эчмиадзине священником, о причинах его ареста.

"Я откуда знаю, – ответил он. – Следователь говорил, что относил на почту письма врага народа Католикоса Хорена I Аршаку Чобаняну*. А кто этот Чобанян – я его и не видел, и не слышал о нем. ...Следователь Мурен наседал на меня и требовал, чтобы я признался и в других преступлениях. И каждый день меня били – или он сам, или его помощники. Как-то вызвал меня в кабинет, не успел я войти, ударил меня по лицу. И я голову потерял, подумал – будь что будет, подниму этого щенка над головой и ударю об землю. Но вспомнил о родных – руки ослабли".

Следователь Сурен в 1945 году был назначен председателем Совета по делам Армянской Церкви при Совете Министров республики. Он часто появлялся в Эчмиадзине, всегда одетый в зеленую форму высокопоставленного

---

*Аршак Чобанян – видный литератор и поэт, жил в Париже.

военнослужащего. На голове носил того же цвета фуражку, но без звезды. Особый шик придавали его внешнему виду широкий кожаный пояс с металлической пряжкой, галифе и начищенные до блеска сапоги. Он был маленького роста, но плотного телосложения и так шагал по территории Храма, будто на парад вышел.

В завершение переговоров Берия решил сыграть в одну из своих игр. Он сообщил, что обсужденные вопросы со стороны правительства уже получили положительное решение, поэтому уже нет надобности во встрече со Сталиным. Многоопытный Србазан сразу понял трюк Берии и в ответ на неожиданное заявление Берии сказал, что его встреча со Сталиным крайне необходима, ибо есть вопросы, о которых он может говорить только со Сталиным. "Вы что, нам не доверяете?" – набрасывается Берия. "Если бы не доверял, с вами не встречался бы", – отвечает Србазан. Потом выясняется, что по одному важному государственному вопросу Сталин хотел обязательно переговорить с архиепископом Георгом, и непонятно, почему Берия хотел сорвать эту встречу.

19 апреля 1945 года Србазан Георг в сопровождении председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР Полянского отправляется на аудиенцию к Сталину.

Тот его принимает радушно и выражает благодарность за патриотическую деятельность. Во время обмена мнениями о положении церковных дел архиепископу Георгу удается заручиться согласием Сталина на решение всех проблем, за исключением вопроса о принадлежавших Эчмиадзину угодий. Сталин расценил этот вопрос неактуальным, ибо земли уже принадлежат колхозам, которые вряд ли согласятся уступить их, а если и удастся их уговорить, то земли будут считаться частной собственностью и налоги будут таковы, что придется срочно их возвращать тем же колхозам.

Когда заканчивается обсуждение вопросов, связанных с церковными делами, Сталин спрашивает Србазана: "Есть ли другие вопросы, которые требуют вмешательства правительства? Говорите, я готов выслушать". Србазан благодарит Сталина и излагает вот такую просьбу: "В архивах Армянской Церкви есть полученные от шахов, султанов, царей и других высокопоставленных лиц фирманы и грамоты, которые бережно хранятся. Было бы хорошо, если среди них будет и Ваша подпись под теми привилегиями, которые Вы дали, как знак Вашего особого внимания к армянскому народу и Армянской Церкви".

Сталин подписывает такой документ, который потом Србазан очень умело использовал не один раз.

В конце встречи, когда Србазан собирался прощаться, Сталин говорит: "Скоро война кончится. Наше правительство собирается забрать у Турции отданные в 1920 году западные губернии Армении. Ясно, что на этих землях должны жить армяне. Желательно, чтобы это были те армяне, которые были вынуждены бежать из Турции и теперь живут в рассеянии. Поэтому надо организовать иммиграцию около ста тысяч армян. Скоро об этом будет постановление правительства. Вы же, в свою очередь, должны нам помочь в этом".

"Как я это услышал, – рассказывал потом Его Святейшество, – не смог сдержать своей радости. На миг показалось, что все это мне снится. Я обещал сделать все, только выразил опасение по поводу возможности приема такого количества людей, учитывая тяжелое экономическое положение в республике. Ведь им надо дать жилье, обеспечить питание..." "Ничего, – успокоил меня Сталин, – мы сделаем все возможное, чтобы репатрианты не терпели никаких лишений".

22 июня 1945 года Национальный Церковный Собор избирает Католикосом всех армян 76-летнего архиепископа Георга Чорекчяна. Через два дня, 24 июня, по традиционно пышному церемониалу совершается помазание избранного Католикоса на патриаршество.

В ноябре 1945 года центральное правительство издает указ о репатриации зарубежных армян. В соответствии с договоренностью со Сталиным Католикос Георг VI немедленно направляет обращения к Экзархам Армянской Церкви за рубежом, духовным пастырям, различным церковным организациям, партиям и благотворительным обществам, призывая их поддержать процесс репатриации. И необходимо сказать, что благодаря его усилиям в течение нескольких лет около ста тысяч армян вернулись на Родину. Однако скоро Католикос Георг VI заметил, что его благое намерение превратилось во зло.

Во-первых, Западная Армения не была присоединена. Во-вторых, репатриантам не была оказана необходимая помощь, которая была обещана правительством; многие остались без жилья, без средств к существованию. Более того, часть репатриантов в качестве неблагонадежных элементов и даже шпионов в 1949 году была выслана в Алтайский край, где многие, не выдержав лишений, умерли, найдя свой конец в чужих, холодных краях.

Впервые в жизни Католикос был обманут в ожиданиях: на что надеялся и что из этого вышло! В эти годы он пережил трагические дни, особенно тяжело ему было идти из резиденции в церковь и обратно. Его окружали репатрианты и осыпали упреками... Выслушав полные боли и горечи слова, Его Святейшество закрывался в своих покоях и пребывал там, никого не принимая.

Полученную от Сталина грамоту Георг VI повесил в рамке в главном зале резиденции, прямо напротив патриаршего рабочего стола. Когда разные безответственные люди пытались по тому или иному вопросу поставить Католикоса в затруднительное положение, он пальцем указывал на грамоту. В результате эти люди с испугом бросались вон из кабинета.

Эта грамота до такой степени внушила Католикосу уверенность в себе, что он даже противился прихотям высокопоставленных руководителей. Так, не найдя взаимопонимания по какому-то вопросу с председателем Совета по делам Армянской Церкви Суреном Ованнисяном, он потребовал от Совета Министров уволить его и добился своего.

Подобное поведение Католикоса не должно вызывать ни улыбки, ни удивления. Все это было "знамением времени", как сказано в бессмертной комедии Дереника Демирчяна "Храбрый Назар". В период диктатуры Сталина каждый кто как мог, так и выживал – другого выхода не было.

Георг VI правил девять лет. Его обширная деятельность, направленная на защиту интересов нации, подробно освещена в тогдашних номерах журнала "Эчмиадзин". К этому не имеет смысла снова обращаться, следует только обратить внимание на те изменения, которые произошли в церковной жизни по сравнению с тридцатыми годами.

На основании полученного в Москве документа, подписанного Сталиным, вновь открылась Духовная Академия. (Журнал "Эчмиадзин" стал выходить в 1944 году.) Вновь стали функционировать храмы Сурб Гегард и Хор Вираб. Открылись паломнические церкви Сурб Месропа Ошакане и Сурб Хача в Аргязе Ехег-Надзорского района. Была возвращена церковь святого Григория Просветителя, бывшая резиденцией "Свободной церкви". (Эта прекрасная церковь, которая была шедевром архитектуры и украшением города, к сожалению, в 1950 году оказалась "в плане" и ее снесли.)

Как видим, было открыто не так много церквей, а уж церкви в деревнях оставались закрытыми еще много лет...

Недостаток кадров священнослужителей Католикос Георгий VI так и не смог восполнить. Вновь организованная конгрегация частично развалилась: старики умерли, а из относительно молодых некоторые удалились, а некоторых удалили.

Финансовое положение Церкви также было малоутешительным. Пос-

тупления от внутренних епархий еле покрывали расходы на содержание Духовной Академии, из-за отсутствия денег преподаватели порой не получали зарплаты. Руку помощи протянул блаженной памяти Патриарх Русской Православной Церкви Алексий I, подарив Святому Эчмиадзину пятьсот тысяч рублей.

До конца своего правления Георг I испытывал нужду в финансах. Быть может, ситуация изменилась бы, если бы Его Святейшеству разрешили хотя бы один раз посетить зарубежные епархии.

Взаимоотношения государства и Церкви остались напряженными. Был установлен жесткий контроль над преподавателями и слушателями Духовной Академии. Произошел даже ряд арестов по политическим обвинениям, из-за которых многие слушатели были вынуждены прервать обучение. Арестовали также некоторых священнослужителей-репатриантов. Одним словом, продолжалось негативное отношение сталинского руководства к Церкви и к ее служителям.

Несмотря на тяжелую обстановку, сложившуюся вокруг Духовной Академии, по призыву Католикоса Георга VI в 1948–1950 годах семь слушателей Академии приняли сан священнослужителя. Надо было видеть радость блаженной памяти Католикоса: его давняя мечта стала действительностью, Академия дала первое пополнение Армянской Церкви, которое должно было заменить стариков, помочь в возрождении Первопрестольной.

Как и прежде, чинились препятствия патриотическим начинаниям Католикоса. 26 мая 1951 года должно было исполниться 1500-летие Аварайрской битвы армян с персами. Георг VI предложил правительственным инстанциям объявить эту дату днем всенародной памяти, широко отпраздновать этот юбилей. Видя, что светские власти никак не реагируют на это предложение, Католикос издал свое знаменитое послание о 1500-летии Аварайра, направленное всему армянскому народу.

Он также собирался, хоть и с некоторым опозданием, однако достаточно торжественно, отметить 500-летие переноса Патриаршего Престола из Сиса (столица Киликии. – *Ред.*) в Святой Эчмиадзин (исполнилось в 1941 году), что сыграло судьбоносную роль для всего армянства. Это начинание также было блокировано.

Его искренним желанием также было "видеть внешне и внутренне отреставрированным Первопрестольный храм Святого Эчмиадзина, имеющий 17-вековую историю", но из-за неблагоприятных условий это дело затягивалось. Только в 1954 году республиканское правительство взяло на себя расходы по реставрации Первопрестольного храма. Но эти работы еще не начались, когда 6 мая 1954 года Католикос Георг VI скончался.

Он никогда не падал духом, хотя было много причин для этого: национальное духовное богатство, имевшее 17-вековую историю, – Армянская Церковь в течение 20 последних лет фактически подвергалась ликвидации.

Зная о холодном отношении государственных руководителей к Армянской Церкви, он не поднял голос протеста перед чужим (инородным), посчитал превыше всего достоинство армянского народа. Он был примерным, верным и честным гражданином родины и руководствовался заветом Спасителя: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*.

Завершая очерк о 25-летней истории Армянской Церкви, хочется еще раз акцентировать внимание на наиглавнейшем: там, где ослабевало влияние нашей Церкви, исчезал и народ.

И не надо думать, что сегодня положение изменилось...

ГЕОРГЯН (Паргев), епископ
Армянской Апостольской Церкви

Протоиерей Иоанн Восторгов

Синодальный миссионер-проповедник, член Миссионерского и Училищного Советов при Святейшем Синоде, наблюдатель церковноприходских школ зауральских епархий Сибири отец протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов родился 20 января 1864 года в семье священника села Кирпильского Ставропольской епархии. Отец его был уроженец города Крапивны Тульской губернии. Сюда переселился он из Тулы.

Своего отца, которого лишился очень рано, отец протоиерей вспоминал с большой любовью. Это был, по его словам, слишком мягкий и добрый человек. Всегда кроткий, молчаливый, он пользовался любовью прихожан, которые не оставили бедствовать семью рано умершего батюшки. Уговорив вдову-матушку остаться в приходе просфорней, прихожане помогли ей "поднять на ноги" троих детей. Два мальчика окончили семинарию, а девочка – институт.

По окончании Ставропольской Духовной Семинарии Иоанн Восторгов рвется к продолжению образования, а жизнь предъявляет свои требования. Старушка мать настаивает принять священство и занять скорее приход, дабы поддержать ее и младших детей.

Но тут произошла заминка: девятнадцатилетнему юноше дать священство Владыка опасался и предложил ему должность псаломщика до той поры, пока он придет "в меру возраста мужа совершенна".

Но место псаломщика не устраивало семью Восторговых, и Иоанн Иоаннович устроился учителем русского языка младших классов Ставропольской женской гимназии. Сестру удалось определить на казенный счет в институт, а младший брат принял место псаломщика в родном селе и стал жить с матерью. Это дало возможность Иоанну Иоанновичу осуществить свою заветную мечту: он подготовился к экзамену на звание учителя русского языка и получил это звание при учебном округе. Но учительствовать ему не пришлось. Брат его псаломщик после какого-то несчастного случая вскоре умер, и мать прямо потребовала, чтобы он оставил учительство и принял священство и по ходатайству прихожан села Кирпильского занял отцовский приход.

Воля матери была исполнена. 20 июля 1887 года, в день святого Пророка Илии, отец Иоанн был рукоположен в сан иерея в родное село.

Но молодой батюшка недолго оставался в селе, вскоре он был епархиальным начальством рекомендован законоучителем Ставропольской женской гимназии, затем переведен в Тифлисскую и назначен епархиальным миссионером Грузинского Экзархата.

Не удовлетворяясь своей работой, отец Иоанн Восторгов изучает язык персидских сирохалдеев – несториан, едет в Персию и начинает работу по присоединению сирохалдеев (к Православной Церкви. – *Ред.*) Целый ряд лет ведет упорную борьбу, и результат – три епископа: Мар-Илья, Мар-Иоанн и Мар-Мариан – присоединяются к Церкви. Так было положено начало миссии среди сирохалдеев.

Экзарх Грузии Владимир, переведенный на кафедру Митрополита Московского, пригласил к себе в Москву и отца Иоанна на должность епархиального миссионера, но Святейший Синод вскоре назначил его синодальным миссионером-проповедником, в каковой должности он пробыл до дня своей мученической кончины.

В дореволюционное время протоиерей Восторгов представлял собой тип священника допетровской эпохи, то есть того времени, когда и епископы, и иереи не ограничивались богослужением, но своим благодатным влиянием охватывали и все области семейной, общественной и государственной жизни.

Особенно ярко проявил он себя во время первой смуты. Находя полное одобрение своей деятельности со стороны своего канонического главы, Митрополита Московского Владимира, протоиерей Восторгов принимал самое живое участие в монархических союзах. Поэтому в левых кругах имя его было ненавистно и против него постоянно выдвигалось излюбленное средство либералов – клевета.

Громадное впечатление оставляют проповеди отца Иоанна Восторгова, направленные к изобличению сектантов и учения социалистов.

Призывами к учению Христа и к здравому смыслу отец Иоанн приобрел себе без числа врагов среди всех сектантов, раздорников и социалистов всех оттенков и рангов. "Черносотенец", "мракобес" – вот эпитеты, раздававшиеся из этих лагерей по адресу этого выдающегося человека, обладавшего обширнейшим умом, исключительным талантом проповедника, и писателя, и провидца будущего. Но этим нельзя было победить такого бесстрашного идейного человека, каким был отец Иоанн. Он неустанно шел по прямому пути. И где только не будило душу, не проясняло патриотическое сознание слово его! В 1911 году на празднике Святой Троицы он говорил в Иркутске, в 1912 году в тот же день – в Петропавловске на Камчатке. В июле 1912 года проповедует в Тобольске по случаю принесения Албазинской чудотворной иконы Богоматери, в 1913 году в июле – в Омске.

Государство поставило перед Церковью трудную задачу духовного обслуживания переселенческого движения в Сибирь и устроения церковной жизни на новых местах. Священников не хватало. В течение года нужно было обеспечить их необходимое количество. По поручению Синода за это дело взялся протоиерей отец Иоанн Восторгов.

Этот человек незаурядного ума и огромной энергии отлично справился с этой трудной задачей, избирая в священники способных псаломщиков и сельских учителей и подготовляя их на специальных семинарских курсах. Особенно поразительны были результаты обучения проповедничеству. За год по его методе ученики совершенно овладевали церковным ораторским искусством. Коллективно составленные его учениками проповеди печатались и раздавались после произнесения их по церквам.

Неутомимые разъезды по всем весям и городам обширнейшей России, всюду беседы, проповеди, призывы. Во время его пребывания в Харбине в 1910 году им было организовано Братство Воскресения Христова при Свято-Николаевском соборе с возложением на него забот по охране могил павших в Манчжурии русских воинов.

В 1911 году ему удалось после целого ряда лет стремления к этому Палестинского общества осуществить покупку участка земли в городе Бари, где почивают мощи святого Николая Мирликийского, и основать там подворье для русских богомольцев. Организация в 1913 году Женского Богословского Института в Москве – также дело его инициативы и настойчивости.

Революция, отречение Государя Императора были страшными ударами для отца Иоанна. Но в уныние он, конечно, не впал. Состоя в то время настоятелем Покровского собора, известного более под именем храма Василия Блаженного, он сделал храм этот средоточием здоровых церковно-политических сил. Вся Москва знала, что, придя в этот храм, наберешься там духовной бодрости, услышав правдивое слово. Ясно, небоязненно, ярко касался он страшных вопросов современности, обличал, но и утешал, призывами к вере и исповеданию научая, как надо жить в такую годину. И люди чувствовали, покидая храм, воистину "о имени Господнем", как обновлялась, укреплялась их душа и как подготовлены они теперь к

дальнейшей брани с надвинувшимся на царство русское злом.

Летом 1917 года отцу Иоанну удалось даже выпускать еженедельную газету.

Захват власти большевиками не ослабил его противореволюционной деятельности. Он всегда за службами говорил обличительные проповеди, отлично зная, что в переполненном храме находятся и чекисты. По воскресеньям в 4 часа он служил молебен на Красной площади, громил большевиков, что всегда слышали ходящие на Кремлевской стене чекисты. Он прекрасно сознавал, что его ждет мученическая смерть.

Летом 1918 года протоиерей Восторгов был арестован. Большевики в тот момент боялись такого влиявшего на народ человека убить за одни проповеди и искали других контрреволюционных действий. Советскому провокатору удалось получить согласие отца Иоанна на продажу Московского епархиального дома, который уже являлся национализированным. Горячо любящие его прихожане напрасно собрали двадцать тысяч рублей на наем адвоката, а отец Иоанн также напрасно дал из тюрьмы в письменных показаниях исчерпывающие доказательства полицейской провокации.

Сначала он сидел на Лубянке, а потом был перевезен в Таганскую тюрьму. Прихожане все время снабжали его продуктами, хотя сами в то время очень нуждались. Ему разрешено было служить в тюремной церкви, и многие ходили туда помолиться.

Перед самым расстрелом его снова перевезли на Лубянку, в главное здание ЧК. Он ясно сознавал, что надвигается смерть. Исповедовал находившихся с ним и их же напутствовал на месте расстрела.

Смерть есть экзамен нашей веры, и смерть отца Иоанна Восторгова свидетельствует о его мужественном исповедании веры и твердости того упования, которому он служил всю свою жизнь. Умер он доблестной смертью христианского мученика.

Вот рассказ о расстреле русских министров, с которыми был расстрелян и отец Иоанн Восторгов:

"...С полгода тому назад привелось мне встретиться с одним лицом, просидевшим весь 1918 год в московской Бутырской тюрьме. Одной из самых тяжелых обязанностей заключенных было закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела. Работа эта производилась изо дня в день. Заключенных вывозили на грузовике под надзором вооруженной стражи к Ходынскому полю, иногда на Ваганьковское кладбище, надзиратель отмерял широкую в рост человека канаву, длина которой определяла число намеченных жертв. Выкапывали могилы на 20–30 человек, готовили канавы и на много десятков больше. Подневольным работникам не приходилось видеть расстрелянных, ибо таковые бывали ко времени их прибытия уже "заприсыпаны землей" руками палачей. Арестантам оставалось только заполнять рвы землей и делать насыпь вдоль рва, поглотившего очередные жертвы ЧК.

Мой собеседник отбывал эту кладбищенскую страду в течение нескольких месяцев. Со своей стражей заключенные успели сжиться настолько, что она делилась с ними своими впечатлениями о производившихся операциях. Однажды по окончании копания очередной сплошной могилы-канавы конвойцы объявили, что на завтрашнее утро (23 августа 1918 года) предстоит "важный расстрел" попов и министров. На следующий день дело объяснилось. Расстрелянными оказались: епископ Ефрем, протоиерей Восторгов, ксендз Лютостанский с братом, бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков, председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов и сенатор С. П. Белецкий. Прибывших разместили вдоль могилы и лицом к ней... По просьбе отца Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осужденным помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени, и полилась горячая молитва

несчастных "смертников", после чего все подходили под благословение Преосвященного Ефрема и отца Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле отец протоиерей Иоанн Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верой в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести последнюю искупительную жертву. "Я готов", – заключил он, обращаясь к конвою. Все встали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону кустов шагов на 20–30, но, настигнутый двумя пулями, упал, и "его приволокли" к могиле, пристрелили и сбросили.

Из слов конвоя, переданных нам рассказчиком, выяснилось, что палачи, перекидываясь замечаниями, пока они "присыпали" землей несчастные жертвы, высказывали глубокое удивление отцом Иоанном Восторговым и Николаем Алексеевичем Маклаковым, видимо поразившими их своим хладнокровием перед страшной ожидавшей их участью. Иван Григорьевич Щегловитов, по словам рассказчика, с трудом передвигался, но ни в чем не проявил никакого страха".

Так смертью своей отец Иоанн доказал верность заветам, которым служил в своей жизни.

Не отыдет память его, и имя его поживет в род и род, премудрость его повествуют языцы и хвалу его исповесть Церковь.

Он принял мученическую смерть, уйдя в горний мир к горячо им любимому тоже мученику Митрополиту Владимиру.

На место его убиения – недалеко от братского кладбища – пришли потом пасомые отца Иоанна. Канава была полна кровью жертв. Положили сироты цветы и со слезами вспоминали этого воистину пастыря доброго.

Протопресвитер М. ПОЛЬСКИЙ

Подвижничество и монашество

Раскройте газеты, так называемые передовые, почитайте современные книги, послушайте новых наших искателей истины религиозной и религиозного обновления – и вы непременно услышите глумления над аскетизмом и монашеством. К чему, говорят, эти посты, выстаивания в церкви, слезы самообвинения, сокрушения во грехах?! К чему эти заповеди, и требования, и советы во всем себя ограничивать, отказываться от радостей жизни?! Неужели спасает нас и Богу нужна постная еда, неужели Богу нужны наши подвиги? Все это, говорят, выдумали монахи, принявшие свое учение от Византии. Вам скажут, что христианство есть религия света, веселья и радости, а монашество все облекает в печаль и черную одежду; что христианство есть религия жизни и говорит о жизни, а монашество все твердит о смерти, об одной смерти. Вам скажут, что не нужно – да и Христос не требует – никакого подвига, что аскетизм, подвижничество не указаны в Евангелии, что надо трудиться в семье и общественной жизни, а не за стенами монастыря. Вам внушат отсюда вывод, что монашество есть нечто неестественное и противоестественное, ибо Бог дал человеку мир, семью, жизнь для наслаждения, а монашество

Из беседы протоиерея Иоанна Восторгова в С.-Петербургском Троицком Лаврском Подворье во 2-ю неделю Великого поста, 22 февраля 1909 года.

требует от всех этих благ сурового отказа. Мало того: вас будут убеждать, что подвиг монашества есть следствие себялюбия, заботы только о себе самом, о своем личном спасении, а не о ближних и не о мире, что этот подвиг вредный, во всяком случае, он не приносит никому пользы и никому не нужен. Кому, спрашивают, кому польза от того, что я отказал себе в том или другом удовольствии или что я ел капусту и картофель вместо мяса?

Увы, послушайте многих, называющих себя православными и верующими, даже усердных посетителей храма Божьего, и вы от многих из них также услышите отзывы и суждения, или совершенно тождественные с только что приведенными, или, во всяком случае, выражающие открытое и глубокое нерасположение к учению Православия о подвижничестве, и в частности к монашеству и монашескому подвигу. Я убежден, что среди вас, братие, есть много таких, которые все эти рассуждения слышали, а многие из вас и сами их повторяли.

Итак, прежде всего говорят, что подвижничество вообще, монашество же в частности и в особенности, есть требование от человека чего-то неестественного и даже противоестественного. Согласимся на время с такими суждениями; поверим на слово. Подвиг монашества, говорите вы, неестественный, но что же это значит: монастыри переполнены, желающих принять монашеские обеты – сколько угодно? Не всем, конечно, ведомо, что, например, в царствование покойного Царя нашего, боголюбого Государя Императора Александра III, за 12 лет число одних монахинь в женских монастырях увеличилось на двадцать тысяч в Православной России. Что же это значит: естественный это подвиг или неестественный? Стоит только где угодно открыться хоть небольшому монастырю, и тотчас же в нем появляются насельники. Где основывались обители? Они исстари возникали в лесах, пустынях, суровой и неприглядной обстановке, с житием "жестоким" и тяжким. И, однако, они не оставались пустыми. Если вы возьмете седую древность, то увидите, что пустыни египетские были как бы царством монахов, которые там насчитывались буквально десятками тысяч. Если вы посмотрите на Афон, то поразитесь и здесь тем, что весь Афон исключительно занят десятками монастырей, в которых живут тысячи монахов. Если возьмете историю нашего православно-русского народа, вы с изумлением увидите, что сотни монастырей возникали в древние времена на Крайнем Севере, в полном безлюдье, среди диких инородцев; что дикие и суровые края Архангельский, Олонецкий, Вологодский, Вятский, страны Московская, Ярославская, Пошеноская сияли монастырями, как звездами; что монахи и подвижники исходили своими стопами леса и дебри этого в то время пустынного севера и всюду оставили скиты, монастыри, святыни и свои мощи; что русская страна воистину освящена стопами святых и убелена костями преподобных. И ныне посмотрите: Закавказье при всех опасностях жизни наполняется монастырями; далекая Сибирь уповает на обители, зовет монашествующих; на самом Дальнем Востоке, на пустынных берегах Уссури, возникает и уже цветет благочестием иноков Николо-Уссурийская святая обитель, святой отпрыск здешнего Валаама.

Монашество наложило печать святости на русскую народную душу и сделало ее сродной подвигу, доступной для святых запросов и влечений к Богу и небу. Монашество наложило печать порядка, мира, чистоты и на русскую семью, сделав ее "домашней церковью" в нашем народе, и на весь уклад жизни русского села и русской деревни, дало русской жизни как бы порядки и настроения обители: повиновение старшим, безгневие, терпение своей доли, упование на милость и волю Божию, равнодушие к земным и материальным благам и удобствам. Неужели "неестественный" подвиг, неестественные его требования могли дать такие плоды? Может быть, скажут, идут в мона-

шество насилием? Но ведь первое условие и первый вопрос постригаемому – это вопрос о том, вольной ли волей и не принуждением ли он приходит к своим обетам? И далее: в монастырях затрудняются не тем, что некого постригать, а тем, кого из множества желающих можно удостоить пострижения. И если есть или бывали случаи принуждения, то их, конечно, несравненно меньше, чем случаев принуждения ко вступлению в брак. Но тогда с тем же правом и основанием можно и брак, и семейную жизнь объявить и называть явлением неестественным. И если всякое подвижничество называть неестественным, то надо с тем же основанием считать неестественным и все христианские добродетели, ибо все они требуют подвига и сдержанности – терпения, смирения, целомудрия, кротости, всепрощения.

Говорят: религиозная жизнь слагалась и слагается и в приходе и приходы могут сделать то, что делали монастыри. Заметьте же еще один бесспорный и изумительный закон жизни, подтвержденный всей историей Церкви и доселе подтверждаемый: в тех общинах и церквах, в тех народностях, где процветало и процветает монашество, где мы видим напряженное стремление к иноческому подвигу, в то самое время процветала и процветает приходская жизнь. И наоборот, где не было и нет монашества, падала и падает жизнь прихода. Монастыри – это как бы запасные водоемы живой воды религиозного воодушевления; они питают и увлажняют иссохшие пустыни духа мирской жизни, они дают живительную и спасительную влагу душам жаждущих. Посмотрите на древние народности, некогда славные в истории веры и благочестия. Если пало среди них иночество – верный признак: там пала непременно и вообще жизнь духовная, религиозная и жизнь прихода. Таковы нынешние несториане, копты, армяне, таковы некоторые и православные народности, которых не станем называть ради любви: их Православие без монашества и подвижничества – только в одном названии.

И слава, и благодарение Господу за то, что наш православный русский народ любит и чтит святое подвижничество – ищет обителей, ищет святынь, жаждет поклониться святым местам, совершает обетные благочестивые паломничества. Среди тяжких испытаний жизни последних лет, среди этого беснующегося моря неверия, безнравственности, страстей и пороков, при виде ярящегося натиска всяких безбожных учений, при виде поднимающейся злобы всяких расколов и сект, когда горем и ужасом сжимается сердце, когда готово закрасться в душу отчаяние за будущее нашего милого, бесконечно дорогого родного народа, среди тяжелых дум, среди горестных предчувствий – ты одна, несказанная и непостижимая, святая и сияющая любовь русского народа к аскетизму – к монашеству и монастырям, к богомолениям и подвигу, ты одна светишь нам радостной надеждой на обновление и возрождение жизни, на великое ожидающее нашу родину будущее. Ибо оно, это обновление и возрождение, – в силе жизни духа, а не в тех внешних реформах государственного и общественного строя, на которые теперь возлагают столько надежд: самое лучшее лекарство не поможет трупу... Ибо оно – в той боязни греха как коренного зла, которую заповедует Спаситель в евангельском чтении об исцелении расслабленного: не тело Господь ему исцелил, а душу, и прежде, чем повелел ему: *возьми постель твою и иди* (Мф. 9, 6), он изрек благостное слово: *дерзай, чадо, прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9, 2). Ибо оно, начало жизни, обновление и возрождение – в стремлении к вечности, в том чувстве и предощущении иного, невидимого вечного мира, без коего жизнь человека недостойна и названия человеческой. Тогда, при свете вечного, полно смысла и полно настоящей жизни все временное и земное, ибо получает свое надлежащее место и свое подлинное значение. Такую боязнь греха, такое памятование о вечности и проповедовали всегда русскому

народу монастыри и подвижники.

И если жив дух народа, и если не оземленился он в помыслах, и если не осуетился он до конца и не стоит уже перед своею смертью, то живы в нем и стремление к подвигу, и любовь к подвигу ради высших и вечных начал и задач духа. Тогда запретите подвиг, уничтожьте монастыри, разорите обители, запретите посты, молитвы, хождения по святым местам – и ничего не достигните. Правда с неба воссияет, от земли приникнет (приникшая к земле выпрямится. – *Ред.*). Велика истина и превозможет. Люди веры, люди духа найдут пути и средства к проявлению врожденного стремления к подвигу и к подвижничеству перед Богом, к исполнению заповеди Спасителя: *аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе...* (Мф. 16, 24).

И что же выходит? Не противоестественное это влечение – напротив, самое глубокое и естественное; не насилие оно над духом – напротив, отрицание его и гонение против него есть величайшее насилие над живой душой и подавление его в полном смысле и противоестественно, и противно Слову Христову.

Есть люди, от природы склонные к тихому пребыванию вне шума мирского, неспособные к житейской борьбе, чуждые жизни семьи, расположенные к молитве и созерцанию дел Божиих. Они идут в монашество. Естественно ли их отвращать от подвига?

Есть люди, разбитые жизнью, потерпевшие кораблекрушение в житейском плавании; им жизнь мира не мила, они потеряли к ней вкус и склонность, они чувствуют там себя одинокими, у них опустились руки, упало сердце, погасло мужество. Они идут в монастырь и там находят для себя покой души и бодрость сил, воодушевление подвига, смысл и полноту жизни. Естественно ли и соответствует ли требованию любви закрывать им путь к такому подвигу?

Есть люди, всецело преданные Богу и Церкви, высокому религиозному служению. Они желают до конца и раздельно отдаться служению Богу, они живут только религиозной идеей, они служат только Церкви. Естественно ли им воспрещать такое целостное и безраздельное служение? Богоматерь, Иоанн Креститель, Иоанн Богослов, Апостол Павел – можно ли было их принудить к браку и семье? Сам Спаситель, совершеннейший Человек, все воспринявший человеческое от рождения и младенчества до голода, страданий и смерти, однако, не имел семьи, ибо семьей Его был весь род человеческий. И это не было нарушением законов естества.

И разве воины идут на битву с женами? И разве мало таких обстоятельств жизни, при которых ради служения долгу было бы прямо неестественным связывать себя обязанностями мирскими? Почему же в религиозном служении высшему началу надо насильно навязывать иной закон?

Здесь, напротив, часто господствует правило: кто может, тот должен свершить подвиг; *могий вместити да вместит* (Мф. 19, 12). И для могущего вместить, очевидно, подвиг является естественным.

Еще возражают против подвижничества: подвижники – эгоисты; они заботятся о своем спасении, а не о спасении других. О, оставь, злостный судия, оставь подвижников служить Богу, как и они тебе не мешают служить ближним; по крайней мере, хоть не мешай ты им делать то, чего желает их совесть, то есть не суди подвижников... У них, как некогда у Христа и Апостолов, своя семья, свое братство, своя священная дружина; у них тоже забота друг о друге, с той разницей, что если в семье заботятся о своих кровных и следуют закону естества, то обители принимают, любят и упокоивают чужих людей, которых до того времени не знали и не видели. Это еще более высокая школа любви, чем семья и круг близких родных.

Подвижники, говорят, наконец, это бесполезные и ненужные люди, если даже не вредные, это часто тунеядцы, живущие чужими жертвами... Да, если

пользу измерять благами материальными, то это верно. Но кто ценит молитву пред Богом за грешный мир, кто ценит созидательное значение доброго примера чистоты, воздержания, терпения, исполнения добровольно воспринятого долга, смирения и готовности (прийти. – *Ред.*) на помощь ближнему, постоянного духовно-молитвенного настроения, – тот такого жестокого и жесткого слова не произнесет.

А что подвижники живут чужими жертвами, то ведь это, как мы много раз замечали, говорят исключительно те судьи, которые сами не давали на них ни одной копейки. Те же, что жертвовали и жертвуют, обыкновенно молчат и не судят. В таком случае лучше и судьям сим не говорить, лучше умолкнуть.

В прошлой истории Церкви Христовой всегда, во дни гонений и опасностей веры от врагов и еретиков, монашество давало бестрепетных и мужественных борцов за Церковь. Не связанные ничем, они свободно могли жертвовать собой в борьбе с гонителями и действительно нередко жертвовали и жизнью. Что несет нам будущее? Нет признаков, что оно несет благо и спокойствие для Церкви. Напротив, много признаков того, что Церковь ждут тяжкие испытания, что вера православная от своих родных детей получит удары и поношения и лишения прав, что начнутся на нее гонения. И опять великую услугу ей окажут подвижники, люди, что ей всецело отдали и посвятили все свои силы. Они собирают, и хранят, и запасают теперь силы, которые выступят на дело борьбы за святыни веры. Войско, конечно, нужно только во время войны; войны же бывают редко... Но безумно то государство, которое не готовит войско во дни мира. Так и монашество. Но и, помимо сказанного, изъять подвижничество из области веры и Церкви – это все равно что изъять воодушевление, огонь ревности и увлечение из всякого дела. Чем выше дело, тем больше должно быть в нем такого воодушевления: немыслима без этой силы поэзия, мерства наука, невозможны изобретения, безжизненно слово, завянет общественная жизнь, угаснет всякая борьба и отлетит всякая победа. Отнимите подвижничество от религии – и из мира уйдет не только одушевляющая эту область сила, нет, уйдет источник всякого другого воодушевления, в какой бы области оно ни проявлялось, и сразу станет в мире так мертво, холодно и бесприютно! Подвиг – это цвет, это весна религиозной жизни, а без цветка нет и плода.

Только поклонением и служением плоти, или сознательной враждой к Церкви, сознательным желанием нанести ей вред, или, наконец, злобной завистью к любви народа, что изливается на монастыри, можно объяснить современный поход против монашества и аскетизма. Плотским людям противен один вид монашества, ибо он мешает им заглушить голос совести, напоминает им, что они блудны и скотоподобны. Они и понять такого подвига не могут: плотский человек не приемлет того, что от Духа Божия, и не может разуметь; это для него – *безумие* (1 Кор. 1, 23). Что касается врагов Церкви, то им ясно, что монашество и любовь к нему народа – это несокрушимая опора и твердыня ненавистной им Церкви, это то, чего нет ни у какой секты, мечтающей заменить Православие и лишенной силы удовлетворить врожденную у человека жажду подвига. Стоит ли, наконец, даже говорить о завистниках? Они обычно твердят, что среди монахов много дурных людей. Пусть так. Но народ любит, и ищет, и находит не дурных монахов, а хороших. Но эти монахи, говорят далее, лицемерят и лицемерием обманывают простодушных богомольцев. Скажем и на это, что, когда богомолец увидит, что монах, которого он считал хорошим, оказался дурным, он поищет и найдет хорошего.

Что же, спросите вы, к чему эта речь о монашестве? И неужели всем нам идти на этот подвиг?

Речь о монашестве – ради того, чтобы нам уважать этот великий, свя-

той, нужнейший подвиг в Церкви, а с другой стороны, чтобы уразуметь, что подвижничество есть самое существо нравственной жизни христианина. И если монаху предписывается правилами не унижать мирского жития и не зазирать брака, как Богом благословенного, то тем более нам нет основания и извинения зазирать подвиг иноческий. Не всем, конечно, идти на такой подвиг: *могий вместити, да вместит* (Мф. 19, 12). Но всем обязательно почтение к тем, которые вместили, и поддержка их любовью, молитвой и сочувствием. Монашество только возглавие, завершение и совмещение всего христианского подвижничества. Но и всем христианам обязательны воодушевление веры, подвиг поста, умерщвление страстей, смирение, самоотречение, всем обязательно знать и помнить, что жизнь вовсе не есть веселый пир, беспечальное пребывание, нескончаемая утеха – нет, она есть подвиг труда и искупляющего страдания.

Без подвига нет жизни, без борьбы нет заслуги, без труда нет плода, без победы нет венца! *Аминь!*

Протоиерей Иоанн ВОСТОРГОВ

Из истории монастырей

ЖИТНИЦА ЖИЗНИ

Козельская Введенская Оптина пустынь и ее великие старцы

В истории русских монастырей нередко повторялось такое чудо: когда Господь попускал быть в народе голоду, люди теснились к монашеским обителям и получали из рук иноков хлеб жизни – и духовный и физический. Господь через святых Своих угодников (часто это бывали преподобные отцы – основатели монастырей) оповещал монахов о грядущем бедствии, и они, подобно Иосифу в Египте, заполняли зерном монастырские житницы. Но, бывало, бедствие длилось так долго, что никаких запасов не могло хватить, – тогда Господь чудесно умножал в монастырских житницах зерно, и хлеб жизни не иссякал.

Теснился народ к духоносным старцам, ища у них и правды Божией, живительного и благодатного слова, защиты от бед, исцеления от душевных и телесных недугов. Господь щедро умножал силы старцев-иноков, и тысячи людей спасались возле них, получая по вере своей. Множество народа собиралось в Саровской пустыни у келлии преподобного Серафима, то же было и в скиту Оптиной пустыни, у "хибарки" преподобного Амвросия.

Чудны и духоносны были многие русские православные обители, но Оптина пустынь – скромный, "заштатный" в прошлом монастырь – сияет среди них необыкновенным небесным светом. Как свеча от свечи, возгорались в ней друг от друга великие богоносные души оптинских прозорливцев – от иеросхимонаха Льва до расстрелянного в 1938 году архимандрита Исаакия. Шестьдесят четыре года – с 1923 по 1987 год – пребывала Оптина в руинах, но и тогда не иссякал хлеб в ее житницах: запас его был так велик, что и весь мир мог бы насытиться им, если бы пожелал. Жаждущая истинной жизни душа находила ее в житиях, молитвах

Оптина пустынь. Общий вид монастыря

и писаниях оптинских старцев, в духовных книгах, которые изданы были их попечением, в многочисленных воспоминаниях об Оптиной и ее насельниках, в высокомолитвенном образе жизни, который был характерен для монастыря.

Оптина пустынь... Это истинно и подлинно есть Житница Жизни. Милостив Господь, давший нам в этой жизни Оптину – Небо на земле!

Оптина – монастырь древний, основанный до XVI века, о чем свидетельствует то, что в нем, как и во многих других в старину, подвизались одновременно монахи и монахини. Такое смешанное житие было запрещено Стоглавым Собором в середине XVI века. После Смутного времени, когда воцарилась на Руси династия Романовых, царь Михаил Феодорович пожаловал Оптиной земли и разные угодья. Но после учреждения императрицей Екатериной "штатов" и отобрания у монашеских обителей их земель Оптина пустынь осталась "за штатом", то есть не получала никаких пособий от государства, и запустела.

Казалось, умирает древняя обитель... Но нет! Господь, желая прославить это место, послал сюда митрополита Московского и Коломенского Платона, образованнейшего архипастыря и молитвенника. Во время объезда своей епархии (Калужская губерния тоже относилась к ней) остановился он на берегу тихой реки Жиздры, в трех верстах от Козельска, и долго смотрел на расположенный за рекой монастырь, позади которого возвышался могучий лес... Было ясное летнее утро, благоухавшее скошенным на лугу сеном, сияющее лазурью неба и белизной облаков, – а на облаках, над смиренной и безлюдной обителью (всего три монаха, и один из них – слепец), казалось, беззвучно трубят Ангелы, возвещая ее грядущую славу.

Митрополит уехал с твердым намерением возобновить обитель и вскоре – это было в 1796 году – прислал сюда двенадцать насельников Николаевского Пешношского монастыря, а среди них смиренного монаха-огородника Авраамия, который и стал первым игуменом возобновленной Оптиной. Он

положил начало плеяде оптинских подвижников, не щадя себя, работал Господу и, как писал он в "духовной грамоте", "обещах Богови нищету изволенную имети, от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжах имения и мшелоимства, кроме святых книг и сорочек с карманными платками. Не собирах злата и сребра, не изволях имети излишних одежд, ни какихлибо вещей, кроме самых нужных и то для служения".

В том же, 1796 году в Оптиной был пострижен в монашество будущий старец иеросхимонах Афанасий, ставший первым духовником обители, который спустя несколько лет возглавил пустынь в рославльских лесах, где положили начало иноческой жизни будущие старцы Оптиной братья Путиловы – Моисей и Антоний. И конечно, не случайно, а по Божиему смотрению первый из великих старцев Оптиной иеросхимонах Лев, покинув мир и свои купеческие занятия, вступил в 1797 году именно в эту обитель.

Будущие оптинские старцы трудились о Господе, ведомые Духом Святым, кто в глухих лесах, как отец Моисей, кто в других монастырях, как отец Макарий, – в Площанской пустыни, отец Леонид – в Белобережском и Чолнском монастырях, на Валааме и в Александро-Свирском Троицком... Отец Леонид и отец Макарий встретились в Площанской пустыни.

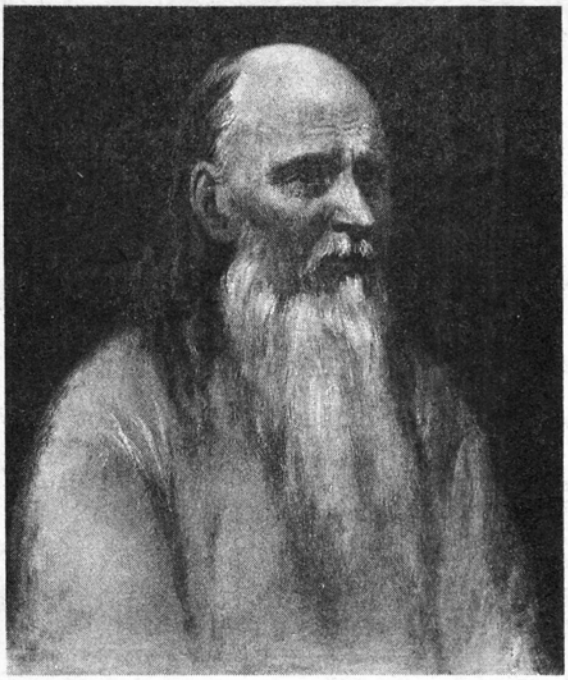
История Оптиной пустыни – это преемственность старцев. Жизнь монастыря в духовном отношении строилась вокруг них, а со временем их влияние распространилось и во внешний мир, так что старческое оптинское окормление вело ко спасению не только иноков, но и мирян.

Братия избирала старца из опытнейших монахов, нередко получивших от Бога апостольские дары – исцеления, прозрения, немощных душ врачевания. Иной и не хотел быть старцем, но делался им из послушания братии. "Я, кажется, все бы бросил и сидел один в келлии, это так кажется и желается, да воля не моя", – писал старец Макарий духовному чаду своему.

Старец Леонид (Наголкин), в схиме Лев

Старец окормлял братию духовно. Недаром и в писаниях святых отцов он уподобляется кормчему на корабле. "Если ты от Бога получил дар предвидеть бури, – писал преподобный Иоанн Лествичник, – то явно предвозвещай о них находящимся с тобою в корабле. Если не так, то ты будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полною доверенностью возложили на тебя управление оного". Об этом писал также преподобный Феодор Студит: "Жизнь человеческая – море, по которому мы, как в корабль какой, в тело сие вошедши, мысленно плывем непрестанно – день и ночь – в непогоду и бурю, и море это бедственно... и в нем столько страшных бурных волнений вздымается духами злобы... что и сказать нельзя. Но держать в руках кормило, и бодренно вести корабль среди подводных камней, отмелей и бурь, и иметь постоянно очи обращенными на небо, присматриваясь к звездам правды, по ним направлять плавание, дос-

Старец Амвросий

тавить корабль безопасно в пристанище спасения – в том дело и служение стоящего у кормила руководителя" – вот образ старчества.

Старчество появилось вместе с христианством. "Этот основанный на евангельском, апостольском и святоотеческом учении образ монашеского жития, – пишет отец Климент (Зедергольм) в Житии старца Леонида, – в наше время пришел в такое забвение". Так как в наше время в России старчество забыто еще более, то прислушаемся к словам отца Климента, одного из замечательных оптинских иеросхимонахов. "Путь старческого окормления во все века христианства, – пишет он, – признан всеми великими пустынножителями, отцами и учителями Церкви самым надежным и удобнейшим из всех, какие были известны в Христовой Церкви. Старчество процветало в древних египетских и палестинских киновиях, впоследствии насаждено на Афоне, а с Востока перенесено в Россию. Но в последние века, при всеобщем упадке веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение, так что многие даже начали отвергать его. Уже во время Нила Сорского (XV век) старческий путь многим был ненавистен, а в конце прошедшего столетия (XVIII век) и почти совсем стал неизвестен. К восстановлению в России этого основанного на учении святых отцов образа монашеского жития много содействовал знаменитый и великий старец архимандрит молдавских монастырей Паисий (Величковский). Он с великим трудом собрал на Афоне и перевел с греческого языка на славянский творения аскетических писателей, в которых содержится учение о монашеском житии вообще, и в особенности о духовном отношении к старцам. Вместе с тем в Нямецком и других подчиненных ему молдавских монастырях он показал и применение этого учения к делу. Одним из учеников архимандрита Паисия, схимонахом Феодором, жившим в Молдавии около двадцати лет, этот порядок иноческой жизни передан иеросхимонаху отцу Леониду, а им и учеником его старцем Макарием – насажден в Оптиной пустыни".

Отец Леонид долгие годы сопровождал ученика преподобного Паисия схимонаха Феодора, спасаясь с ним в разных монастырях, и был у него в послушании, а отец Макарий находился в Николаевской Площанской пустыни в послушании у другого ученика старца Паисия – схимонаха Афанасия. Другой ученик преподобного Паисия – также Афанасий, схимонах, в отшельнической хижине в рославльских лесах воспитал таких подвижников, как схиархимандрит Моисей и схиигумен Антоний (братья Путиловы), начальствовавших и отчасти старчествовавших в Оптиной и ее скиту. Вот как пекся Господь об устроении этой святой обители, собирая сюда великих Своих угодников!

С учениками преподобного Паисия пришли в Россию рукописи, над которыми они вместе трудились. На рубеже XVIII–XIX веков русское монашество не только почти не имело старцев, оно не имело и святоотеческих и аскетических книг – творения отцов Церкви существовали тогда лишь в рукописном

виде, поэтому очень дорого стоили, и редко кто был в состоянии купить труды святых Исаака Сирина, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого, Иоанна Пророка, Ефрема Сирина и других отцов, прошедших в своей жизни все то, чему они учили монахов. Будущий издатель этих духовных сокровищ иеросхимонах Макарий в 1820-е годы в Площанской пустыни занимался их перепиской, то же делали в своем лесном отшельничестве отцы Антоний и Моисей, у которых даже ноги стали болеть от долгих стояний на молитве и за перепиской (они писали стоя из уважения к святым текстам). Так зарождалось одно из величайших дел Оптиной пустыни – явно благословленное Богом книгоиздание, начавшееся в 1845 году с издания Жития и писаний преподобного Паисия.

Старчество для России было не ново, но почти забыто, так что на учеников преподобного Паисия даже церковное начальство нередко смотрело с подозрением – многие старцы, начиная с отца Леонида, подверглись несправедливым гонениям, и это происходило в течение всего XIX века, а отец Варсонофий пострадал уже в 1912 году. Оптинские старцы принимали эти скорби со смирением, как нечто должное. Однако Господь посылал оптинцам и высокопоставленных покровителей, помогавших насаждению старчества и книгоизданию. Это были высокообразованные и деятельные иерархи Церкви митрополиты Гавриил Петербургский, Филарет Московский и Филарет Киевский, сами ведшие подвижническую аскетическую жизнь, министр просвещения Авраам Норов (автор путевых записок во Святую Землю и в Египет), синодальные чиновники Андрей Муравьев (один из замечательнейших русских духовных писателей), Александр Толстой, философ-славянофил Иван Киреевский с супругой Наталией Петровной, не только помогавшие монастырю в деле книгоиздания, но и оказывавшие ему материальную помощь.

Сила Божия в немощи совершается. Многие из старцев не отличались физической крепостью, не имели защиты – казалось, что стоило недоброжелателям прекратить их деятельность! Однако они были сильны, так как сила там, где действует Дух Святый. "Старец – непосредственный проводник воли Божией, – писал историк пустыни И. М. Концевич. – Общение же с Богом всегда сопряжено с чувством духовной свободы, радости и неописуемого мира в душе". Старцем нельзя стать по своему желанию (можно стать лишь лжестарцем, губителем душ), это всегда Божие призвание.

Архимандрит Леонид (Кавелин), будучи оптинским монахом, посетил Святую Гору Афон. "На сделанный мною одному из светильников афонского иночества вопрос, – пишет он, – "Что сотворю, да спасуся?" – он вопросил меня: "Да ты в каком монастыре живешь и есть ли у вас старцы и откровение помыслов?" Я отвечал, что живу в общежительном монастыре, в коем по милости Божией есть старцы, опытные в духовной жизни, и что внимающие себе ходят к ним на откровение помыслов. "Итак, ступай с миром и продолжай сей правый путь и спасительное делание, – сказал он, – помня, что за находящихся в повиновении у старцев отвечают Богу они, а послушнику нет иного падения, как отдавшись в послушание старцу, творить свою волю". "И у нас, брате, – прибавил он, – кто спасается – не иначе как через старчество спасается, ибо нет иного кратчайшего пути ко спасению, как сей; от послушания бо рождается смирение, а сие творит нас сынами Божиими".

Старец никого самовольно не поучал и без вопрошания не давал никакого совета. Да и советуя, старался говорить не от себя, а от имени святых отцов или основываясь на Писании. Вопрошавший должен был последовать его совету, исполнять то, что повелел старец. Вот тут-то и началась власть старца: его повеление есть воля Божия, за уклонение от Божией воли может последовать наказание.

Каждому из старцев Господь посы-

лал такие труды, что, казалось, и на день-другой сил не хватит – тысячи страждущих посетителей, огромная переписка... Но эти тысячи жаждущих старческого слова лишь весьма малая часть нуждавшихся в наставлении и утешении. Что если бы пошли к старцам миллионы? Нашлись бы и другие старцы! Ведь это значило бы, что явились миллионы хотящих послушания воле Божией, а раз есть послушники, значит, и старцы будут. Когда спросили одного афонского монаха: отчего ныне мало духоносных старцев? – он ответил: оттого, что не стало настоящих послушников.

В 1820 году Калужский архиепископ Филарет (впоследствии митрополит Киевский), любивший Оптину пустынь, задумал устроить при ней в лесу скит, чтобы "поставить желающим средство к более безмолвному житию". При этом вспомнил он об отшельниках рославльских лесов, подвизавшихся там в божественном безмолвии под руководством старца Афанасия. В том же году случилось так, что один из послушников старца, отец Моисей, съездив по неотложному делу в Москву, заглянул по дороге назад в Оптину и там узнал о желании Калужского Владыки. Игумен Даниил представил отца Моисея епископу Филарету, и тот послал с ним письмо к старцу Афанасию, где предлагал ему "для удобнейшего прохождения подвигов монашеской жизни избрать себе с единодушными вам братиями уединенное место при Введенской Оптиной пустыни... Я вам позволяю в монастырских дачах избрать для себя место, какое вам угодно будет для безмолвного и отшельнического жития по примеру древних святых отцов-пустынножителей".

Старец Афанасий сам не решился покинуть насиженное место, но послал в Оптину отцов Моисея и Антония, а с ними монахов Илария, Савватия и еще некоторых. Их трудами и был устроен скит. В нем 5 февраля 1822 года была освящена игуменом Даниилом "домовая для архиепископского приезду" церковь во имя собора святого пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня. Отец Моисей стал первым скитоначальником, а после смерти игумена Даниила в 1825 году – настоятелем монастыря. Скитоначальником назначен был его брат Антоний. Со скитом Оптиной пустыни и связана оказалась неразрывно история оптинского старчества.

Первым оптинским старцем стал иеромонах Леонид (в схиме Лев), прибывший после кончины своего старца схимонаха Феодора с шестью учениками сначала в Площанскую, а через недолгое время в Оптину пустынь. Это было в апреле 1829 года. Келлия ему устроена была возле скита на пасеке. Старец был высокого роста и крепкого сложения (он мог разом поднять груз до двенадцати пудов). Седые волнистые волосы свободно лежали по его плечам. Серые глаза его смотрели прямо – никого не спрашивая ни о чем, он знал, кто с чем пришел к нему. Говорил он звучным басом, немного при этом юродствовал, шутил, но это всегда имело скрытый назидательный смысл. Ходил он твердой поступью и во всех своих движениях и поступках был решителен, как воин, истинный воин Христов. До своего поступления в монастырь, то есть почти до тридцатилетнего возраста, он был купеческим приказчиком и по торговым делам объездил всю Россию, что дало ему богатое знание мирской жизни. А тридцать лет монашества сделали его смиренномудрым и прозорливым старцем.

Теперь без благословения старца Леонида в монастыре не делалось ничего. В течение всего дня – и особенно вечером – к его келлии собирались иноки, желающие покаяться в том, в чем согрешили в течение дня, попросить совета, утешения, наставления или благословения. Вот как рассказывает об этом один из монахов: "Старец в белой одежде, в короткой мантии, был виден из-за круга учеников своих, которые стояли пред ним на коленях, и лица их были одушевлены разными выражениями чувств. Иной приносил покаяние в таком грехе, о котором и не

помыслил бы не проходивший послушания; другой со слезами и страхом признавался в неумышленном оскорблении брата. На одном лице горел стыд, что не может одолеть помыслов, от которых желал бы идти на край света; на другом выражалась хладнокровная улыбка неверия ко всему видимому: он пришел наряду с другими явиться только к старцу и уйти неисцеленным, но и он, страшась проницательного его взгляда и обличительного слова, потуплял очи и смягчал голос, как бы желая смягчить своего судию ложным смирением. Здесь видно было истинное послушание, готовое лобызать ноги старца; там немощный, отринутый всем миром болезненный юноша не отходил от колен отца Леонида, как от доилицы ее питомец. Между прочими видна была седая голова воина, служившего некогда в отечественной брани и теперь ополчившегося под начальством такого искусного вождя против врагов невидимых. Здесь белелись и власы старца, который, признавая свое неискусство в монашестве, начинал азбуку духовную, когда мир признавал его наставником. Таким-то разнообразным обществом был окружен великий старец и вождь духовный. В этой чудесной келлии можно было видеть зрелища, столь же поучительные, как и все события, напоминавшие лучшее время христианства. "Собрание смиренных – яко собрание серафимов", – сказал святой Исаак Сирин".

Отца Леонида "пуще отца родного" почитали крестьяне окрестных деревень, влияние его распространялось за пределы обители, исправляя народные нравы. В Оптиной старец Леонид прожил всего двенадцать лет и последние шесть терпел непрестанные гонения, возбужденные по доносам завистников и клеветников, наущаемых отцом лжи, диаволом. Старчество только еще начинало возвращаться в русскую духовную жизнь, и еще не было понято ни обществом, ни правителями, ни даже богословами. Еще не отвыкла и полиция преследовать отшельников (отшельничество в XVIII веке было запрещено), ловить их по лесам. Были и архиереи, не принимавшие "новшеств" вроде старчества. Отцу Леониду по доносу запретили принимать в своей келлии мирян, его переселили с пасеки в самый скит, а потом и в монастырь. Чиновные следователи наезжали в Оптину и устраивали суды над старцем, допрашивая о нем всех монахов. Запретили ему носить схиму, ссылаясь на то, что он пострижен келейно. По приказанию митрополита Киевского Филарета схима была старцу возвращена.

Старец Леонид переносил все это с терпением. Когда его в очередной раз переселяли, он брал икону Владимирской Божией Матери (благословение преподобного Паисия отцу Феодору) и с пением *Достойно есть*... нес ее на новое место и немедленно принимался за свое дело – плести пояски и беседовать с народом. Так, однажды, когда ему архиереем запрещено было принимать людей, они пришли к нему во множестве, заполнили келлию и весь двор. Увидел это настоятель отец Моисей и говорит ему:

– Отец Леонид! Как же вы принимаете народ? Ведь Владыка запретил.

Вместо ответа старец велел принести к себе калеку, который лежал за дверями, ожидая своей очереди.

– Вот, – сказал отец Леонид, – посмотрите на этого человека. Видите, как у него все члены поражены? Господь наказал его за нераскаянные грехи... Он живой в аду! Ему нужно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли я его не принять?

– Но Преосвященный, – с грустью сказал отец Моисей, – грозит сослать вас под надзор.

– Ну так что ж, – ответил старец, – хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову, но кто пришел – тех гнать от себя не могу. Особенно в простом народе многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи... Могу ли презреть их нужды?

Старец Макарий

Игумен Моисей во всем сочувствовал старцу, но должность обязывала его делать подобные замечания. Расстались они на том, что настоятель предоставил старцу действовать так, "как укажет ему Сам Бог".

В 1834 году из Площанской в Оптину пустынь перешел духовный сын отца Леонида иеромонах Макарий. К этому времени с Божией помощью он уже так возрос духовно, что был назначен благочинным в Площанской пустыни, а также духовником Севского Троицкого девичьего монастыря, имел множество духовных чад, вел обширную переписку с ними, наставляя их на пути ко спасению. Тем не менее еще в той же обители он перешел в полное послушание к отцу Леониду, который рад был встрече с таким духовно просвещенным иноком и стал его считать более своим другом-единомышленником, чем учеником. И только уступая его просьбам, решился обращаться с ним как с возлюбленным о Господе сыном. В Оптиной почти сразу по прибытии отец Макарий назначен был духовником всей братии, а через пять лет – скитоначальником. Но ни как духовник, ни как начальник скита он ничего не делал без совета отца Леонида и всякий успех приписывал его отеческим молитвам.

Отец Леонид из смирения свои письма к духовным чадам никогда не подписывал один – сначала вместе с отцом Феодором, потом с братией, а в Оптиной – с отцом Макарием. Он стал привлекать своего ученика и к духовному окормлению приходящих людей – они нередко принимали народ вдвоем. "Бывало, – вспоминала одна духовная дочь старца Леонида, – говоришь с отцом Леонидом, входит отец Макарий, а отец Леонид говорит ему: "Батюшка! Поговори-ка с ней, ей нужно тебе кое-что объяснить". Или сидят они, как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и двум открываем души свои, как бы одному... Поэтому когда скончался отец Леонид, то хотя мы скорбели о нем, но скорбь наша была умеренная, так как мы лишились одной половины, а другая половина осталась при нас".

Отец Леонид и отец Макарий вели такую обширную духовную деятельность, что трудно было представить, как они все успевали. К ним приходили, во-первых, монахи Оптиной для ежедневной исповеди; во-вторых, множество приезжих и пришлых людей со всех концов России; в-третьих, их духовными чадами были иноки и инокини монастырей, которые приезжали к старцам в Оптину или писали им письма. Ездили и старцы в эти обители. Старец Леонид окормлял Белевский Крестовоздвиженский монастырь, Калужскую Тихонову и Борисовскую Тихвинскую пустыни, Севский Троицкий и Малоярославецкий Николаевский монастыри. После кончины отца Леонида эти обители перешли под духовное руководство отца Макария, и к ним прибавились другие – Болховский Оптин, женские монастыри в Великих Луках,

Вязьме, Курске, Смоленске и других городах. Сто–двести писем в день – и на каждое необходимо ответить. Десятки, а то и сотни посетителей в день – и каждому нужно слово утешения, наставления, обличения... Или много дней в тарантасе или зимней кибитке...

Оптинский инок отец Евфимий в дневнике, приведенном С. Нилусом в книге "Святыня под спудом", так пишет о наставлениях старца Макария: "Что ни предлагал бы старец отец Макарий, он всегда ставил в главизне своих советов смирение – из этой добродетели он выводил все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина: поверять свою совесть; быть в постоянной борьбе со своими страстями; очищать душу от грехов; любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь пред собою Его милосердие беспредельное и всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Бога прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему; хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу; чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих домочадцев и всех знакомых; вспоминать почаще заповеди Божии, стараться исполнять их, равно как и постановления церковные; если возможно, несколько раз в год говеть и причащаться Святых Таин; соблюдать все четыре поста, а также среду и пятницу; каждый праздник бывать у всенощной и у обедни; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то главу из Евангелия и Посланий Апостольских. Кроме того, утром и вечером молиться об упокоении усопших и о спасении живущих и во главе сей молитвы с благоговением молиться о Государе Императоре и всем Царствующем Доме... Изумительно было спокойствие старца в минуты его наставнической деятельности! Он с одинаковым терпением выслушивал нелепое суеверие и безумное вольнодумство, бессмысленную жалобу крестьянской женщины и замысловатую пытливость эмансипированной барыни, бесхитростный рассказ простолюдина и хитросплетенную фразу: ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия – все было покорено им в себе глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания. Не цветисты были поучения его, но в них слышался дух, чувствовалась теплота; размягчалось самое ожесточенное сердце".

После кончины старца издано было шесть томов его писем (пять из них – к монашествующим). Это только часть его эпистолярного наследия. Читаешь эти зачастую весьма пространные наставления, живые, преисполненные теплой веры в Бога, и дивишься – в какие часы, когда мог все это написать немощный телом, постоянно утомленный старец? Сколько раз обеспокоенные его усталостью братья-иноки умоляли его сократить хоть переписку, если нельзя уж отказывать в приеме приезжающим и приходящим, – нет, не соглашался. И Господь не оставлял, давал силы.

Игумен Антоний (Бочков), духовный писатель, часто бывавший в Оптиной, ознакомившись с письмами старца Макария, так отозвался о них: "Письма его могут быть названы часами, по которым и во утро, и в полдень, и нощию можно поверять жизнь всякому монаху и монахине, для которых они назначены. И юный, и зрелый, и старый может прибегать во всякое время к этому указателю, который сам шествовал неуклонно по пути Солнца Правды. Глубочайшая осторожность в советах, с твердостию и простотою данных не на краткое время, но часто на многие годы, применение советов к возрасту вопрошающих, к их устроению, ко времени и обстоятельствам, знание монашеской жизни и человеческого сердца, – все это утаенное от мира сокровище мудрости и опытнос-

ти так и бросается в глаза, приобыкшие различать сияние настоящих дорогих камней от фальшивого блеска. В отце Макарии вовсе не видишь аскета-схоластика: редко выставляет он себя учителем, а только благим советником, который, однако ж, знает цену своих советов, внушенных многолетним опытом и проверенных не однажды на многих людях. Уважение к слову правды не колеблется он явить, где должно, и опереться на него крепко.

И сколько жертв принесено было ближним в этой переписке, которые увенчались его страдальческою кончиною!"

Жизнь отца Макария – постоянное преодоление, с Божией помощью, немощей, трудностей, болезненных состояний. Он всю жизнь страдал одышкой ("занятием духа") и лечился не только молитвой, но и каплями, прописанными ему московскими врачами. Несмотря на одышку, ходил он быстро, скор был на всякое дело, не терпел промедлений и при этом требовал в любом деле точности исполнения. Если он выезжал из скита, то, едва утром подавали к воротам экипаж, он уже шел с палкой в руке и узелком, так что если с ним кто-нибудь ехал, должен был поторапливаться. В два часа ночи он будил келейников на утреннее правило – в это время на нем были белый подрясник, черная шапочка и полумантия. В тишине ночи читались утренние молитвы, двенадцать псалмов, час первый, дневной Богородичный канон по гласу недели и акафист Божией Матери. В шесть утра он снова призывал келейников на молитву, а после этого принимался за чтение или писание писем. Только начнет – раздается скрип входной двери: кто-то из иноков... за ним другой....

Келейник докладывает:

– Батюшка, там, у ворот, болховские женщины идут в обратный путь, желают принять ваше благословение, да вот дали два пузырька, одна просит маслица, другая – святой водицы.

Старец выходит к воротам, возвращается. Опять входит келейник:

– Батюшка, монахиня Белевского монастыря совсем готова к отъезду, ожидает только писем, которые вы хотели послать с ней.

Старец готовит письма, выходит к воротам, дает отъезжающей письма и просфору и благословляет. Вернувшись, садится за книгу. Входит келейник:

– Батюшка, какой-то больной Христом Богом заклинает выйти к нему хоть на минуточку, пришел за несколько сот верст.

Старец идет к воротам.

После поздней монастырской обедни старец шел в трапезную и потом запирался в келлии на полчаса – это и был его отдых. Затем он шел к гостинице, где его ждали иной раз сотни людей, всех выслушивал, каждого оделял хлебом духовным. Потом принимал у себя в келлии иноков, занимался писанием писем, делами оптинского книгоиздания – вместе с помощниками, слушал большое вечернее правило, а потом молился один. Для сна времени почти не оставалось. И так – ежедневно в течение более чем двадцати лет.

Скит при отце Макарии пришел поистине в цветущее состояние. Благодаря многочисленным жертвователям, почитавшим старца, скит мог обстраиваться и содержать себя и даже помогать монастырю. Половина монастырского годового запаса шла от скита. Он помогал также и многим бедным храмам в округе. С особенным попечением относился старец к храму собора Иоанна Предтечи, где все было сделано по его указаниям. Это касалось не только убранства, но и самой службы, и церковного пения, которого старец Макарий был великим знатоком. Ризница храма постоянно пополнялась – усердием монахинь, считавших за счастье чем-нибудь угодить своему духовному отцу, а еще более – богатых жертвователей из мирян.

В скиту и до старца Макария росли цветы, но при нем он буквально обратился в райский сад... Много заботился он и о лесе, окружавшем обитель. Монахи очищали лес от бурелома, сажали

новые деревья, преимущественно сосны, и Бог благословил их послушание – лес был великолепный, красоты поразительной. Попечением старца возведены были каменные столбы и ограда вокруг скита, а также каменные святые ворота с колокольней, постройка которых была завершена в 1858 году.

Нередко отцу Макарию приходилось слышать похвалу себе, но он называл ее "клеветою". Вот как он отвечает на одно из писем, содержащих такую хвалу: "Мне-то горе, бедному! О людях рассуждаю, а сам низлежу во всех злых и гордости не чужд. Принимаю от подобных себе слепцов ублажение на свое осуждение. А ежели бы вам открыть глаза и видели бы хотя часть некую моих злых деяний, то воззрети бы не восхотели на такое чудовище. И надобно бы было мне умолчать и внимать себе. Но не знаю, обычай ли мой лукавый или тщеславный под видом пользы якобы ближних не допускает умолкнуть. Оставляю попечение о своей душе, простираюсь о других и только знаю что пишу, хотя и весьма нелегко мне сие".

Отец Макарий знал, что немощная душа человека не может быть в непрерывной молитве, что ей нужен отдых от труда молитвенного. Поэтому, помня пример древних иноков, всегда занимавшихся рукоделием, и он завел в скиту четыре вида: рукоделия токарное по дереву, переплетное, футлярное и ложечное. Первые три он сам знал очень хорошо. Изделия свои иноки приносили к нему, а он при случае дарил их кому-нибудь. Митрополиту Московскому Филарету поднесены были деревянные расписные чашки и ложки работы оптинских монахов, чем он был глубоко тронут. А для самого старца и нескольких наиболее образованных монахов нашлось дело посерьезнее: издание святоотеческих писаний, начавшееся в 1845 году.

Во главе этого дела стал сам старец, а ближайшими помощниками были иеромонах Леонид (бывший послушником), иеродиакон Амвросий (будущий преподобный), иеромонах Ювеналий (впоследствии архиепископ Виленский), послушник Павел (впоследствии духовник обители иеросхимонах Платон), послушник Петр (впоследствии монах Порфирий). Все они были одарены литературными способностями, которые и употребили на прославление Церкви и святых.

В миру, как мы уже упомянули выше, усерднейшими и главными помощниками старца по книгоизданию были супруги Киреевские, жившие в селе Долбине возле Белева, в сорока верстах от Оптиной. Они были духовными чадами старца. Киреевские взяли на себя типографские дела; чтение корректур, отсылку рукописей в цензуру. Через Наталью Петровну Киреевскую издатели держали связь с митрополитом Московским Филаретом, в дом которого она была вхожа в любое время. Митрополит очень решительно поддержал начинание оптинцев. Если бы не он, вряд ли бы они выпустили хотя бы одну книгу – или первая была бы и последней. По Духовному регламенту Петра I только Синод имел право печатать духовные книги, но почти ничего не печатал.

По благословению старца Макария Киреевские в одной версте от своего усадебного дома в Долбине весной 1848 года построили домик-келлию, которую старец и освятил. Сюда он приезжал с сотрудниками, которые переписывали, редактировали, в иных случаях переводили с церковнославянского языка на русский рукописи преподобного Паисия и его учеников, снабжали их примечаниями, комментариями, указателями. Впоследствии эти книги переиздавались, так что и в наше время мы нередко пользуемся трудами старца Макария и его помощников. По их молитвам Господь посылал и средства, нужные на покупку бумаги и оплату типографских работ. Готовые экземпляры книг привозились в Оптину, а отсюда отцы Макарий и Моисей рассылали их безвозмездно во все концы России, где была потребность в духовном чтении: епископам, в монастыри, в частности и на Афон, духовным и

мирским лицам, в духовные учебные заведения.

По кончине старца Макария (9 октября 1860 года) иеромонах Антоний (Бочков) писал о нем: "Пылкая его душа, кажется, стремилась вон из тела на всякий призыв его детей – ко всякому скорбящему. Душевный слух его сторожил каждое слово, касавшееся Святой Церкви и Отечества, горячо им любимого. Его радовало все, что прославляло Господа, и с детским веселием он спешил возвещать всем о чудесах милости Божией. Он готов был передать всем свою теплую веру, что Господь жив, что не перестал действовать к нашему спасению... Его неутомимые труды и заботы при издании творений святых отцов изумляли меня и даже ставили в какое-то недоумение: батюшка как бы составляет карту неба и научает нас безбедно плавать по житейскому морю!"

Жизнь двух великих старцев, Леонида и Макария, в Оптиной протекала при настоятеле схиархимандрите Моисее: он управлял пустынью с 1826 до своей кончины в 1862 году. "Имя этого образцового настоятеля, – писал Евгений Поселянин, – навсегда будет запечатлено на страницах истории монашества: с этим именем связано восстановление старчества и, следовательно, истинного монашеского жития... В роды родов вместе с незабвенными именами оптинских старцев Льва, Макария, Амвросия будет поминаться смиренное чистое пред Богом имя отца Моисея".

Отец Моисей и его брат схиигумен Антоний, бывший сначала в Оптиной скитоначальником, потом некоторое время настоятелем малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря, а потом живший на покое в Оптиной в полном послушании у брата-настоятеля, были истинными монахами. От долгого стояния на молитве, а также во время чтения и переписки духовных книг у обоих ноги к старости покрылись кровоточащими язвами, но ничего из монашеского делания не было оставлено ими. Они не старчествовали, хотя и были одарены от Бога всем для этого нужным, но имели множество духовных чад не только из монахов, но и из мирян. Авторы их жизнеописаний (отца Моисея – отец Ювеналий, отца Антония – отец Климент) приводят многочисленные и поучительные свидетельства об их аскетических подвигах. О многих фактах их жизни невозможно читать без волнения – это истинно Божии люди, полное оправдание монашеского образа жизни. Оба они были любителями духовного чтения и собирали аскетические писания святых отцов с юности. У них были и переписанные ими самими книги преподобного Паисия, которые они передали старцу Макарию для издания. Их довольно большие келейные библиотеки (у отца Антония – более двух тысяч книг и шестьдесят рукописей) легли в основание библиотеки монастыря.

"Как великий любитель безмолвия, – пишет отец Климент, – о. Антоний желал всегда проводить уединенную жизнь в молитвенных трудах, чтении и богомыслии; и говаривал, что, когда остается один в келлии, тогда бывает у него праздник на душе. По глубокому своему смирению он всегда хотел уклоняться от учительства, тем более что в Оптиной пустыни уже был великий старец, пользовавшийся всеобщим уважением, – иеромонах отец Макарий... Но духовные дарования его, и даже самое смирение, с которым он от всех уклонялся, привлекали к нему всех, – и скоро келлия его стала наполняться множеством посетителей, желавших принять от него благословение и духовное назидание".

Преемником отца Моисея по настоятельству был иеромонах Исаакий, бывший духовным чадом сначала старца Леонида, потом Макария. Он прошел долгий путь послушания, поступив в 1847 году в скит, где трудился на кухне, пасеке, занимался переплетным делом. Когда он принял управление обителью, в казне было буквально десять копеек, а надо было еще расплачиваться с долгами. Не зная, как про-

кормить братию, отец Исаакий сокрушался и даже плакал, но вдруг получил известие, что некий благотворитель погасил долги Оптиной и пожертвовал еще на ее нужды пятнадцать тысяч рублей. "Господи! – воскликнул отец Исаакий, – я, не имея на Тебя надежды, стал было сетовать, а вот уже и помощь Тобою послана!" И тут понял он, отчего при отце Моисее, который никогда не заботился об изыскании средств, в Оптиной строились храмы, не оскудевали запасы: Господь пекся о сей пустыни. Оттого-то после кончины отца Моисея в его денежном ящике и нашли гривенник, а отец Антоний при этом сказал, что он застрял в щели, поэтому настоятель и не заметил его, а то бы и он был истрачен. Более тридцати лет управлял святою обителью архимандрит Исаакий, и всегда, неведомыми ему путями, улаживались все материальные дела.

Был отец Исаакий смиренен и молчалив, к братии относился с любовью, одинаково ко всем, и звали его дедушкой. При нем выстроены были гостиницы, разные службы, расширены сады, куплено семьсот десятин леса, осушены луга, устроен восковой завод, благоустроен Казанский собор, повешен колокол в семьсот пятьдесят пудов. Он умел наставить инока кратким, но весомым словом, и в словах его была настоящая отеческая забота. Если же оказывался в чем неправ, то просил прощения, становясь на колени. Для исповедания помыслов он наравне со всеми ходил к старцу Амвросию, терпеливо дожидаясь своей очереди вместе с послушниками и монахами. При добрейшей душе и смирении он имел весьма суровый вид, который, однако, никого не вводил в заблуждение

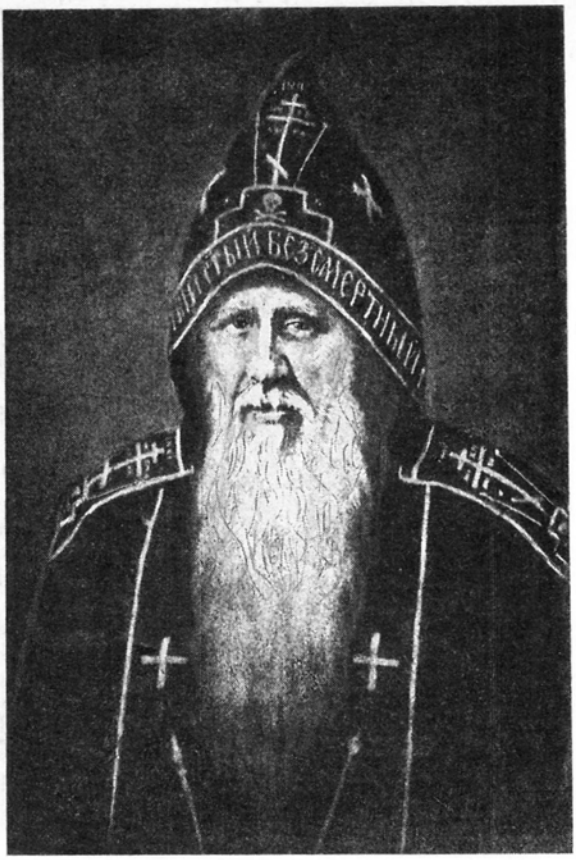
Еще при жизни старца Макария молодой иеромонах Амвросий начал "прикровенно" – с его благословения – старчествовать. С 1846 года отец Макарий начал посылать к отцу Амвросию некоторых из братий за духовным советом. А с 1852 года старец уже открыто оставлял его вместо себя. Иной раз, видя толпу, собравшуюся вокруг отца Амвросия, старец Макарий шутливо восклицал:

Схиархимандрит Моисей

– Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает.

Когда скончался старец Макарий, иноки признали отца Амвросия своим старцем. Отец Климент писал своему брату: "Мне кажется, что с батюшкою отцом Макарием скончалсь все утешение мое. Обращаюсь к отцу Амвросию, истинному ученику батюшки, проникнутому его духом". Постепенно имя нового старца завоевывало сердца монахов и мирян. Сам же он словно не видел своих трудов и укорял себя в "неделательном глаголании". Никогда не решился бы он старчествовать, если бы не прямое указание отца Макария: "Будешь жить в хибарке по ту сторону ворот, и смотри – вот тебе мой завет – никого из приходящих не оставляй без утешения". И Господь наградил смиренного и немощного телом подвижника дарами прозрения будущего, исцеления душ и телес, знания Свя-

Иеросхимонах Амвросий

щенного Писания и учений святых отцов. Уже будучи иеромонахом, он перенес тяжкие болезни и остался навсегда полубольным. Врачи говорили; что если бы это был обыкновенный человек, то можно было бы с уверенностью сказать, что жизни ему осталось не более получаса. А отец Амвросий прожил в таком состоянии более тридцати лет, не имея возможности совершать литургию, но исполняя свое келейное правило, принимая ежедневно множество людей, ведя переписку с духовными чадами, занимаясь изданием духовных книг, устроением женской Шамординской общины. Двери его келлии были в любое время открыты для братии. К тому же скитоначальник, его духовный сын отец Анатолий, передал ему все наличные скитские деньги, так как желал все время свое посвящать молитве. Как и при прежних старцах, без совета с отцом Амвросием ничего в обители не предпринималось.

И вот народ потянулся из всех краев в Оптину – к "батюшке Абросиму"... Приходит келейник:

– Батюшка, вас ждут.

– Кто там?

– Московские, вяземские, тульские, белевские, орловские, каширские и прочие народы.

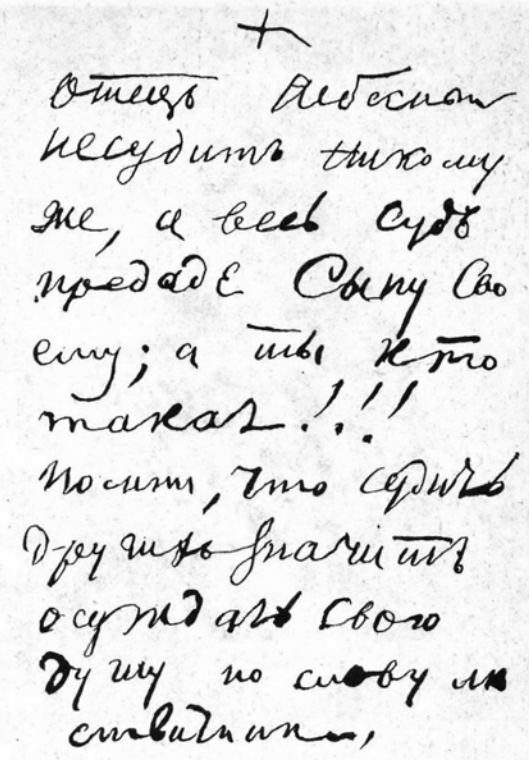
Из хибарки отца Амвросия было два выхода – наружу, за скит, для женщин, которым в скит входить было нельзя, и внутрь – для мужчин. Старец выходил, на ходу отвечал на вопросы, благословлял, некоторых же уводил в келлию для беседы. Он называл по имени незнакомого человека, напоминал ему забытые им грехи, часто исцелял от болезней, нередко прикрывая свои подвиги шуткой. Так, на вопрос: "Как жить, чтобы спастись?" – он мог ответить прибауткой, не лишенной, конечно, точного духовного смысла: "Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда дело будет верно, а иначе будет скверно". Или так: "Как жить? Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение".

Архимандрит Агапит в житии старца пишет, что "самое слово его, растворенное солью благодати Божией, имело особую силу и было могучедейственно. Не говорим уже о том, что все, с верою обращавшиеся к старцу, смиренно преклоняли пред ним свои выи, с готовностью исполнять всякое его слово; много было и из нерасположенных по неведению к нему людей, при первом с ним знакомстве переменявших свой свирепый нрав в агнчую кротость... Старец не имел обыкновения прямо и резко обличать кого-либо пред людьми, но так искусно обличал, что обличение его, несмотря на присутствие множества народа, понятно было только одному тому, к кому оно относилось. И не грозою, а любовью умел батюшка вести людей к исправлению, вселяя в душу их веру, что не все потеряно и можно, при Божией помощи, одолеть врага".

"То он с лаской глядел на вас, – вспоминал архимандрит Ага-

пит, – то смеялся с вами одушевленным молодым смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление, когда вы хотели, чтоб он сказал вам, как поступить в каком-либо деле, то решительно принимался качать головой, когда отсоветовал какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на вас, все ли вы понимаете, начинал объяснять, как надо устроить ваше дело".

Старец Амвросий имел у себя в келлии басни Крылова. В краткие минуты отдыха, чаще всего после обеда, он прочитывал одну или две басни – ему, очевидно, нравились их народный язык, меткость, остроумие. Как мы и отметили выше, он сам иногда высказывал в шутливом тоне заключенные в рифмованную форму, но духовно весьма глубокие мысли и наставления – в книге архимандрита Агапита приводится целый ряд таких как бы маленьких басенок отца Амвросия, записанных его духовными чадами. Трудно, пожалуй, представить себе Ивана Андреевича Крылова в келлии оптинского старца. Но и вообще русские монастыри, в том числе и Оптина, не так много видели у себя представителей русской литературы. Приезжал к старцу Макарию белевский уроженец поэт Василий Андреевич Жуковский, так как племянник его, Иван Васильевич Киреевский, как мы уже говорили, тесно сотрудничал с иноками в книгоиздательском деле и в то же время находился в послушании у старца и стремился подчинить свою жизнь по мере сил учению святых православных отцов. Это уже не "посетитель", а оптинец, что сближает его в этом с Константином Леонтьевым и Сергеем Нилусом. Да, это – оптинцы! В 1850 году побывал в Оптиной граф Алексей Константинович Толстой, и, несмотря на то что был крупным чиновником (служил в Императорской канцелярии), он из Калуги в Оптину и обратно шел пешком – отказался от лошадей, предлагавшихся ему игуменом Моисеем.

Автограф старца Амвросия

Несправедливо забытый в наше время поэт, великий князь Константин Романов (печатавшийся под псевдонимом "К. Р."), в 1887 году приехал в скит и провел несколько часов в беседе со старцем Амвросием "и после с любовью относился к нему", пишет архимандрит Агапит. Уже тогда им было написано стихотворение "Молитва":

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Оно было переписано царицей-мученицей Александрой Феодоровной в 1918 году в ее альбом под словами из аввы Пимена: "Поступай так, чтобы сила твоя не сделала никому никакого зла: чистым сделай сердце твое для всякого человека".

Поэт, духовный писатель, богослов, служивший в Синоде, Андрей Муравьев бывал у старца Амвросия неод-

Амвросий Оптинский.
Икона современного письма

нократно. Это был верный сын Церкви, друг Оптиной, неустанный труженик, автор многочисленных путевых очерков о святых местах России и Востока, двенадцатитомных "Житий русских святых", "Писем о богослужении", а также книги "Святые Горы и Оптина пустынь".

"Совсем святым человеком" назвал старца Амвросия побывавший у него Лев Толстой, но он, будучи врагом христианской Церкви, так и не смог сблизиться со старцем, у него не хватило духу даже взять благословение у старца при прощании. "Горд очень", – сказал о нем старец. Даже перед смертью, после своего "ухода" из дома, заблудший писатель не смог переступить порог кельи старца и принести покаяние. Оптинцы чувствовали, что в его душе идет мучительная борьба, поэтому на станции Астапово, у домика, где он умирал, и появился старец Варсонофий (подробнее об этом расскажем ниже).

Нужно отметить все же, что никакой особенной связи с русской литературой того времени у Оптиной не было, и это не вина обители. Наша культура еще в XVIII веке приняла безбожное направление. Можно говорить лишь об отдельных лицах, с искренней верой посещавших Оптину, и то нечасто. Вот народ – другое дело. Массы простых людей тянулись к старцам. Их "литературой" были жития православных святых, музыкой – церковное пение, философией – молитвы и проповеди. Безбожная культура в то время еще не смогла привиться к сознанию крестьян.

Совсем нетипичным для представителей русской культуры был случай с Константином Леонтьевым, ставшим не только духовным чадом отца Амвросия, но и монахом с именем Климент (в тайном постриге). Климент – в память об отце Клименте (Зедергольме), о котором он написал книгу. Ее экземпляры находились в Оптиной, и старец Иосиф дарил эту книгу своим духовным чадам. Только смерть помешала Леонтьеву приступить к жизнеописанию старца Амвросия. Беллетрист, эстет, Леонтьев преодолел в себе многие страсти, и Господь вел его душу к вере. Однажды он был чудесно исцелен от холеры и, по его словам, "стал бояться Бога и Церкви. С течением времени физический страх прошел, духовный остался и все возрастал". В 1874 году он приехал из Турции, где служил по дипломатической части, и вскоре появился в Оптиной. "Отец Амвросий мне чрезвычайно понравился, – писал он, – но все-таки в течение пяти лет я не получал от него тех утешений, которые получал от более сурового Иеронима Афонского. А душевная жизнь моя была очень сложная, трудная, очень запутанная... Ужаснее всего было то, что надо было говорить отцу Амвросию все кратко, все только в окончательном выводе, без всяких объяснений. Это была мука – после Иеронима, который со мной беседовал... Я сидел в зальце отца Амвросия, ожидая, чтобы меня позвали; я помолился на образ Спаса и сказал про себя: "Господи! Наставь же старца так, чтобы он был опорой и уте-

шением! Ты знаешь мою борьбу!" И вот отец Амвросий на этот раз продержал меня долго, успокоил, наставил, и с той минуты все пошло иначе. Я стал с любовью его слушаться, и он, видимо, очень меня любил и всячески меня утешал.

В 1891 году Леонтьев писал: "Кончина моего старца отца Амвросия не застала меня врасплох; он был так слаб, что я дивлюсь, как он мог еще дожить до 79 лет... До получения известия я каждый день поминал его имя на молитве за здравие, а после стал поминать за упокой. И только... Но для многих других, не столь приготовленных или по сердечному (не чисто духовному) чувству безгранично ему преданных, это очень тяжело. Я знаю даже таких, у которых личное к нему чувство было сильнее самой веры в Церковь. Мое чувство к нему было более духовного оттенка; я его слушался, избегал делать что-нибудь важное без его благословения; видел от него много всякого добра (даже и вещественного в прежние трудные времена); но так страстно, как другие, привязан к нему не был".

Последние годы Леонтьев жил в доме, построенном вблизи стен Оптиной архиепископом Виленским Ювеналием, воспитанником Оптиной. Скончался Леонтьев в том же, 1891 году, что и старец Амвросий, который почил в основанном им женском монастыре в Шамордине.

В речи перед чином погребения яркое слово сказал о старце иеромонах Григорий: "Какая сила влекла к этому старцу-монаху людей всяких званий и положений? Какою мощью он неверующих заставил верить, в отчаявшихся поселял надежду, злых делал добрыми? Что помогало ему по вере приходивших к нему творить прямо чудесные деяния: исцелять от болезней, прозревать будущее... Да вот именно его пастырское умение пользоваться благодатью Христовой... Пред ним всякий человек чувствовал себя только мирянином: княжеские титулы и графские достоинства, слава, и богатства, и знатности, преимущества образования – все оставалось за порогом его келлии: все одинаково видели в нем только Христова пастыря и становились на колени. Все говорили с ним, и он всем говорил лишь о духовном; сказанное им что-либо и житейское непременно истолковывалось как речь о чем-либо духовном. Се – знак того, что тут религия понималась как Царство Божие, как царство совести, как нечто такое, что совершенно противоположно миру. На батюшку смотрели именно как на служителя Бога".

Иеромонах Исаакий

Отец Амвросий не оставил "пустое место" после себя. Был у него среди келейников инок Иосиф, ученик его. Когда Иосиф выходил к паломникам, чтобы спросить, кто и откуда, все невольно стихали. "Смиренная поступь, опущенные глаза, краткий ответ с поклоном и всегда неизменная скромно-приветливая улыбка, – рисует его автор книги о нем, – и ничего выдающегося, бьющего в глаза. Но тем не менее и тогда все

Иеромонах Иосиф (Литовкин)

как-то безотчетно проникались к нему особым уважением – в нем чувствовалось что-то такое, что ставило его выше других... все становились серьезными, и многие доверчиво сообщали ему свои скорби или поручали что-либо передать старцу".

Этот инок еще восьмилетним ребенком удостоился видения Царицы Небесной. С той поры он преисполнился живой веры и даже некоторого дерзновения в молитве. Он жил со своей семьей в селе под Харьковом. Когда Литовкины (это была их фамилия) выстроили себе новый дом, вдруг случился большой пожар. Мальчик, протягивая руки к церкви Покрова Пресвятой Богородицы, закричал: "Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем новенький!" Все в этом селе сгорело, кроме дома Литовкиных. Оставшись сиротой, этот мальчик много мыкался по людям, работая у купцов и живя по временам у дальних родственников. Много бедствий перенес он, и вот сестра его, монахиня Леонида, написала ему письмо, в котором советовала поступить в скит Оптиной пустыни (Борисовская пустынь, где она жила, находилась под окормлением оптинских старцев). Навестив сестру, он отправился в Оптину, но запала ему почему-то мысль: побывав в Оптиной, идти в Киев. В Белевском Крестовоздвиженском монастыре он присоединился к монахиням, ехавшим в Оптину. Они посадили его на козлы и, когда прибыли в пустынь, сказали старцу Амвросию:

– Батюшка, а мы привезли с собой еще брата Ивана!

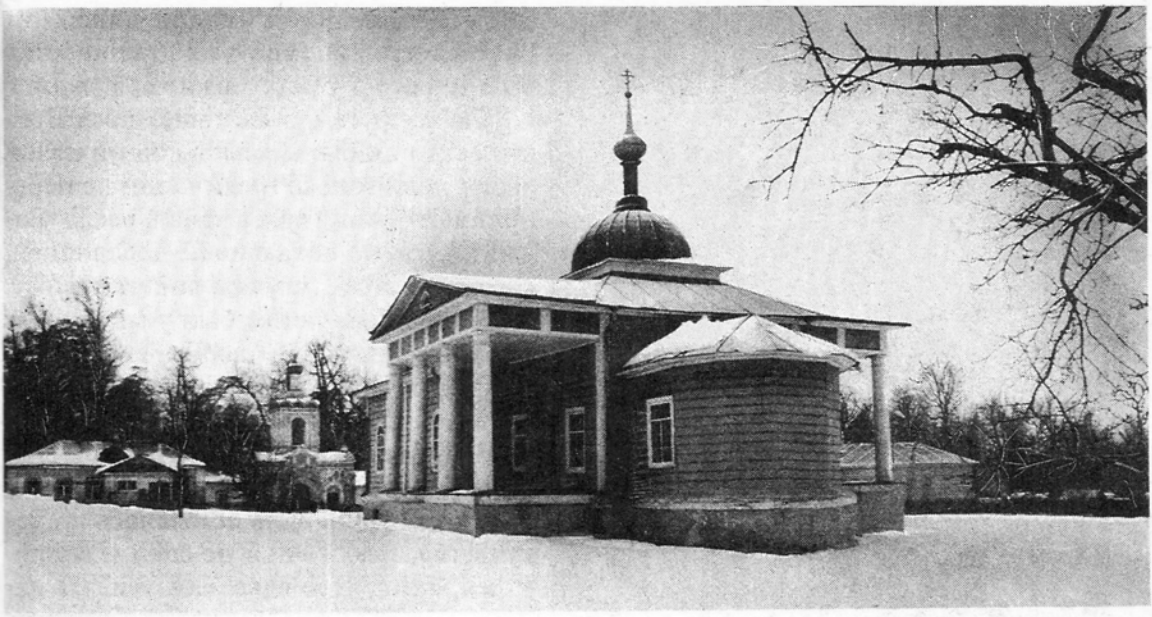
– Этот брат Иван, – ответил старец, еще не познакомившись с юношей, – пригодится и нам и вам.

Пришел юноша к старцу и стал просить благословения идти в Киев.

– Зачем тебе Киев, – сказал старец, слегка стукнув его по голове, – оставайся здесь.

Это было 1 марта 1861 года. После недолгого послушания на кухне он был назначен келейником к отцу Амвросию, переселился в его хибарку и – прожил здесь пятьдесят лет! Тридцать в келейниках, проходя при старце школу истинного монашества, и двадцать после его кончины, сам сделавшись старцем. В монашество он был пострижен в июне 1872 года. Будучи келейником, отец Иосиф находил время читать святоотеческие книги, но обязательно на "славянском наречии", то есть старых отцов, а новых богословов не любил. И постоянно совершал Иисусову молитву. И вот настало время, когда старец Амвросий в ответ на их вопрос стал говорить некоторым посетителям: "Спроси у отца Иосифа".

Ответы отца Иосифа были всегда тождественны мнениям старца – посетители постепенно убедились в этом, спрашивая сначала келейника, потом старца. Через некоторое время отец Амвросий строго запретил "испытывать" келейника. "Надо было видеть, – пишет биограф отца Иосифа, – какою радостью и любовью светилось лицо изможденного старца, ког-

Иоанно-Предтеченская церковь в скиту

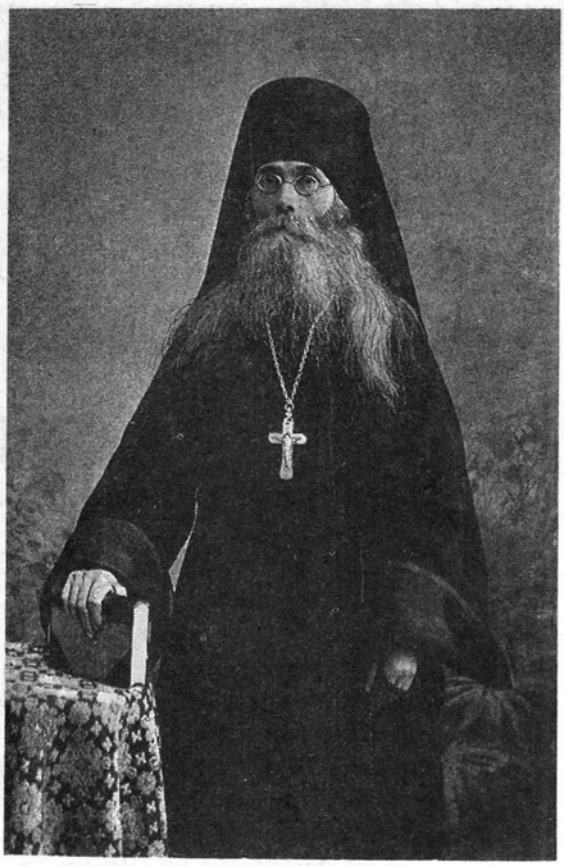
да кто-нибудь из духовных детей рассказывал ему про Иосифа, как он хорошо сказал, успокоил, какой он смиренный, добрый... Иной раз, во избежание преждевременной молвы, старец говорил: "Подожди, молчи пока об этом", а иной раз сам напоминал: "Помнишь, отец Иосиф-то ведь правду тебе сказал". Так для его любящего отеческого сердца это было утешением и отрадой – в этом он видел зарю нового светильника.

Телесно же отец Иосиф был почти столь же болезнен, как и старец Амвросий. "К отцу Иосифу все мои немощи перешли", – говорил старец. В 1888 году отец Иосиф так занемог, что над ним читали уже отходную, но по молитвам преподобного Амвросия смерть отошла от него. С этого времени он стал разделять труды преподобного по старчеству, начал исповедовать. "Теперь у нас новый духовник!" – радостно говорил отец Амвросий. К хибарке была сделана пристройка, где отец Иосиф стал самостоятельно принимать народ.

"Настало лето 1890 года, – пишет автор жития отца Иосифа. – В июне начались обычные сборы в Шамордино, но отцу Иосифу старец сказал: "Тебя я не возьму нынешний раз; тебе нужно здесь оставаться, ты здесь нужен". Это случилось в первый раз за всю тридцатилетнюю совместную жизнь, что отец Амвросий ехал без него. Мало того, батюшка отец Амвросий приказал отцу Иосифу перейти в его келлию". Отец Амвросий из Шамордина уже не вернулся...

Оптинские монахи, и даже сам настоятель, стали теперь исповедоваться у отца Иосифа. 8 октября 1891 года отец Иосиф поехал в Шамордино и исповедал умирающего старца, а наутро приобщил его Святых Христовых Таин. 10-го старец скончался. Теперь и шамординские сестры перешли под духовное окормление отца Иосифа. Игумения Евфросиния, слепая монахиня, во всем советовалась с ним, ничего не предпринимая без его совета. А после смерти отца Анатолия в 1894 году старец Иосиф стал и скитоначальником.

На сохранившихся фотографиях отца Иосифа – просветленное, доброе, слегка улыбающееся лицо – образ смиреннейшего, имеющего нерушимый мир душевный (редкий дар от Бога!) инока. Бывали случаи, когда вокруг его головы – это в то время, когда он был глубоко погружен в молитву, – видели необыкновенный свет. Дела старца Иосифа: случаи чудесного прозрения будущего, исцеления болящих, всевоз-

Схиархимандрит Варсонофий

можные благотворные и спасительные его советы – свидетельствуют о присущей старцу благодати Божией.

В 1909 году один мирянин приступил к отцу Иосифу с таким вопросом:

– В Москве, да и не в одной Москве, знамения стали являться на небе. Не к добру это, особенно как станешь вникать в глубину современной мирской жизни: ведь в этой глубине не чудятся ли уже те "глубины сатанинские", о которых прикровенно говорит Священное Писание?

– Плохо стали жить люди православные, – ответил старец, – плохо, что и говорить! Но знай, пока стоит престол Царя Самодержавного в России, пока жив Государь, до тех пор, значит, милость Господня не отъята от России и знамения эти, что ты или другие люди видят, еще угроза только, но не суд и конечный приговор.

– Батюшка! И царю, и самодержавию со всех сторон угрожают беды великие.

– Э, милый! И сердце царево, и престол его, и сама его драгоценная жизнь – все в руках Божиих. И может ли на эту русскую святыню посягнуть кто бы то ни было, кем бы он ни назывался, если только грехи наши не переполняют выше краев фиал гнева Божия? А что он пока еще не переполнен, я тебе по этому случаю вот что скажу. Позапрошлым летом был у меня один молодой человек и каялся в том, что ему у революционеров жребий выпал убить нашего Государя. "Все, – говорит, – у нас было для этого приготовлено, и мне доступ был открыт к самому Государю. Ночь одна оставалась до покушения. Всю ночь я не спал и волновался, а под утро едва забылся... И вижу: стоит Государь. Я бросаюсь к нему, чтобы поразить его... И вдруг передо мною, как молния с неба, предстал с огненным мечом сам Архангел Михаил. Я пал ниц перед ним в смертном страхе. Очнулся от ужаса и с первым отходящим поездом бежал вон из Петербурга и теперь скрываюсь от мести своих соумышленников. Меня они найдут, но лучше тысяча самых жестоких смертей, чем видение грозного Архистратига и вечное проклятие за Помазанника Божия!" Вот, друг, тебе мой сказ: пока Господь Своим Архистратигом и Небесным воинством Своим хранит Своего Помазанника, до тех пор нечего ни за мир, ни за Россию опасаться.

Старец Иосиф скончался 9 мая 1911 года и был похоронен на монастырском кладбище вблизи могил старцев Амвросия и Макария. И что же? Не стало в Оптиной великих духовных старцев? Нет, Господь заботился о ней. Еще задолго до кончины старца Иосифа, в последний год жизни преподобного Амвросия, появился в обители чудесно призванный сюда полковник Павел Плиханков, будущий старец схиархимандрит Варсонофий. Он служил в штабе Казанского военного округа, жил хотя и по-христиански и любил монашество, но не думал идти в монастырь. Его ожидал генеральский чин (и указ о производстве его в генералы вышел 26

декабря 1891 года, в день вступления его в оптинское братство). Однажды, когда было ему лет сорок пять, он тяжело занемог воспалением легких и, лежа почти уже при смерти, попросил своего денщика читать вслух Евангелие. И вдруг словно кто-то снял крышу дома – увидел он, глубоко потрясенный, разверзшиеся небеса, необыкновенный свет и, казалось ему, Самого Бога... Вся его жизнь мгновенно пронеслась перед ним, чувство глубокого покаяния овладело его душой. В ней как бы все перевернулось... Как сказал о нем старец Нектарий, "из блестящего военного в одну ночь по соизволению Божию он стал великим старцем". Вскоре он поехал в Оптину, где старец Амвросий сказал ему, чтобы он в два года закончил все мирские дела и приезжал бы сюда уже насовсем. Бывший полковник рассчитался с делами, встретив при этом множество препятствий, и прибыл в Оптину к Рождеству Христову 1891 года, через два с половиной месяца после кончины преподобного Амвросия. 26 марта 1893 года послушник Павел принял постриг в рясофор, а 13 декабря 1902 года – в мантию с именем Варсонофия в честь Казанского святителя и чудотворца.

Преемник отца Амвросия старец Анатолий назначил новому иноку послушание келейника при иеромонахе Нектарии, также великом старце оптинском. Все иноческие степени прошел возле него отец Варсонофий, а 1 января 1903 года был рукоположен во иеромонаха и назначен духовником скита и женской пустыни в Шамордине, а также богомольцев, приходящих в скит. В апреле 1904 года он был послан от Оптиной как военный священник на Дальний Восток и был там при фронтовом лазарете имени преподобного Серафима Саровского. Возвратился он осенью 1905 года, а 14 мая 1907-го был назначен скитоначальником с возведением в сан игумена. За ним же оставалось духовное окормление братии и богомольцев.

И. М. Концевич пишет: "Батюшка отец Варсонофий обладал даром прозорливости не менее других старцев. В нем этот дар как-то особенно открыто выражался. Во всем его облике есть что-то подобное великим пророкам или Апостолам". В скиту у домика, где жил старец, постоянно собирался народ, как и при жизни старца Амвросия. Старец Иосиф в это время был еще жив, но по своей крайней болезненности почти никого не принимал.

В это время, то есть в период с 1907 по 1912 год, в том самом доме возле стен Оптиной, где жил некогда Леонтьев, пребывал приглашенный старцами, среди них и отцом Варсонофием, сюда на житье Сергей Нилус, начало литературной деятельности которого благословлено было святым праведным иереем Иоанном Кронштадтским. Нилус со своей супругой ходил на исповедь к старцу Варсонофию, который исповедовал именно так, вместе, у них не было тайн друг от друга. Нилус, благодаря знакомству с богатейшим оптинским архивом, написал здесь едва ли не лучшие свои книги: "Святыня под спудом", "Сила Божия и немощь человеческая", "На берегу Божьей реки". Благодаря ему читатели приобщались к той святости, которая просияла в Оптиной пустыни. Нилус был несокрушимой веры человек, и Господь вразумил его, как ему направить свой писательский дар: "Назначение и цель христианского писателя, – говорит он, – быть служителем Слова, способствовать раскрытию в Нем заключенной единой истины в ее бесконечно разнообразных проявлениях в земной жизни христианина и тем вести христианскую душу по пути Православия от жизни временной в жизнь Вечную во Христе Иисусе, Господе нашем". Нилус – открыватель бесценных духовных кладов – ведь именно к нему попали рукописи "служки преподобного Серафима" Николая Мотовилова, главное – беседа с ним преподобного Серафима о цели христианской жизни. Нилус – открыватель для нас оптинского духа, рассказчик, летописец, всегда трогающий сердце, ободряющий, укрепляющий в вере, призывающий стоять в истине, предос-

терегающий, напоминающий о приходе антихриста и указывающий на дела, уготовляющие ему путь в нашем земном мире.

Евгений Поселянин (также много раз бывавший в Оптиной, много писавший об оптинских подвижниках, создавший едва ли не первое жизнеописание преподобного Амвросия) бывал в доме Нилусов и так описывает его: "Широко лился с лугового простора, со стороны Жиздры, свет в окна кабинета... Из окон открывался чисто русский пейзаж, который ничего не скажет, может быть, иностранцу, но хватает за сердце русского человека. Огород, спускающийся к Жиздре, забор, проезжая дорога, уютная в берегах своих светлоструйная река, луговой простор, а за ним деревня Стенино". В большой столовой этого дома ежедневно во множестве собирались самые разные люди – крестьяне-паломники, дворяне, разные барыни-богомолки, чиновники, и иногда весьма значительные, и кто-нибудь из братии монастырской. Любил бывать здесь инок-художник Даниил (Болотов). Изредка заходил старец Нектарий, любивший супругов Нилусов. Бывал игумен Марк и другие монахи. О них обо всех с великой теплотой и доброй памятливостью писал в своих книгах Сергей Нилус.

В 1910 году скончался Лев Толстой, отлученный от Церкви и не покаявшийся. Перед кончиной он был в Шамордине у своей сестры, монахини Марии.

И. М. Концевич в своей книге об Оптиной пустыни приводит рассказ игумена Иннокентия: "Спустя немного времени по отъезде графа из Шамордина в Оптиной была получена телеграмма со станции Астапово с просьбой немедленно прислать к больному графу старца Иосифа. По получении телеграммы был собран совет старшей братии монастыря: настоятель – архимандрит Ксенофонт; настоятель скита, он же старец и духовник всего братства монастыря – игумен Варсонофий; казначей – иеромонах Иннокентий; эконом – иеромонах Палладий; благочинный – иеромонах Феодот; ризничий – иеромонах Феодосий; уставщик – иеромонах Исаакий, впоследствии настоятель иеромонах Сергий; иеромонах Исаия – бывший келейник старца Амвросия; заведующий больницей монастырской – врач иеромонах Пантелеимон; письмоводитель – монах Эраст и другие. На этом совете было решено вместо старца Иосифа, который в это время по слабости сил не мог выходить из келлии, командировать старца игумена Варсонофия в сопровождении иеромонаха Пантелеимона. Но, как известно, окружением Толстого они не были допущены к больному, несмотря на все усилия с их стороны. Когда старца Варсонофия окружили корреспонденты газет и журналов и просили: "Ваше интервью, батюшка!" – старец им ответил: "Вот мое интервью, так и напишите: хотя он и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана".

В беседе с Нилусом отец Варсонофий сказал о Толстом: "Как грешил на весь свет, так и каяться перед ним должен". У старца была надежда, что Толстой отречется от своего лжеучения, он и поехал в Астапово, хотя эта поездка была весьма тяжела для него. "Отцу Варсонофию всегда было трудно рассказывать об этом, он очень волновался", – вспоминал его духовный сын отец Василий Шустин.

Отношение общества, основательно расцерковленного, к монастырям, а также и к старчеству в 1900-е годы стало хуже. Недоброжелатели высматривали всякие зацепки для очернительства. Такие люди приезжали в Оптину, в скит, и потом все, что видели, перетолковывали в дурную сторону. И это делали представители самых верхов общества – крупного чиновничества и аристократии. Они добились того, что на основании жалоб и слухов Святейший Синод назначил ревизию Оптинского скита и послал туда одного из епископов. Он, к сожалению, не стал разбираться в деталях, а учинил настоящий погром в Оптиной, подняв вопрос даже о закрытии скита и о прекра-

щении в Оптиной старческого окормления. Старчества упразднить не удалось, но отца Варсонофия решено был из скита удалить, что для него было тяжким лишением. Он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем в Старо-Голутвин Богоявленский монастырь Московской епархии, в четырех верстах от Коломны, при впадении реки Москвы в Оку. Здесь ему предстоял огромный труд по возрождению угасающей обители. Не судил ему Господь долго пробыть на этом месте – он стал хворать и 1 апреля 1913 года скончался.

Митрополит Трифон (Туркестанов) в прощальном слове в Старо-Голутвином монастыре 6 апреля сказал: "И поднялось против тебя целое море коварства, низкой злобы, клеветы и лжи – ты нес все терпеливо, безропотно, отдавая себя в волю Божию, – и в конце концов оторвали тебя от возлюбленного твоего скита, перевели в новое место. Недешевой ценой досталась тебе эта перемена. Надорвались силы, перегорели нервы, устало измученное сердце – и ты ушел от нас, ушел туда – к Богу. А мы... мы остались одни... Низкий тебе поклон за твоих духовных детей. Как пастырю, мне прекрасно известно, какое море скорбей, сомнений и греха окружает современное человечество, знаю я, что часто люди доходят до бездны отчаяния, до самоубийства, и потому-то знаю я, как драгоценны в наше именно время старцы-руководители, подобные почившему батюшке. В момент конечной гибели отчаявшемуся человечеству является такой старец и говорит: "Погоди, не бойся, не приходи в отчаяние, еще не все потеряно, дай мне руку, я выведу тебя на дорогу; обопрись на меня, я поведу тебя, [утишу] твои скорби, помогу снова начать жизнь" – таким старцем был батюшка – он жил скорбями своих детей и сгорел в скорбях". Гроб с телом старца был отправлен в Оптину пустынь, и там состоялись похороны.

В 1912 году в связи с гонениями на Оптину вынужден был покинуть свое оптинское пристанище и Сергей Нилус. Общество, которому досадно было само существование православного писателя, воспользовавшись случаем, возвело и на него клевету, причем осудить его было предложено старцу Варсонофию, от чего тот, естественно, отказался. Нилус уехал в Валдай, где жил до Оптиной. Многие насельники пустыни, дружившие с ним, среди них и скитские старцы Нектарий, Феодосий, Анатолий, сожалели об его отъезде. "Разгром", учиненный в Оптиной, явился как бы предупреждением о грядущих неизмеримо более жестоких бедствиях – до революции оставалось пять лет...

Отец Нектарий, которого Сергей Нилус называл полузатворником по строгости его жизни, заходил иногда в "леонтьевский" дом, когда Нилус жил там. В книге "На берегу Божьей реки", в части первой, так описывается его приход в марте 1909 года: "Заходил проведать давно не бывавший у нас друг наш отец Нектарий.

– Что давно не видать было вас, батюшка? – встретили мы таким вопросом этого полузатворника, известного всем оптинским монахам сосредоточенностью жизни.

– А я думаю, – ответил он с улыбкой, – что грешному Нектарию довольно было бы видеть вас и единожды в год, а я который уже раз в году у вас бываю!.. Монаху – три выхода: в храм, в келлию и в могилу: вот закон для монаха.

– А если дело апостольской проповеди потребует? – возразил я.

– Ну, – ответил он мне, – для этого ученые академисты существуют, а я – необразованный человек низкого звания.

А между тем этот "человек низкого звания" начитанностью своей поражал не одного меня, а многих, кому только удавалось приходить с ним в соприкосновение".

Старец Нектарий пришел в скит в 1876 году двадцатилетним юношей. Преподобный Амвросий с особенным вниманием отнесся к нему. Пройдя разные послушания, отец Нектарий

Иеромонах Нектарий (Тихонов)

стал скитским пономарем, и у него была келлия, выходящая дверью в церковь. Здесь прожил он двадцать пять лет, строго исполняя свое дело, но в почти полном безмолвии, избегая всяких разговоров с монахами. Ходил только к старцу Амвросию и к своему духовнику отцу Анатолию. Когда он уже был иеромонахом, к нему в 1891 году был назначен келейником только что прибывший в Оптину отец Варсонофий, который в течение десяти лет прошел при нем все монашеские ступени. В 1912 году, с уходом из скита отца Варсонофия, отец Нектарий был назначен старцем. Однажды ему удалось уклониться от старчества – по смирению, тогда вместо него был назначен ученик его отец Варсонофий. И на этот раз он попытался избежать столь высокого назначения. "Он так скоморошничал (юродствовал. – *В. А.*), – вспоминала его духовная дочь, – что его даже хотели сместить, но один высокой духовной жизни монах сказал: "Вы его оставьте, это он пророчествует". Теперь все сбывается, что он тогда пророчествовал. Елена Александровна Нилус рассказывала, что "принимал он в хибарке покойных своих старцев отцов Амвросия и Иосифа, где и стал жить сам. Но по глубокому своему смирению старцем себя не считал, а говорил, что посетители приходят собственно к батюшке отцу Амвросию в его келлию и пусть келлия его сама говорит с ним вместо него. Сам же отец Нектарий говорил мало и редко, и притом часто иносказательно, как бы полуюродствуя. Часто давал что-нибудь, а сам уходил, оставляя посетителя одного со своими мыслями. Но этот молчаливый прием в обвеянной благодатью келлии величайшего из оптинских старцев, где так живо ощущалось его личное присутствие как живого, эти немногие слова его смиренного заместителя, унаследовавшего с даром старчества и его дар прозорливости и любви к душе человеческой, это одинокое чтение и размышление оставляли в душе посетителя неизгладимое впечатление". Был отец Нектарий нетороплив в движениях, когда его ждали, медлил с выходом. В приемной у него лежала всегда какая-нибудь духовная книга, раскрытая. Ожидавший старца посетитель невольно заглядывал в эти открытые страницы и всегда находил там что-нибудь важное для себя, иногда и прямой ответ на тот вопрос, с которым он пришел сюда. Так старец пытался скрывать свою прозорливость.

Во время первой мировой войны в Оптиной было три старца: в самом монастыре старчествовал отец Анатолий (Потапов), а в скиту – отцы Нектарий и Феодосий. И. М. Концевич пишет о старце Анатолии: "Хотя он и вошел в историю оптинского старчества как один из самых известных и любимых старцев, однако биографических сведений о нем почти нет". И все же образ его в воспоминаниях о нем его духовных чад вырисовывается очень ясно. Многие заметили в нем сходство с преподобным Серафимом Саровским – отец Анатолий был так же немного согбен, так же пасхально радостен в отношениях с людьми; на нем была часто черная полумантия, подобная той, ка-

кую надевал Саровский чудотворец. Он принимал монахов для откровения помыслов, а мирян – со всеми их многообразными заботами. Маленький, быстрый, он обходил всех, благословляя каждого, коротко отвечая на вопросы, а иных приглашал для беседы в келлию.

Возле его келлии всегда можно было видеть крестьян, иногда с больными детьми ("Одна надежда на батюшку Анатолия – может, вымолит у Господа здравие неповинным"). "Беседы с ним буквально возрождали человека, – пишет князь Н. Д. Жевахов. – Иногда он собирал группу из нескольких человек (особенно несчастных, придавленных горем или страдающих запоем) и совершал елеосвящение (соборование). Принимал он людей иногда до поздней ночи. Многим дарил духовные книжки, и всегда к месту... Какое-то чудное, неотразимое влияние оказывает он этими своими духовными качествами на человека, прямо не хочется уходить из его келлии, отрываться от упоительного созерцания той духовной красоты, находясь под влиянием которой, мне кажется, можно из самого закоренелого грешника превратиться в хорошего чистого человека". Старец Анатолий скончался в июле 1922 года, на другой день после того, как большевики приказали ему собираться "к отъезду"... Похоронен он рядом с преподобным Амвросием, в спешке, так, что часть его могилы оказалась внутри склепа преподобного.

Старца Варсонофия, вынужденно покинувшего скит, заместил и как старца, и как скитоначальника отец Феодосий, бывший одновременно и учеником, и духовником его. Высокий, плотного сложения, добродушный, отец Феодосий смирялся перед старцем, как младенец, но в должности скитоначальника иногда был строг. На скитском кладбище была похоронена его мать, схимонахиня Анна, перед которой сам он в свое время трепетал. И вот когда он, будучи скитоначальником, сильно "пробирал" кого-нибудь из иноков, тот шел на могилу матушки Анны "просить заступничества". Отец

Иеромонах Анатолий (Потапов)

Феодосий во многом был умудрен, и к нему, как и к старцу Варсонофию, ходили интеллигентные люди, в частности молодые художники, которых он предостерегал от увлечения модернизмом. У него, однако, посетителей бывало немного.

В 1913 году посетил его некто В. П. Быков, бывший спирит, подробно описавший посещение скита. "Вошел старец Феодосий, – пишет Быков, – человек высокого роста с очень густыми, с большой проседью волосами, с небольшой бородкой и красивыми задумчивыми глазами... Передо мной был человек огромного духовного опыта и широкообразованный. Благословляя меня на работу популяризации христианско-нравственной этики, он преподал мне чрезвычайно много ценных советов... А когда я предложил ему целый ряд вопросов, касающихся переустроения моей личной жизни, то чувствовалось, что старец какими-то внут-

ренними импульсами проник в мое прошлое и оценил мое настоящее". Отец Феодосий, однако, направил бывшего спирита к старцу Нектарию, который и обратил его окончательно на путь истинный.

В это время жил в скиту молодой инок, будущий старец Никон, который был письмоводителем и одним из ближайших учеников старца Варсонофия, – здесь он прошел хорошую монашескую школу. Тревожное и тяжкое будущее ожидало его – он был рукоположен во иеромонаха 3 ноября 1917 года, а Оптина пустынь была закрыта новыми властями декретом от 10/23 января 1918 года (и потом существовала под видом сельскохозяйственной артели до 1923 года). В 1923 и до середины 1924 года в обители действовал лишь Казанский храм, и ключи от него находились у отца Никона, который по благословению последнего оптинского настоятеля архимандрита Исаакия (младшего) был духовником и старцем для богомольцев. В дальнейшем, с августа 1924 по 1927 год, он служил в Успенском соборе Козельска, а затем был арестован, четыре года провел в северных лагерях и оставлен был из-за туберкулеза легких на поселении в одной из деревень близ города Пинеги.

В ссылке старец проявил большое смирение, столкнувшись с житейскими трудностями и людской жестокостью. Хозяйка дома, где сначала жил он, злоупотребляя его смирением, стала помыкать им, уже серьезно больным. Он возил воду на санках из колодца, колол дрова, разгребал снег лопатой. И наконец, она вовсе выгнала его. Господь не оставил его умирать на улице – ссыльный оптинский иеродиакон отец Петр (Драчев, позднее схиигумен Павел) разыскал его и отвел в соседнюю деревню, где поместил у хорошей православной женщины, вдовы Александры Прялковой. Однако здесь отец Никон совсем слег и более не встал со своего одра. Духовная дочь его, шамординская монахиня Ирина (в схиме Серафима), жившая тогда в Москве, перед смертью старца увидела сон: будто на квартиру отца Никона в Козельске пришел старец Варсонофий и стал выносить вещи. "Зачем же вы кровать-то выносите? – спросила она. – Где батюшка будет спать?" Старец Варсонофий ответил на это: "Он собирается ко мне, и ему кровать не нужна, я ему там дам кровать". Она списалась с отцом Никоном и по его благословению выехала к нему. Оставшиеся несколько недель жизни старца она самоотверженно ухаживала за ним. Вот какой был чудесный случай за четыре дня до кончины отца Никона. Монахиня Ирина сидела у его постели, они беседовали, и вдруг он просиял, посмотрел на дверь и сказал как бы кому-то вошедшему (она же не видела никого): "Да, да, пройдите, пройдите... Вот какое посещение! Пришел отец Макарий меня исповедовать, а ты не даешь ему стула". Он строго посмотрел на монахиню и продолжал: "Батюшка, вы не обижайтесь на нее, она неопытная... Сестра Ирина, выйди в ту половину, пока я поисповедаюсь". Ирина вышла, и хотя и не прислушивалась, но до нее доносились слова беседы двух людей.

В 1923 году многие оптинские иноки и последний настоятель обители архимандрит Исаакий вынуждены были перебраться в Козельск и близлежащие деревни. В Козельске оптинцам чудесным образом нашлось место в Георгиевском храме, который таким образом стал как бы монастырем на то время. В 1929 году почти все они были арестованы. Архимандрит Исаакий был выпущен из тюрьмы и жил в Белеве, но власти не оставляли его в покое, фабрикуя одно дело за другим.

Старец Нектарий поселился в селе Холмищи, в сорока пяти верстах от Козельска, в местах необычайной красоты. Сюда с большими трудностями в любое время года пробирались к нему его духовные чада. Власти постоянно вымогали у него деньги, требуя уплаты "налога", непомерно большого. Почитатели привозили ему деньги, давая этим старцу возможность более или менее нормально жить. В апреле 1928 года

отец Нектарий, ослабевший и больной, вызвал из Москвы священника Сергия Мечева, который исповедал и причастил его. 29 апреля в ночь старец скончался. На другой день стали прибывать в Холмищи люди из Козельска, Смоленска, Калуги, Москвы. Среди них было много монахов и священников. 3 мая при огромном стечении народа (и под наблюдением ГПУ) состоялись похороны на сельском кладбище Холмищ.

В июле 1931 года в ссылке скончался иеромонах Никон. А в январе 1938 года в Туле по приговору "тройки" расстрелян был архимандрит Исаакий, последний настоятель старой Оптины. Обитель была разорена, ограблена, поругана... Снесены были на кладбище часовенки над могилами старцев... Люди, однако, продолжали ходить сюда, в это святое место, отмечали могилы крестом из кирпича на земле, приносили цветы. В скиту власти устраивали то дом отдыха, то музей, который был закрыт в 1928 году, – архив и библиотека вывезены были в Москву. В бывших келлиях поселились семейные миряне, обзавелись хозяйством, огородами... Не одна Оптина, а вся Православная Русь была попрана ногами безбожников – им же самим в осуждение и поругание. В какое страшное состояние – как после массированной бомбардировки – приведены были храмы монастыря! Однако в 1974 году власти взяли Оптину пустынь под "государственную охрану", сделали вид, что начали реставрацию ее, и снова открыли здесь музей.

Надо ли сожалеть, сетовать о всем происшедшем? Или лучше вспомнить, что все в мире делается по Промыслу Божию? Уместно, кажется, вспомнить здесь и некоторые пророчества святых оптинских старцев, которым Господь открывал будущее России. Например, накануне 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых. В конце 1912 года старец Варсонофий говорил своим духовным чадам: "До страшных времен доживем мы... Антихрист явно идет в мир. Но этого в мире не признают. Отсюда, из монастыря, виднее сети дьявола. А в последние времена храмы будут разрушены, а на их местах будут устроены идольские капища и прочее. Монастыри будут в великом гонении и притеснении. Ад разрушен, но не уничтожен, и придет время, когда он даст о себе знать. Все монастыри будут разрушены и имеющие власть христиане будут свергнуты. Это время не за горами. Попомните это мое слово. Вы доживете до этих времен". Старец Анатолий с великой печалью говорил в 1916 году: "Нет греха больше, как противление воле Помазанника Божия... Судьба Царя – судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия... Как человек с отрезанною головою уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим". Он же в феврале 1917 года: "Будет шторм, и русский корабль будет разбит. Но ведь и на щепках и обломках люди спасаются... Щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе и пойдет своим путем, Богом предназначенным". Старец Нектарий в том же, 1917 году: "Тяжкое время наступает теперь... Наступает век молчания... 1918 год будет еще тяжелее. Государь и вся семья будут убиты, замучены... Да, этот Государь будет великомученик". В 1920 году старец Нектарий высказал пророчество и о своей обители: "Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов". И вот весьма многозначительные слова старца Никона: "Противодействовать и бороться с людьми, причиняющими зло, не надо не только делом или словом, но даже в помыслах своих – иначе бесы будут побеждать. Тогда Господь поможет и бесы отступят".

* * *

Приближался великий для русского народа юбилей – Тысячелетие Крещения Руси. Изволением Господним в

Обретение мощей преподобного Амвросия Оптинского. 1988 год, сентябрь

ноябре 1987 года возвращена была Церкви Оптина пустынь, а через три года – и скит. 3 июня 1988 года был освящен в обители первый храм – в честь Владимирской иконы Божией Матери. На Поместном Соборе в честь Тысячелетия Крещения Руси 6–9 июня 1988 года был причислен к лику святых Божиих великий оптинский старец Амвросий. Все лето по благословению Святейшего Патриарха Пимена велась подготовка к обретению мощей новопрославленного святого.

И вот 15 октября летописец Оптиной записал: "23 часа. Сразу же после окончания всенощного бдения отец наместник с братией монастыря и богомольцами вышли из Введенского собора и с молебным пением подошли к могилке преподобного. Это было первое столь торжественное богослужение на месте погребения. С особой теплотой совершалась общая молитва, выражающая благодарность Богу за великую Его милость. Множество народа плотным кольцом окружало дорогую могилку. Те, кто стоял поближе, могли видеть полуразобранный склеп и в нем святые останки преподобного Амвросия, части гроба и одежды. Для выполнения окончательных работ по расчистке мощей и поднятия их из могилы были определены четыре священноинока". 16-го, в день памяти священномученика Дионисия Ареопагита, святые мощи были подняты. Это был великий день. Оптина возродилась, и в какой славе! "Мощи были переложены в раку, – свидетельствует летописец, – и крестным ходом обнесены вдоль стен внутри монастыря. Затем раку с мощами поставили на солее, слева от царских врат. Продолжилось молебное пение с чтением канона и акафиста угоднику Божию, а затем началась Божественная литургия".

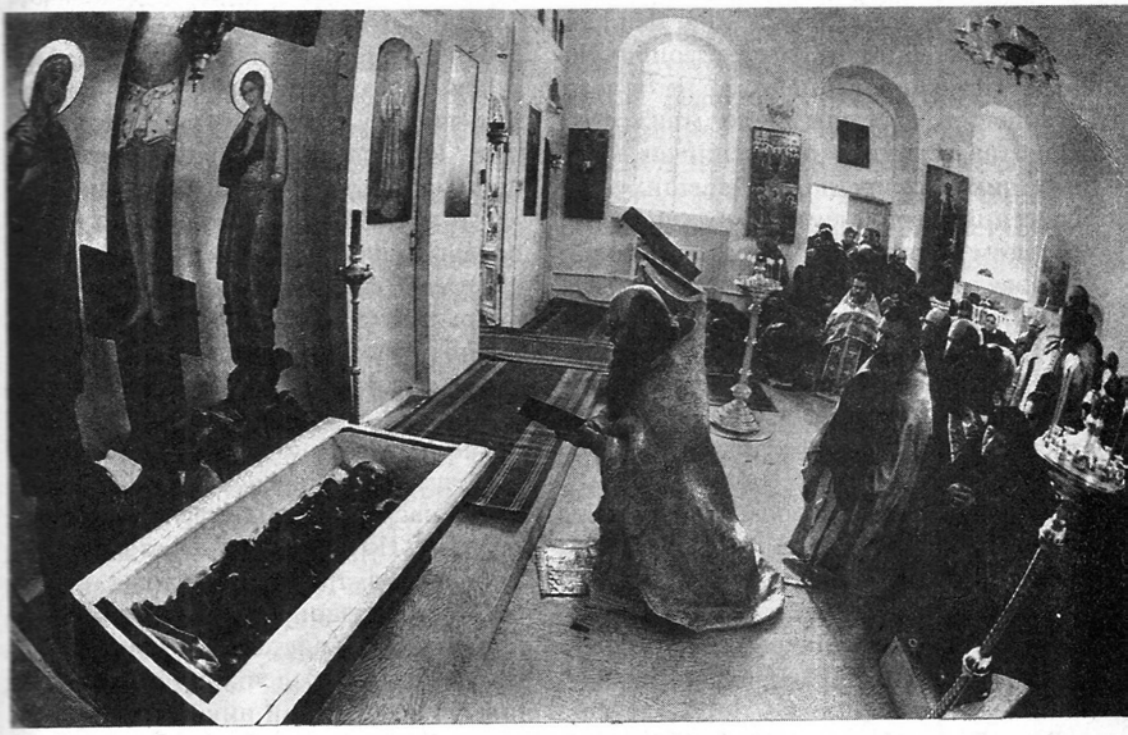
23 октября впервые был отмечен в Оптиной день преставления преподобного Амвросия. И вот первое чудо, совершившееся по молитвам святого: 17 ноября 1988 года появилось благодатное миро на иконе старца, написан-

ной ко дню его прославления (иконописец – Николай Чернышев), и в тот же день – миро на Казанской иконе Божией Матери! "Щепки и обломки" волею Божией снова соединились в корабль...

16 июля 1989 года состоялось перенесение мощей старца Нектария, оказавшихся нетленными, из села Холмищи в Оптину пустынь – они были положены в амвросиевском приделе Введенского собора. 1 февраля 1990 года, в день памяти великого пустынножителя преподобного Макария Египетского, возвращен был Оптиной и скит. 18 марта митрополитом Ростовским и Новочеркасским Владимиром освящен был скитский храм собора святого Иоанна Предтечи. 27 мая восстановлена была созданная преподобным Амвросием шамординская Казанская пустынь и освящен храм во имя иконы Божией Матери "Утоли моя печали".

В прошлом заштатный монастырь, Оптина пустынь стала ставропигиальной – Священноархимандритом ее является сам Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, который благословил обитель Казанской иконой Божией Матери, некогда изъятой у оптинцев. Начала умножаться братия, развернулись восстановительные работы, возродилось паломничество – множество мирян во славу Божию трудились на разных послушаниях, содействуя благоустройству монастыря. И вот он уже приобрел почти первозданное благолепие, жизнь его стала полнокровной, преисполненной подлинной молитвенности. Вскоре были открыты оптинские подворья в Москве и Петербурге. В продолжение великой традиции возобновилось дело издания душеполезных книг. Вновь собирается монастырская библиотека, насчитывавшая в конце прошлого столетия более тридцати тысяч томов.

Оптинские иноки хорошо знают, всей душой чувствуют, какая на них лежит ответственность перед Богом и перед народом своим – ведь они стали наследниками великих оптинских иноческих традиций, не прерывавшихся ни на день. Если был разрушен видимый, материальный образ монастыря, то духовный его образ в течение этих

Молебен перед святыми мощами преподобного Амвросия Оптинского. 1988 год, сентябрь

Введенская Оптина пустынь. День памяти преподобного Амвросия Оптинского

шестидесяти с лишним лет укреплялся. Россия без Оптиной? Как это может быть?! Оптинские иноки – наследники великих старцев от отца Леонида до отца Исаакия-младшего. И не только старцев: в пустыни было множество монахов, великих молитвенников, молчальников, смиренно созидавших дело спасения своего, немногим уступавших старцам в стяжании благодати Божией. Назову лишь некоторых: иеросхимонах Иоанн (Малиновский, † 1849), монахи отец Порфирий (Григоров, † 1851), отец Климент (Зедергольм, † 1878, о нем написал книгу К. Леонтьев), схиигумен Феодосий (Попов, † 1903, есть книга С. Нилуса о нем), ставший архиепископом Виленским, отец Ювеналий (Половцев, † 1904), архимандрит Леонид (Кавелин, † 1891, ставший наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры), схиигумен Марк (Чебякин, † 1908), схиархимандрит Ксенофонт (Клокин, † 1914), иеромонах Даниил (Болотов, † 1907), схиархимандрит Агапит (Беловидов, † 1922), монах Кирилл (Зленко, † 1932), игумен Иоанн (Соколов, † 1958), схиархимандрит Севастиан (Фомин, † 1966), схиархимандрит Амвросий (Иванов, † 1978)... Сколько молитвенников оптинских у Престола Божия! И вот пришло время явиться и новым святым в Оптиной пустыни.

В мае 1992 года всю братию взволновало мироточение нескольких икон в храмах обители. Весть об этом распространилась и среди мирян. Многие думали, что это предвещает какие-то большие события... И вот настал день Святой Пасхи 1993 года. В Оптиной после полунощницы и крестного хода в Иоанно-Предтеченский скит началась пасхальная заутреня и затем литургия. По окончании службы иноки собрались в трапезной, чтобы разговеться... Праздников Праздник! Великая радость Христова Воскресения! В это время посрамленный, бессильный диавол, не могущий никакого духовного вреда причинить Церкви и монахам, бродил по обители, невидимо сопро-

вождая одного из своих земных служителей, бывшего солдата-афганца, вооруженного спрятанным под полой мечом, на котором выбиты слово "сатана" и число "666"... Двое иноков звонили в колокола, возвещая всем пасхальную радость... Убийца бросился к ним. Пронзенные мечом в спину монахи один за другим упали на помост. Звон прекратился. Через несколько мгновений убийца поразил насмерть еще одного инока, который направлялся в скит, потом, бросив шинель и меч, перебрался через стену и скрылся в лесу. В монастыре поднялась тревога...

Три светлые души, три огненных столпа, окруженные сонмом ликующих Ангелов, ринулись в небо...

В послании наместнику Оптиной пустыни архимандриту Венедикту Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II писал об убитых мучениках: "Молюсь об упокоении их душ. Верю, что Господь, призвавший их в первый день Святого Христова Воскресения через мученическую кончину, сделает их участниками Вечной Пасхи в невечерние дни Царствия Своего". Первый наместник (с 1988 года) обновленной Оптиной, ныне епископ Владимирский и Суздальский, Евлогий сказал: "Человек, который нанес смертельные раны нашим монахам, был под властью темных сил сатаны, но неверно думать, будто он нанес раны Оптиной пустыни – он нанес их себе. И мы преисполняемся с вами силой веры, что царствуют в мире Бог, Свет, Истина".

О значении этого события епископ Американской Православной Церкви Василий (Родзянко) сказал следующее: "То, что совершилось в Оптиной пустыни, при всей трагичности, при всей горестности для нас, земных людей, для друзей погибших, есть величайшая, какая может быть, победа, которая имеет значение для всей Русской Церкви, для всего русского народа и даже для всего мира. Такого рода мученичество не нуждается в официальной канонизации. Святость уже является фактом. Нам уже открыто, что Оптина пустынь – эта святыня России – имеет плоды всего того, что она делала в течение девятнадцатого века и теперь, возродившись. Плоды ее – это величайшие молитвенники не только за Введенскую обитель и ее братию, не только за всех, кто так или иначе к этому причастен. Нет – за весь русский народ, за всю Россию, за все человечество. Иеромонах Василий, иноки Трофим и Ферапонт – три величайших мученика, дерзаю это сказать... Отец Василий, когда его однажды спросили, чего бы он хотел больше всего на свете, сказал: "Умереть на Пасху под звон колоколов". Вот каковы пути Господни! Оптина Пустынь становится тем, чем она была, и больше, чем она была... Имеющий уши слышать да слышит".

Светлое, осиянное радостью место эти три могилы убиенных мучеников. Об этом свете говорил один из них, иеромонах Василий, в проповеди: "Свидетели, которые некогда посещали римские катакомбы, где были гробы первых мучеников за Христа, говорили о том, что, входя в священные пещеры, они вдруг радовались неизреченной великой радостью. Непонятно, откуда происходила она. Она, словно ветер, налетала на них, сбрасывала печали и скорби, горести их, как ветер сметает опавшие осенние листья. И они стояли и только радовались и веселились. И ничего, кроме голоса: "Христос воскресе из мертвых!", не было в их сердце".

Оптинские иноки говорят, что уже были случаи чудесного исцеления на могиле отца Василия. А предварительное обследование склепов, произведенное в том же, 1993 году, дает надежду на скорое обретение нетленных мощей великих старцев – отцов Леонида, Макария, Моисея.

Не оскудевает Житница Жизни!

Виктор АФАНАСЬЕВ

Православное пастырство и общественная деятельность

После того как выяснены и установлены нами отношения христианства как богооткровенного вероучения к политике человеческой, естественным, логически следующим, является вопрос об отношении пастырства православного к явлениям общественной жизни. Может ли это пастырство, не теряя своего достоинства и не изменяя своему служению, участвовать в политической и общественной жизни? Имеет ли оно право обсуждать вопросы этой жизни? Примыкать к тем или другим партиям? Должно ли оно стремиться к тому, чтобы влиять с его точки зрения на жизнь общественную, и так далее?

Все эти вопросы у нас на Руси сравнительно новы; их давность не превышает четырех десятков лет. Впервые они у нас появились, робко и прикровенно, в эпоху возникновения освободительного крестьянского движения, особенно развились в семидесятых годах, но, не вылившись ни в какое определенное русло и не дождавшись более или менее удовлетворительного разъяснения, в 80-х годах снова скрылись, как-то затерялись, и только в наши дни начали снова настойчиво заявлять о себе, о неотложности их того или иного разрешения, требуя от нас их пересмотра и выяснения... Но такая сравнительная новизна этих вопросов еще нисколько не говорит о новизне самого факта. Факт отношения пастырства к общественной жизни стародавен у нас: он современен самому появлению христианства на Руси. Только со времени реформы Петра Великого духовенство стало в стороне от жизни, и как результат этого – сравнительная новость для нас вопроса о том, что само по себе уже старо.

Ввиду этой новости вопрос об отношении пастырства к общественной жизни у нас очень запутан и затемнен, не столько, впрочем, в литературе о нем, которой у нас почти нет, сколько в наших повседневных рассуждениях и понятиях о нем. Нередко бывает, что люди, говорящие об одном и том же и отстаивающие в сущности одно и то же по этому вопросу, и другим кажутся, и сами себя считают принципиальными противниками, и так в силу только спутанности понятий, неразборчивости в выражениях и невыясненности для их сознания самого этого вопроса. В наши дни такое положение этого вопроса более терпимым не может оставаться; оно требует серьезного к себе внимания и всестороннего выяснения. Иначе и для Отечества нашего, и для Церкви нашей может проистечь немалый вред.

Едва ли кто будет спорить против утверждения, что то или иное отношение пастырства устанавливается в зависимости от того или иного воззрения на служение пастыря, от предносящегося в сознании идеала священника. Этот же, в свою очередь, определяется взглядом на само христианство. К нашим дням таких идеалов, собственно, определилось и выяснилось три.

Для одних из нас все христианство сводится к внешней, видимой, обрядовой стороне, к богослужению и к различным его проявлениям. Христос для таких верующих перестает быть живым идеалом: Он в их сознании представляется мертвым образом (иконой), которому надлежит лишь поклоняться. Христианство сводится к храмовому молению. И священник ценится главным образом как совершитель богослужения. От него требуют набожности, истовости, исправности в от-

правлении всех богослужений. Священник для таких христиан есть по преимуществу храмовой служитель и набожный требоотправитель. Таков идеал священника всех наших старообрядцев и доброй половины наших православных простецов.

В понимании других, наоборот, все христианство сводится к личной вере. Оно в их сознании уж не довольствуется богослужением, а хочет руководить личною жизнию человека; оно выходит из храма и поселяется в душах человеческих. Его удел, по выражению Владимира Соловьева, – внутренняя индивидуальная жизнь. Здесь Христос является как высший нравственный идеал, религия сосредоточивается в личной нравственности и все дело полагается в спасение отдельной души человеческой. Это христианство – как личное спасение индивидуумов, христианство монашеское. Отсюда и идеал пастыря понимается как воплощение личной святости, высокой, нравственно чистой и светлой жизни его. Священник здесь – пример, образец для пасомых личной жизни во Христе, светильник веры народной. Такой идеал священника встречаем у значительной части нашей интеллигенции и той части народа, которая тяготеет к сектантству.

Само собой понятно, что эти оба идеала пастыря исключают всякую мысль об общественной его деятельности. Но всякому же и ясно, что оба они односторонни, не полны и далеко не удовлетворяют сознанию целостного христианина. Христианство – не внешнее только храмовое; оно не личная только, хотя и деятельная, вера; оно есть всецелая полная жизнь во Христе и со Христом. А так как никакая жизнь не может протекать отдельно, независимо от других и безотносительно к жизни других людей, то христианство есть жизнь всеобщая, всечеловеческая, с целями сделать ее богочеловеческой. Поэтому-то, между прочим, христианин и не может обойтись без Церкви, жить вне Тела Христова; нужда в Церкви является психологически и логически для каждого христианина неизбежной и совершенно естественной потребностью.

Церковь – это объединенное всечеловеческое во Христе братство и в то же время Тело Христово. Поэтому в нем нет ни эллинов, ни варваров, то есть национальных различий, ни рабов, ни свободных, то есть различия по сословиям и состояниям. В нем буиих (безумных. – *Ред.*) мира избирает Бог, чтобы премудрых посрамить; в нем бедного, ничтожного Лазаря Бог предпочитает знатному богачу. В нем нет и однобокой правды; правда в нем одна и та же для всех людей во всех их положениях, званиях, должностях и служениях: что недозволительно для простеца, то прямо-таки беззаконно для знатного и властного; что запрещается смиренному и нищему, то должно строго караться у сильных и богатых... Как всецелое Тело Христово, Церковь проникает во все, так сказать, уды, части христианского человечества, не оставляя без освещения, надзора и освящения ни одного потаенного, даже самого укромного, уголка в нем. Ничто не может появиться в обществе, именующем себя христианским, что бы не освящалось Церковию и тем более что бы в ней не одобрялось и не благословлялось. Ни один закон, ни одно распоряжение правительства в нем не могут быть не только в противоречии, но даже и в малом несогласии с истиной Христовой в ее вселенском понимании и содержании. Ни один правитель не может действовать не только вопреки, но даже и без обращения внимания на пользу евангельской истине. Дело, конечно, правителей и правительства так или иначе относиться к требованиям к ним от имени истины евангельской, но также долг, священная обязанность служителей этой истины – пастырей и архипастырей Церкви смело, мужественно и громко произносить свой суд над поступками таких правителей народных, выяснять их распоряжения и поступки пред сознанием народным, дабы не соблазнить, а тем паче не погубить единого от чад Церкви.

А если так, если христианство как проповедь о Царстве Божием и здесь, на земле, все собою обнимает, во все проникает и все к себе призывает, то и служите-

ли его – пастыри обязаны всюду защищать, всюду вносить полный, целостный свет Христов, одно из явлений общественной и государственной жизни благословляя, другое отклоняя, а иное и совершенно запрещая, равно смотря и одинаковой меркой измеряя поступки всех, пред истиной равных и смиренных, а голосу Церкви послушных чад ее.

При таком понимании христианства не может быть даже и вопроса об общественной деятельности пастырей Церкви. Как служитель Церкви, он слуга общества христианского повсюду и во всем, поскольку это касается интересов этого общества как христианского и может так или иначе отражаться на жизни его и, следовательно, на деле Царства Божия на земле. На всем, появляющемся от правительства и от общества в жизнь и для жизни, должна лежать как бы печать христианского одобрения от Церкви, и все идти должно со знамением и под знаменем евангельской истины.

Такой взгляд на общественное служение пастырей имеет в основе своей учение Самого Спасителя, высказанное Им в названии Своих учеников Апостолов солью земли, светом миру.

Вы – соль земли (Мф. 5,13), – говорил Он Апостолам. Соль же имеет то особенное свойство, что она всюду требуется, во всякой пище, и без нее никакое пищевое вещество не содержит надлежащего вкуса. Значит, и Апостолы, а в лице их и все пастыри, как соль, должны своим пастырским служением во все проникать, до всего доходить, и без них, без их пастырского воздействия, не должно проходить и появляться никакое общественное человеческое дело и распоряжение. Все, что не осолено их пастырским словом, то не может иметь и надлежащего христианского вкуса, значения, смысла.

Вы – свет мира (Мф. 5,14). А свет всему светит, все освещает, не оставляя нигде и никакого темного уголка. Апостолы же и, следовательно, пастыри – это свеча, поставленная на подсвечнике, чтобы ей светить всему и всем в доме. Значит, опять никакое явление человеческой деятельности не может быть оставлено без пастырского освещения и освящения.

Эти два уподобления Спасителя весьма характерны. В них кратко, но сильно и выразительно намечена всеобъемлющая, всепроникающая и освещающая деятельность пастырей.

Но в словах Спасителя пытаются найти и протест против такого понимания деятельности пастырей: запрещение их общественному служению. Это – в известном Его ответе одному из народа, просившему Учителя сказать брату его, чтобы тот разделил с ним наследство. *Кто поставил Меня судить или делить вас?* – ответил ему Христос (Лк. 12, 13–14). Ввиду большой, так сказать, решающей в данном вопросе важности этих слов Христа они требуют и подробного всестороннего уяснения и рассмотрения.

При каких обстоятельствах и по какому поводу высказал эти слова Спаситель?

Как повествует евангелист Лука, Спаситель держал речь к народу, собравшемуся в тысячах к Нему, и к ученикам. Он наставлял их беречься закваски фарисейской, которая есть лицемерие, не бояться убивающих тело и указывал, что постигнет того, кто будет отвергаться Его пред человеками. Вся эта речь была, как она изложена у евангелиста Луки, сказана Спасителем твердо, положительно, со властию. Читая ее, убеждаешься, что ее говорил не обыкновенный простой человек. Разумеется, неотразимо сильное впечатление и, между прочим, с этой стороны речь Спасителя произвела на слушателей Его. У них невольно ею поддерживалась и крепла мысль о Нем как о необычном, о высшем пророке-человеке. А тут Спаситель заканчивает ее еще таким в высшей степени знаменательным для еврея наставлением ученикам: *Когда приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить: ибо Святый Дух*

научит вас в тот час, что должно говорить (Лк. 15, 11–12).

Боязливому и покорному еврею Спаситель вдруг говорит, чтобы он не боялся предстать в случае нужды и пред властями, ибо Дух Святой научит его!! Кто это может сказать? Да, невольно заключали слушатели Спасителя, говорящий это – великий человек: он все может и все знает; он все рассудит, всему научит. К нему и нужно обратиться за всякими смущающими ум и душу разъяснениями.

Вот и обращается к нему и этот некто. У него забота – раздел с братом. Заметно, дело это его сильно занимало, и он не мог забыть его во время и речи Спасителя. Наоборот, по мере того как Спаситель говорил, у человека этого все более и более росла уверенность в том, что этот учитель лучше и вернее, чем кто-либо, и сможет его разделить с братом, что Он и есть тот настоящий и истинный судия-мессия, которого ожидали его соотечественники как земного их избавителя. Полный таких мыслей о Христе, он и обращается к Нему с известной просьбой.

Как оставалось поступить Христу? Удовлетворить просьбу этого просителя? Но тогда Он подтвердил бы его взгляд на Себя как на земного владыку, чего на самом деле не было. Вот Он и отвечает, что Его делить и судить никто не поставлял, то есть что цель Его учительства, как и вообще пришествия на землю, иная, чем какую хочет придать Ему вопрошающий. Он не земной Владыка, а небесный, а земной лишь Спаситель. Это – во-первых. Далее – не мог удовлетворить Спаситель просьбы этой и по другим побуждениям. Давно уж священники и книжники иудейские Его не возлюбили и искали всевозможные поводы, чтобы в чем-либо Его обвинить. Конечно, Спаситель не боялся их; но так как цель земной Его жизни была еще не достигнута, то Он и не мог пока не уклоняться от всего, что могло помешать Его делу учительства на земле. Если же Он взялся бы за разрешение тяжбы между братьями, то Он выдал бы Себя за судью в земных человеческих взаимоотношениях, тем самым подтверждая в одних из иудеев мысль о Себе как о земном Владыке, другим – книжникам и фарисеям дал бы оружие против Себя.

Наконец, разрешив человеческий спор одних братьев, Спаситель не мог бы уклониться от подобных же дел по просьбам других, и тогда Ему пришлось бы слишком немало времени и внимания уделять мелочам, которые делаются ясными при установлении известных основных принципов. Христос и в данном случае, отказавшись от вмешательства в тяжбу об имении, однако, сейчас же по этому же поводу и по этому же делу устанавливает принцип, освещающий все это и ему подобные дела.

При этом сказал [Христос] *им* [слушателям]: *смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения* (Лк. 12,15). И сказал далее им притчу о любостяжательном богаче.

Итак, Христос отказывается от суда о самом факте, между прочим, потому, чтобы не вооружить против Себя еще более врагов Своих и не укрепить у слушателей неправильного мнения о Себе как земном мессии. Но Он устанавливает и выясняет принцип, при котором одном только и возможен тот или иной земной суд: принцип нелюбостяжательности, принцип истинного взгляда на земные богатства и их смысл и значение в жизни людей. Значит, хотя Христос и отказывается от суда о самом явлении, но не отказывается, а, наоборот, внимательно обсуждает причины происхождения этого факта и средства к искоренению его и ему подобных дурных явлений в жизни людской, частной и общественной.

Отсюда ясно, может ли данное место из Евангелия Луки идти в опровержение мысли-положения об общественном служении пастырей Церкви, о их деятельности в мире и для мира, для людей и для людской этой земной жизни с ее многоразличными отношениями. Не наоборот ли? Последующие слова и притча Христа не научают ли пастырей, что в жизни все ими должно освещаться, выясняться, ничто не должно оставляться без их внимания и того или иного обсуждения и решения?! Пастырь – не судья гражданский; но он и в гражданских делах

непременный христианизирующий жизнь деятель-руководитель и просветитель, как и Христос, от самого акта гражданского судии отказавшийся, но принципы и руководящие вехи для этого акта установивший.

Итак, не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего (Лк. 12, 29–30).

Продавайте имения ваши и давайте милостыню (Лк. 12,33).

Если вдуматься как следует в эти слова, то нельзя не увидеть в них и прямой ответ просившему о дележе.

"Не заботьтесь об имениях, как бы так говорит Христос; знайте, что все Божие и от Бога. А поэтому зачем заботиться о том, что брат твой тебе не додал части твоей. Ты и доставшееся-то тебе должен продать и раздать нищим". Вот суд и раздел Спасителя; вот Его взгляд на богатство; вот Его отношение к фактам общественной жизни, обусловливаемым различными владениями и богатствами. Здесь и поучение, и пример и для пастырей Церкви, как им относиться к фактам общественной жизни и какое положение занимать в суде над ними: не удаляться от них пастырям, а действовать на них, приводя все ко Христу и к жизни во свете и в духе Его евангельского учения.

Не допускающие общественного служения для пастырей обычно ссылаются на правила Святых Соборов, будто бы запретившие всякое вмешательство пастырей в дела мирские.

Правила эти следующие:

Апостольское правило 6-е. "Епископ, или пресвитер, или диакон да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священнаго сана".

Апостольское правило 81-е: "Рекли мы, яко не подобает епископу, или пресвитеру вдаватися в народныя управления, но неупустительно быти при делах церковных. Или убо да будет убежден сего не творити, или да будет извержен. Ибо никто же может двум господам работати, по Господней заповеди".

Апостольское правило 83-е: "Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, то есть римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священническаго чина. Ибо кесарево кесареви, и Божия Богови".

3-е правило IV Вселенского Собора: "Дошло до Святого Собора, что некоторые из принадлежащих к клиру, ради гнуснаго прибытка, берут на откуп чужия имения и устрояют мирския дела, о Божьем служении небрегут, а по домам мирских людей скитаются и поручения по имениям приемлют, из сребролюбия. Посему определил Святый и Великий Собор, чтобы впредь никто, ни епископ, ни клирик, ни монашествующий не брал на откуп имений, и в распоряжение мирскими делами не вступал: разве токмо по законам позван будет к неизбежному попечительству над малолетними, или епископ града поручит кому иметь попечение о церковных делах, или о сиротах и вдовах безпомощных, и о лицах, которым особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божия. Аще же кто впредь дерзнет преступити сие определение: таковый да будет подвергнут церковному наказанию".

10-е правило VII Вселенского Собора: "... аще кто (из клира) обрящается, занимающий мирскую должность у вельмож (при церквах которых они служат), или да оставит оную, или да будет извержен. Лучше же да идет учити отроков и домочадцев, читая им Божественное Писание: ибо для сего и священство получил".

19-е правило Карфагенского Собора. "Разсуждено, да не бывают епископы и пресвитеры, и диаконы откупателями ради корысти, или управителями, и не приобретают пропитания занятием безчестным или презрительным. Ибо долженствуют взирати на написанное: никто воинствуя Богу не обязуется куплями житейскими..."

Вот и все, что в правилах Святых Соборов находят как основание для запре-

щения, недозволительности для пастырей Церкви заниматься общественными делами. Но если поискреннее и беспристрастнее вчитаться в текст этих правил, то в них увидим не только не запрещение, но как раз обратное – благословение общественного служения пастырей; а если в них и содержится запрещение, то не общественного служения, а совершенно другого, с ним ничего и сродного не имеющего.

На самом деле, что пастырям запрещается этими правилами? Да исключительно отправление мирских должностей, притом в целях: "ради гнуснаго прибытка", "ради корысти" "устрояют мирския дела, о Божьем же служении не брегут". В частности, запрещается: 1) брать на себя мирские попечения "для приобретения постыдной прибыли себе", как поясняет толковник Аристин; 2) вдаваться в народные управления, то есть брать на себя какие-либо мирские должности; 3) заниматься военным делом; 4) брать на откуп чужие имения; 5) принимать поручения по имениям мирских людей; 6) занимать мирские должности у вельмож и 7) быть у них управителями.

Кажется, ясно, что все, здесь запрещаемое, к общественному служению пастырей – служению ради устроения Царствия Божия в сердцах и жизни людей – никакого отношения не имеет; наоборот, все эти мирские обязанности, которые в древности пастыри иногда брали на себя, могли только отвлекать и, конечно, отвлекали пастырей от общественного их служения правде Божией и Царствию Его. "Ибо никто, – как совершенно справедливо говорит 81-е апостольское правило, – может двум господам работати по Господней заповеди". И по 19-му правилу Карфагенского Собора, "никто, воинствуя Богу, не обязуется куплями житейскими". Все эти запрещения лишь расчищают почву, удаляя с нее опасные паутины-терния, для того чтобы пастырям смелее и целостнее отдаваться служению общественному ради Божиего дела. Поэтому-то здесь же, в этих же правилах, хотя и немногое, но очень важное намечается из ряда общественных служений, что для Соборов желательно было видеть от пастырей церковных.

Уже эти правила разрешают пастырям: 1) попечительство над малолетними; 2) попечение о сиротах; 3) о вдовах беспомощных; 4) вообще о лицах, которым особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божия; 5) обучение отроков и домочадцев и чтение им Божественного Писания. Несколько подробнее и положительнее об этом говорится в 7–9-м правилах Сардикийского Собора.

В 7-м правиле, между прочим, читаем:

"Осия епископ рек: безвременныя, весьма частыя и несправедливыя прошения наши сделали то, что мы не имеет толикия благодати и дерзновения, каковыя имети долженствуем. Ибо многие из епископов не престают приходити в воинский стан, а наипаче Африканские, которые полезных советов не приемлют, но презирают так, что един человек приносит в воинский стан прошения множайшия и различныя, не могущие быти на пользу церквам, пособствует и покровительствует не бедным и простолюдинам, или вдовицам, как было бо должно и прилично, но мирских достоинств и должностей ищет для некоторых... Приличнейшим же почитаю, чтобы епископ помощь свою подавал тому, кто от кого-либо лишается принадлежащего ему, есть ли притом и по сим предметам прошение будет справедливое. Аще убо, возлюбленныя братия, угодно сие всем: то утвердите, яко ни един епископ не должен приходити в воинский стан, кроме тех, которых богочестивейший наш Царь призовет своим писанием. Но поелику многократно случается, что некоторые за преступления свои, на заточение или на остров осужденные, или иному какому-либо осуждению подверженные, прибегают к Церкви, требуя милосердия: таковым не надлежит отказывати в помощи, но немедленно и без всякаго сомнения просити для них снисхождения. Аще и сие угодно, преподайте на сие согласие все: да будет постановлено и сие".

Для лучшего уяснения и растолкования этого правила нельзя не привести

слов толковника его – Зонары. Вот что он пишет:

"Некоторые из епископов, особенно африканские, беспрестанно приходили к императорам со своими просьбами и требованиями, может быть и несправедливыми. Итак, исправляя это, Собор сей говорит, что наши безвременные просьбы, то есть то, что мы приходим к царям неблаговременно, а беспрестанно, и несправедливые прошения сделали то, что мы не имеем толикия благодати, то есть что мы не пользуемся таким благорасположением и не считаемся достойными почтения и не можем иметь дерзновения, сколько должны. Ибо многие из епископов не престают приходить в воинский стан (а о воинском стане упомянуто потому, что императоры по большей части занимались военным делом); каковые епископы не приемлют полезных советов, но так пренебрегают соборными увещаниями, что один человек (то есть епископ) приносит в воинский стан прошения многие и различные, то есть разнообразные, которые не могут быть в пользу церквам, и бывает не так, как долг повелевает делать епископам и как прилично. Что же это значит? То, что они не способствуют и не защищают, не покровительствуют и не помогают бедным и вдовам или простолюдинам, но ищут мирских достоинств и таковых же должностей и просят о сем... А я думаю, [Собор] говорит, что епископу наиболее прилично помогать тому, кто терпит от кого-либо насилие, и вдовам, претерпевающим обиду, и сиротам, которых лишает кто-нибудь принадлежащего им... А, поелику многие прибегают к Церкви, требуя милосердия и быв осуждены за преступления на заточение, или в ссылку на остров, или подверглись осуждению на другое наказание, таковым, говорит, епископы не должны не помогать, но без отлагательства, то есть немедленно и без сомнения просить для них снисхождения..."

В этом правиле, во-первых, намечается новый вид деятельности для пастырей – это ходатайство за осужденных на разные, даже очень большие, наказания преступников; во-вторых, пастырям рекомендуется не только помогать вдовам и сиротам, но и оказывать им свое заступничество, когда от кого-либо, разумеется из власть имеющих, они лишаются принадлежащего им; в-третьих, открывается, что ходатайства и печалования пастырей в то время были весьма частыми, как бы обычными явлениями; наконец, в-четвертых, предлагается даже за преступников ходатайствовать немедленно и без всякого сомнения, то есть без рассуждения о том, стоит или не стоит ходатайствовать, полезно это или нет для пастыря и Церкви и что в результате будет: ходатайствовать предлагается ради самого преступника.

Но правила далеко не все определили из области общественного служения пастырей Древней Церкви. В действительности, на основании некоторых частных распоряжений самих же византийских императоров пастыри имели очень широкий круг общественного служения.

Так, Собор Арлесский (314 год) предоставил епископам нравственный контроль над правителями областей и другими высшими чиновниками. Императоры нередко подтверждали эти права. И епископы действительно надзирали за общественными работами, постройками, учреждениями и за управлением местными доходами, наблюдали за правителями областей, следили за правильностью гражданского судопроизводства, посещали тюрьмы, расспрашивали заключенных о ходе их дел, по духу христианского милосердия ходатайствовали за обвиняемых и осуждаемых, в случае уклонения со стороны правителей и судей от справедливости требовали справедливого решения дел и непосредственно от себя доносили императорам о всех злоупотреблениях гражданских властей, а иногда даже заступали места префектов в исполнении их обязанностей. В случаях же крайних и вопиющих злоупотреблений со стороны должностных лиц епископы отлучали их от Церкви. Кроме того, епископам предоставлено было и непосредственное участие в гражданских и общественных делах. Так, Константин Великий дoз-

волил всем тяжущимся, если они отказывались от гражданских судов, требовать суда епископского – и приговор епископа считался окончательным, решительным, не допускающим никакой апелляции. Они наблюдали за действиями опекунов и даже нередко сами избирали их, так что вследствие этого сами становились главными опекунами. Юстиниан I дал епископам опеку над всеми вообще бедствующими лицами. По настоянию пастырей была отменена смертная казнь чрез распятие на кресте, клеймение лиц преступников, были уничтожены гладиаторские бои; законы о рабах, пленных, об отношении родителей к детям и прочие были смягчены; законы брачные и бракоразводные получили христианский характер и т. п.[1]

Древняя церковная письменность представляет нам также немало свидетельств общественной деятельности пастырей и указывает много фактов, когда пастыри того времени принимали живое участие в нуждах народа, подавали свой голос в вопросах касательно общественного благоустройства и сами участвовали в делах общественного управления. Они первые стремились внести в жизнь и осуществить на деле христианскую идею уважения личных прав и человеческого достоинства, на которой зиждется и на которой только и может прочно основаться общественное благо. Для этой цели и в поучениях с церковной кафедры, и в частных письмах своих они настоятельно требовали от современных им правителей милосердия и сострадания, любви и кротости. Вот тому примеры.

Святой Амвросий Медиоланский в письме своем к комину Студию писал: "Я знаю, что многие и из язычников гордились тем, что во все продолжение своего управления умели избежать необходимости произносить смертные приговоры. Если так поступали язычники, то не больше ли того должны делать христиане? Припоминаю тебе ответ Спасителя иудеям, обвинившим женщину, захваченную в прелюбодеянии. Что сделал Он, когда иудеи, искушая Его, требовали суда над этой несчастной, предполагая, что если Он простит ее, то нарушит закон, если же осудит, то поступит вопреки Своему учению о милосердии? Преклонив главу, Он писал на земле. Что же писал Он, как не это пророческое слово: *земля, земля, напиши людей сих отверженных* (см.: Иер. 22, 29–30), как говорится у Иеремии об Иехонии"...

С особенною силою восставали пастыри против тех жестоких правителей, которые не знали иных средств к исправлению виновных, кроме самых тяжких наказаний; пастыри тогда прибегали к оружию духовного суда, как скоро правители попирали человеческие права подвластных. Таков был Андроник, правитель Пентапольской области в Египте, отлученный от Церкви своим епископом. О нем вот что пишет к другим епископам Синезий, епископ Пентапольский: "Андроника пусть никто не считает и не называет христианином; как злодей, он изгоняется из Церкви Божией со всем своим семейством. Он был последним и самым тяжким наказанием для Пентаполя после землетрясения, после язвы, после пожаров, после войны. Он первый внес в страну дотоле неизвестные в ней роды наказаний, изобрел роды мучений".

Нечто подобное представляет и следующее событие. Святитель Афанасий Александрийский извещал Святителя Василия Великого об отлучении им от Церкви ливийского военачальника за его жестокость и за то, что он "нагло и неистово посягал на чужие брачные ложа".

У историка Феодорита передается поразительный факт церковного отлучения святителем Амвросием Медиоланским самого Феодосия Великого. В 390 году в Фессалонике произошло возмущение. Некоторые правительственные лица были убиты, трупы их были влачимы по улицам для всеобщего позора. Велико было преступление. И Феодосий в наказание за это повелел обнажить меч против виновного города. Вместе с виновными умерщвлены были и невинные. Семь тысяч человек были убиты без суда и улик в преступлении. "Их подрезали всех, – по

словам Феодорита, – как колосья на жатве". Страшною скорбию была поражена любящая душа великого пастыря, и, чтобы предотвратить повторение совершившегося, он беспристрастно осуждал и осудил виновника этих убийств.

Вот другой случай. В 388 году произошло возмущение в Антиохии. Требование особенных податей по случаю военных обстоятельств произвело в народе ропот, кончившийся явным возмущением. В наказание за это положено было предать виновных казни, а город сжечь. Приняты уже были меры к отысканию и наказанию виновных; многие преданы были смертной казни, множество граждан были взяты под стражу; начались допросы, пытки; народ в ужасе и отчаянии бежал из города... Но в эти страшные минуты всеобщего отчаяния бодрствовала над виновным, но достойным сожаления городом любовь пастыря. "Если Христос, – говорил епископ Антиохийский Флавиан, – предал себя за нас, то какого извинения и прощения будем достойны мы, которым вручено управлять столь многочисленным народом, если не решимся потерпеть все для безопасности вверенных нам?" И он решился предстательствовать пред государем за осужденный на истребление город, и ни престарелые лета, ни немощь телесная, ни тягость путешествия, ни неудобство времени по случаю приближения Пасхи не поколебали его намерения лично явиться к царю в Константинополь. "Как юноша, – говорит Златоуст, – полетел старец, окрыленный ревностью". Он явился к государю, представляя из себя кающийся город, "безгласный, с преклоненным долу видом, проливал слезы". Он указал государю на великость бедствия, имевшего постигнуть город, на благотворные следствия помилования, на требования христианской любви, упомянул о наступлении праздника Пасхи – торжества любви, когда давалась свобода узникам. Глубоко тронутый, благочестивый государь помиловал Антиохию...

Таково же было ходатайство Святителя Григория Богослова за Диокесарию по поводу происшедших в ней беспорядков. Город ожидало истребление. Возмущалась любвеобильная душа великого пастыря при мысли об участи, имевшей постигнуть город, о жалкой судьбе граждан. И он пишет к правителю, от которого зависело пощадить город: "Горестна смерть одного человека, который ныне с нами, а завтра не будет и не возвратится к нам. Но гораздо ужаснее умереть целому городу, который основан царем, обстроен временем и сохранен рядом многих лет".

Влияя на общественную жизнь чрез правителей, пастыри и сами лично принимали участие в общественных делах – прежде всего чрез духовный суд в распрях и тяжбах между гражданами. Еще святой апостол Павел в послании к Коринфянам с укоризною говорил о том, что некоторые из христиан заводят тяжбы между собою и решения их ищут на суде языческом. Он заповедал в случае неизбежных тяжб искать суда между собою в самом же обществе христиан – избирать в посредники и примирители мудрых между братиями (см.: 1 Кор. 6, 1–8). Такими посредниками и примирителями, как свидетельствуют древние памятники суда и управления церковного, были по преимуществу пастыри Церкви. Указания на такой духовный суд находятся у Святителей Григория Богослова, Василия Великого, Григория Нисского, Златоуста, Амвросия Медиоланского. Но более всего таких свидетельств находится у блаженного Августина, епископа Иппонского, и Синезия, епископа Пентапольского.

У блаженного Августина читаем, что его беспокоили целые толпы народа, неотступно прося суда по делам, и часто он не имел времени, чтобы успокоиться и перевести дух. Однако он от этих дел не только не уклонялся, но почитал их своею обязанностию и чрез них надеялся получить жизнь Вечную. "Я, – пишет он инокам, – более желал бы каждый день в известные часы делать что-либо своими руками, а прочие часы иметь свободными для чтения и молитвы или для поучения в Божественном Писании, чем трудиться над разбором запутанных мирских

дел... Эти тяготы возложил на нас Апостол не по своей воле, а по воле Того, Кто говорил в нем... Впрочем, мы принимаем на себя этот труд не без утешения Господня – в надежде на жизнь вечную..."

Особенно часты случаи защиты пастырями всякого рода угнетенных и оклеветанных перед властями или этими последними – защиты бедного народа. Святители Василий Великий и Григорий Богослов не раз ходатайствовали за жителей своих городов при сборах с них повинностей, требуя законности в сборах, справедливости, снисхождения к людям различных классов и состояний, и вооружались открыто и безбоязненно против всяких утеснителей и беззаконников.

Сам великий подвижник того времени Антоний оставлял свое пустынное безмолвие и уединение и являлся в город для того, чтобы ходатайствовать за обвиненных пред властями и городскими чинами[2].

О земском значении не только высшего, но и низшего духовенства у нас в допетровской Руси говорить нечего: факты его общественной деятельности и влияния на внутреннюю политику всем хорошо известны. Без преувеличения можно сказать, что только благодаря этой общественной деятельности духовенства русского и создалось единое могущественное и крепкое Русское государство. Государство крепло, потому что его основная ячейка – приходская община – была крепка и сильна духом и единством. А это в силу значения в ней клира. "Член клира, – говорит профессор Знаменский, – был действительным членом и своей приходской общины, и притом членом грамотным, что давало ему большой вес и участие в земских делах, в разных общинных актах, межевых исках, мирском суде, выборах, челобитьях пред властями и так далее[3].

В наши дни, когда при разрешении всех церковных вопросов внимание невольно обращается к седой старине, вышеприведенные примеры общественной деятельности древнехристианского и древнерусского пастырства должны иметь решающее значение. Они ясно, положительно и бесспорно решают вопрос о земском служении пастырства православного и в наше время для русского народа. Они, с другой стороны, определяют нам и характер и направление этого общественного служения пастырей Церкви.

Теперь нас занимает вопрос о том, может ли духовенство принадлежать к разным политическим партиям. И всякий его из нас решает по-своему, и у всякого для его решения есть, по-видимому, достаточные основания. Разность же решения происходит от оторванности, отрешенности нашей от исторической почвы и от проистекающей, между прочим, отсюда неполноты воззрения на предмет.

На самом деле, раз священник в то же время и гражданин, то, без всякого сомнения, он может иметь свои те или иные общественно-политические взгляды, убеждения и соответственно им может принадлежать к той или другой общественной партии. Но, становясь человеком партии, священник рискует казаться лишь только гражданином или более гражданином, чем пастырем. Ведь всякая партия ограничивает деятеля вообще требованием к нему подчиняться дисциплине партии; всякая партия вынуждается и всякое жизненное явление рассматривать и оценивать лишь со своей программной точки зрения; всякая партия на общественных деятелей из других партий приневоливается смотреть как на противников, соперников, а очень нередко, как и на врагов. Вот почему от президента всякой республики требуется беспартийность. Поэтому-то и от всякого деятеля, который призывается служить всем, а не части какой-либо народа, которому необходимо освещать всякий предмет, всякое явление со всех сторон, раскрывать в каждом обществе и в каждом событии его добрые и дурные стороны и первые выяснять и развивать, а вторые сокращать или даже совсем с корнем вырывать, необходимо требовать беспартийного беспристрастия, внепартийного, вышепартийного служения. Тем более, следовательно, выше всякой партии в общественном своем служении должны стоять пастыри Церкви. Им связать себя с какою-либо пар-

тией – значит отказаться от целостности и полноты своего пастырского служения, отрешиться от мысли о духовном воспитании людей не своей партии, ибо те будут уж овцами иного стада с иными, быть может, и пастырями. Ограничивая себя партийностью, пастыри могут сузить самое пастырское служение. Разделяясь по партиям, пастыри тем самым должны будут открыто orbi et urbi свидетельствовать, что пастырство в своих требованиях от носящих его разделяется и каждый из пастырей есть выразитель только той или иной его части, стороны. Нечего, конечно, говорить уж о том, что пастырь партийный в многопартийном приходе будет страшнейшей аномалией и вместо мира будет вносить ужасный раздор.

Таким образом, внепартийность для пастырей Церкви не только не суживает их общественного служения и тем более их от него не отклоняет, а напротив, внепартийность для них есть первое и существенное условие самой широкой, открытой и целостной общественной деятельности. Внепартийный пастырь, ничем и никем внешним, посторонним не стесняемый, по примеру древних пастырей может вернее, правильнее оценить всякое от правительства или от какой-либо партии исходящее явление и распоряжение, энергичнее проводить в сознание всего общества своих пасомых и даже правительства истинный христианский взгляд на вещи, свободнее и открытее отстаивать свои пастырские идеи и стремления и обличать неправду, откуда бы она ни исходила. При таком образе его действий никто не будет иметь права его в чем-либо пристрастном заподозрить, бросить ему укор в несправедливости, почесть лицеприятным. И всякое его суждение, всякое его изобличение и запрещение по поводу явлений общественной жизни или правительственного распоряжения от этого будет еще более настойчивее, требовательнее и для всякого, кого оно будет касаться, грознее. Для всех будет ясно, что священник судит не о лицах, а об их делах, что он обличает не деятелей, а от них исходящее.

Едва ли кто решится утверждать, что такая общественная деятельность для пастыря безопасна и спокойна, что быть вне партии будто бы значит стоять за спинами других. История наилучшим образом показывает нам, как тяжело, мучительно тяжело и ответственно пастырю быть общественным деятелем в указанном смысле. Очень малочисленны примеры страдальцев-пастырей за такого рода служение обществу. Кажется, даже напротив: именно при таком понимании характера и направления общественного служения жизнь пастыря будет мученическим путем. На самом деле всякая партия, приобретши права на свое существование, тем самым освобождается от всяких правительственных преследований и даже стеснений, а нелегальная партия существующею как бы круговою порукою между ее членов охраняет своих работников, освобождая их от страданий, когда те на них от правительства посылаются, и делая все возможное для нравственного облегчения их. И только за пастырем внепартийным некому стоять, только ему не на кого опереться, кроме Бога и Евангелия. И на его голову могут сыпаться угрозы и мучения как от правительства за смелое слово в изобличении его, так и от общества за научение и вразумление ему.

Внепартийный пастырь не за спины других хоронится, а впереди всех выступает, он обязывается свой суд над явлением произнести в момент еще зачатия его; он должен не допустить родов (нарождения. – *Ред.*) ничего, для общества христианского вредного и для дела Царствия Божия нежелательного. Тогда как партии имеют дело в большинстве случаев уже с фактами. И для достижения своих целей он должен вести агитацию, понимаемую в самом благородном христианском смысле, более обширную, более энергичную, чем какую ведет партия или какую бы он повел как член партии. Для партии, разумеется, в высшей степени нежелательно допустить в жизнь общества чего-либо вредного с точки зрения программы партии. Но если и проходит это в жизнь, то партия страдает лишь как побежденная; ни для кого нет жизненного вреда и в том, если, допустим, партия

потеряет после этого резон своего бытия и рассыплется. Не так дело обстоит для пастыря. Очень даже нередко исходящее от правительства ли или от частных лиц, пропущенное им в жизнь, может влечь для христианства ужасно убийственные последствия: могут христиане увлечься, например, пьянством и распутством, могут соблазниться и уклониться от истины в ересь и раскол; случаи всему этому очень не редки, то есть многое, исходящее от правительства, грозит спасению пасомых пастыря. Поэтому пропустить это – значит перестать быть добрым пастырем, то есть изменить своему служению, своему призванию. Поэтому пастырь зорче, чем люди партий, должен за всем следить, быстрее оценивать явления и события, энергичнее заботиться об осуществлении всего христианского и, не страшась собственного мученичества, не допускать ничего, клонящегося ко вреду временному и вечному для христиан – его пасомых. Отсюда развитие пастырского агитационного – словесного и письменного – бодрствования является делом существенной необходимости. Все это делается не за спинами других, а открыто для всех, с опасностию для собственного личного благосостояния...

При таком представлении характера и направления пастырского общественного служения сами собою исчезают всякие опасения, что пастырь, при допущении им общественной деятельности, раздвоится на духовного служителя и мирянина, делаясь более последним, чем первым, – опасения, по которым некоторые не хотели бы видеть пастыря даже и в Государственной Думе, тем более на мирском сходе. Пастырь всюду остается пастырем и при всяком общественном служении будет духовным служителем, заботящимся о спасении своих пасомых. На все он смотрит и все оценивает не с точки зрения партийной программы, а христианского мировоззрения. Программой для него служит Евангелие; на знамени у него одинаково для всех написано: всеобщее во Христе братство, человеческое равенство, экономическая и духовная свобода. Целью для него служит христианская жизнь и спасение душ пасомых. При таком понимании дела не только нечего опасаться, а наоборот, остается только желать самого широкого участия для пастырей во всяких мирских обществах, начиная с сельского схода и кончая самым высшим государственным учреждением, каковым у нас будет Государственный Совет. Всюду пастырь будет вносить не мирское начало, а дух Христов, свет евангельский и любовь братскую, не к разделению он будет служить, а к умиротворению, не на разгорячение страстей работать, а на утишение всяких человеческих бурь. А чрез все это он послужит возвышению пастырства, проявлению в жизнь Евангелия и распространению учения Христова среди знающих его лишь по школьным учебникам да по разным атеистическим брошюркам...

Опасаются пастырского церковного влияния на ход общественной жизни и с другой стороны: боятся клерикализма. История католичества сильно смущает многих и побуждает некоторых деятелей держать Церковь вдали от жизни.

В основе такого опасения лежит неправильное понимание клерикализма. В журнале "Вопросы жизни"[4] за 1905 год С. Н. Булгаковым превосходно выяснена сущность этого печального явления и указано его отличие от того, что можно было бы назвать христианской политикой. Желающих подробно ознакомиться с этими двумя явлениями в их пунктах различения отсылая к указанной статье, здесь приведу лишь некоторые мысли г. Булгакова.

"Представляется, – пишет он, – существенно важным ясно различать христианскую политику от клерикализма. Различие это очень велико. В сущности, клерикализм в точном смысле этого слова и христианская политика между собою совершенно чужды. Клерикализм или преследует интересы определенного церковного сословия, клира, или же стремится к клерикальному государству и государственной церкви: по своим задачам и интересам клерикализм исключителен, конфессионален, все человечество для него делится на овец и козлищ, эллинов и иудеев, варваров и скифов, одних он ненавидит и стремится к насильственному

их порабощению и всяким правоограничениям, а других он хочет вооружить всею силою Левиафана... Дух клерикализма есть политический утилитаризм, соединение общегражданского и политического индифферентизма со стремлением пользоваться государством для частных земных целей клира и данной церковной организации. Это сознательный отказ от христианской политики, от стремления к осуществлению в земных сношениях евангельской правды ради некоторых внешних успехов церковной организации, это подчинение интересов вечной справедливости, не знающей различий между людьми, временным, преходящим интересам отдельных групп, это измена делу Христа, а вместе с тем делу народному"[5].

Само собой понятно, что пастырство православное, вступая в общественную деятельность со словом правды Христовой, с оценкой всех ее явлений с точки зрения евангельской свободы и истины, будет служить не интересам своего сословия или своей церковной организации, а делу Божию, проведению в жизнь принципов христианской политики. А для своего сословия оно скорее всего будет навлекать чрез смелое и правдивое слово всем, даже и наивысшим в государстве, только угрозы, неприятности и разные утеснения. Ратование пастырства за принципы христианской политики не есть забота о себе самих, а есть забвение о себе ради дела Божия, не есть тем более старание захватить в свои руки светскую власть, а есть отказ от недостойного для пастырства водительства его на помочах у государства. Поэтому как для Церкви Божией, так и для народа государства христианского пастырское участие и влияние в общественной жизни в выясненном направлении только должно быть желательным. Для Церкви – потому, что, возвышает авторитет пастырства как религиозно-нравственного руководителя, проявляет свет Христова учения во всей его силе и блеске и помогает водворению на земле Царства Божия. Для народа – потому, что, водворяя Евангелие в жизнь общественную чрез христианскую политику правительства, оно вносит мир и радость о Дусе Святе для всех граждан, оно распространяет повсюду правду Божию, оно растит то горчичное дерево, у которого и под которым все находят отдых, покой и усладу... Таким образом, пастырство православное, заботясь о христианской политике в государстве, не чуждое ему дело будет делать, не в не определенные ему сферы деятельности будет проникать, а будет служить Царствию Божию и правде его – их воплощению в жизнь народную.

Научивший нас молиться ко Отцу Небесному: *Отче наш... да приидет Царствие твое, да будет воля твоя яко на небеси и на земли...*, первый призвал нас, пастырей, быть солью земли, быть светом миру, освещающим и просвещающим все концы земли и всякого человека. Отцы и учители Церкви, согласно правилам апостольским, раскрывают пред нами самые широкие сферы пастырского воздействия и влияния на жизнь личную и общественную – народную. История Церкви научает нас безбоязненно, смело и открыто всем говорить правду Божию, повсюду светить светом Христовым, до собственного мученичества не допускать в жизнь общественную и государственную ничего не Божиего, темного, лукавого, всего, что от диавола. Все же настойчиво требует от нас быть пастырями Божиими, а не послушниками правительственными или партийными... быть осолителями жизни общественной, а не звать лишь к терпению и страданию, быть общественными христианскими деятелями, а не храмовыми лишь требоотправителями, быть громкими и смелыми глашателями о Царстве Божием и о христианской политике, а не замыкаться лишь в личную веру с лицемерной оговоркой: то-де не мое дело, то-де Христос пастырю не заповедал.

Христос всю человеческую жизнь предоставил всквашивать именно пастырям; от них он требует и слушаться больше Бога, нежели человека. Поэтому, если пастырь, где бы то ни было и при каких бы то ни было обстоятельствах и условиях, будет молчать, он не пастырь стада Христова: он наемник, который небрежет

о своих овцах...

К пастырю слово Апостола, которое он должен всегда помнить, вырезать на скрижалях сердца своего и выполнять, не смущаясь ничем и никем: *Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием... будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое* (2 Тим. 4, 2, 5).

Примечания

[1]Робертсон Д. С. История Христианской Церкви/ Пер. Лопухина. Т.1, с. 514; Смирнов Е. История Христианской Церкви. 7-е изд., с. 334.

[2]Подробнее обо всем этом см.: Деятельность пастырей Церкви IV века по отношению к общественной жизни. – Православный собеседник, 1860, т. 1.

[3]Знаменский П. В., проф. Руководство к Русской церковной истории. Казань, 1888, с. 118.

[4]Апрель-май, с. 491 и далее – "Религиозно-общественная хроника".

[5]Там же, с. 501, 512.

Протоиерей Михаил ЧЕЛЬЦОВ

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Воспоминания московского прихожанина

С ранних детских лет запомнилось мне тогда не совсем понятное слово "обновленцы". Из рассказов отца я знал, что еще в 1923 году мой дядя, отец Валентин Свенцицкий, был сослан из Москвы в Среднюю Азию под Самарканд. Причина: в одной из своих проповедей он сказал, что обновленчество поддерживается советской властью и что А. Введенскому и В. Красницкому было разрешено действовать "огнем и мечом" против верного Православию духовенства.

Отец Валентин, дядя Валя, как я его называл, был последовательным противником обновленческого движения. Да и вся наша семья обновленцев не признавала.

В 1926 году в поселке Никольском по Нижегородской дороге мы сняли дачу на лето у настоятеля храма Василия Блаженного отца Василия. Это был сухопарый, уже пожилой священник, небольшого роста, с желтоватой бородкой и прямыми, седеющими длинными волосами. Он всегда как-то застенчиво посмеивался. Он любезно пригласил моего отца и сестру посетить его храм. Собственно Покровский собор уже был закрыт и стал музеем, действовал лишь придел Василия Блаженного (теперь касса музея), где прежде помещались мощи святого. Услышав на богослужении, что протодиакон провозгласил имя митрополита Вениамина (Муратовского) как "первоиерарха Православных Церквей", папа и сестра немедленно покинули храм.

Однажды к нам на дачу в гости приехали дядя Валя с женой, Евгенией Сергеевной, дочерью протоиерея Сергия Краснова. Отец Василий, хозяин дома, и его матушка, полная рослая дама, осторожно наблюдали за дядей Валей из окна, но выйти и поздороваться с ним не решались. Возможно, что отец Валентин не ответил бы на поклон отца Василия. Это было типично для тех времен. Я спросил, почему отец Василий и его матушка смотрят на нас, но не выходят. Папа и дядя Валя, увидев их, рассмеялись. Штора окна мгновенно опустилась...

Бывать в обновленческих храмах мне было строго запрещено. Поэтому мне не пришлось увидеть внутреннее убранство храма Христа Спасителя, хотя я часто гулял в тех местах с мамой и сестрой. Указывая на громаду здания, мама говорила мне: храм осквернен обновленцами, даже на паперть его ступать – грех. Обновленцы были для меня окружены ореолом таинственности. И все же девятилетним ребенком я попал в обновленческий храм.

Осенью 1930 года мы с мамой ездили на службу в храм Николы в Кленниках на Маросейке, в так называемый "мечевский храм", ныне вновь открытый. Однажды, отстояв обедню, мы с мамой пошли мимо зданий Златоустовского монастыря, находившегося на правой стороне Златоустовского (ныне Б. Комсомольского) переулка. Я упросил маму зайти в собор. Дверь была открыта, значит, служба еще не кончилась. Мы вошли в собор начала XVII века. Роскошный пятиярусный иконостас поразил меня великолепием и крупным размером икон нижнего ряда. Особенно запомнилась икона Иоанна Богослова. Невыносимо больно сознавать, что ничего от этой красоты не осталось: позолота была смыта руками нечестивцев, иконы и деревянные части иконостаса сожжены в печи, роскошное паникадило и многочисленные массивные подсвечники отправлены на переплавку.

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1994, № 3.

Нас с мамой удивило, что в громадном соборе пусто: всего десяток молящихся, хора нет. Священник лет двадцати с небольшим, бритый, почему-то служит в фелони красного бархата "Сим Победа" (эти фелони были подарены приходам царским правительством в 1913 году в память 300-летия дома Романовых). Хор заменяет поющий на все лады псаломщик средних лет, также в красном парчовом стихаре, очень похожий на еврея-торговца, почему-то с продолговатыми баками. "Здесь обновленцы", – шепчет мне на ухо мама, берет за руку и выводит из храма.

Чтобы понять причины этого церковного раскола, мне понадобились многие годы.

После февральской революции 1917 года перед Русской Православной Церковью встал давно назревший вопрос о ликвидации введенного Петром I синодального строя управления и о восстановлении патриаршества. Обер-прокурор Святейшего Синода Львов снял с себя свои полномочия и совместно с рядом иерархов приступил к подготовке созыва Поместного Собора и выборов Патриарха всея Руси. Восстановление патриаршества в Русской Православной Церкви было поддержано Восточными Патриархами.

Внутри Русской Церкви эти идеи были с радостью приняты многими иерархами и духовенством, но не всеми. Правящий архиерей – архиепископ Рязанский Вениамин (Муратовский), а также целый ряд приходских священников на Поместном Соборе высказались и проголосовали против возвращения патриаршества, считая его пройденным этапом самовластия в Церкви и отдавая предпочтение синодальному управлению. Таким образом, еще до октябрьского переворота внутри Церкви были "демократические" тенденции, сложившиеся под влиянием политической борьбы начала XX века. Поместный Собор 1917–1918 годов восстановил патриаршество и избрал Патриарха.

Не примирившиеся с этим решением оппозиционные силы внутри Церкви остались, но они, конечно, не имели большого веса и не могли нарушить ее единство. За это черное дело взялась государственная власть, опираясь на предателей Церкви.

Декреты большевиков после захвата ими власти сразу же были направлены против религии, и в первую очередь против Православной Церкви: отделение школы от Церкви, прекращение преподавания Закона Божия в учебных заведениях, а позже – известное постановление 1922 года об изъятии церковных ценностей под видом помощи голодающим и людоедское заявление Ленина: "Чем больше мы расстреляем реакционного духовенства, тем лучше!"

После процессов о сокрытии церковных ценностей, арестов и казни священнослужителей, после ареста Патриарха Тихона в 1922 году положение Русской Православной Церкви резко изменилось. Арестованному Патриарху был навязан отказ от управления Церковью. Образовалась "инициативная группа" из петроградских священников: протоиерея Александра Введенского, Владимира Красницкого, Иоанна Боярского. Они приехали в Москву и, заручившись поддержкой епископов Леонида (Скобеева) и Антонина (Грановского), создали Высшее Церковное Управление (ВЦУ). Власти сразу зарегистрировали ВЦУ, и "Обновленческая церковь" стала официальной Церковью в советской стране. Народ так и окрестил ее "красной".

Любопытно, что в рядах обновленцев наряду со слывшими и до революции "левыми" архиереями (архиепископ Антонин и др.) и священниками оказались и многие из самого ретроградного духовенства бывшей царской России, вплоть до лиц, сотрудничавших с Григорием Распутиным. Поистине крайние левые и правые в итоге договорятся: в истории почти всегда так и случалось.

Обновленцы пытались представить себя прямыми наследниками дореволюционной синодальной Церкви. Они отправили послание в Иерусалим, доказы-

вая свою каноничность и права на церковное имущество. Правда, утверждения эти и в нашей стране и за рубежом мало кто принимал всерьез.

Первый указ обновленцев был направлен против монашествующих. Рекомендовалось закрыть монастыри, монашествующим вступить в брак. Был создан статус женатого епископата. Основной идеолог обновленчества "митрополит" А. Введенский не уставал указывать, что в ранней христианской Церкви в епископы поставлялись женатые пресвитеры, примером чему является Апостол Петр. Сам Введенский уже в сане "митрополита" дважды разводился и дважды венчался, побывав таким образом три раза в "законном" браке. Обновленцы ввели в Церкви новый стиль и службу на русском языке; правда, впоследствии они от этого отказались.

Итак, с 1922 года Русская Церковь разделилась. Обновленцы были признаны властью, а приходы, оставшиеся верными Патриарху, оказались почти на нелегальном положении, несмотря на то что их было большинство. В Москве обновленческих приходов было немного, в Петрограде обновленчество пустило более глубокие корни; но особенно распространилось оно на юге, где верным Патриаршей Церкви к тридцатым годам фактически остался лишь один архиерей – епископ Таганрогский Иосиф (Чернов), впоследствии архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский. Были обновленцы также в Сибири и на Урале.

Не обошлось в те годы и без курьезов. Некоторые настоятели храмов растерялись и не знали, кого поминать в ектениях. Ведь Патриарх Тихон – и это было основным доводом обновленцев – "отрекся" от Патриаршего престола. Мало кто знал тогда истинные обстоятельства этого "отречения". Известный московский протодиакон Николай Николаевич Орфенов (1877–1954), многолетний приятель моего отца, рассказывал: "Я однажды отслужил литургию в рядах обновленцев, правда невольно. Пригласили меня служить на престольный праздник в храм на Семеновском кладбище. Встретил с сонмом духовенства архиерея – это был епископ Николай (Соловей). Он мне приказал Патриарха Тихона не поминать, а поминать ВЦУ, у нас, мол, теперь, как при царе, – снова Синод. Потом я понял свою ошибку и больше на эту удочку не попадался".

Обновленческих храмов в Москве было относительно немного: храмы Христа Спасителя, Василия Блаженного, Казанский собор на Красной площади, храм Апостолов Петра и Павла на Малой Басманной, где помещался и обновленческий пастырский институт, ныне снесенные Трехсвятительский храм у Красных ворот, Никольский храм на Долгоруковской (ныне остались лишь трапезная и колокольня), храмы Успения в Ключарях, Гребневской иконы Богоматери на Лубянской площади, Владимирской иконы Богоматери на углу Никольской и храм Воскресения в Сокольниках. Эти храмы стали обновленческими из-за того, что перешли в обновленчество их настоятели: Александр Эндека, Леонид Багрецов, Иоанн Кедров (из Воскресенского храма в Сокольниках, ставшего впоследствии кафедральным собором обновленцев), С. Калиновский (из Гребневского храма, впоследствии – лектор-атеист) и другие. Обновленцам принадлежали и некоторые часовни, например Иверская на Красной площади.

Прихожан в обновленческих храмах было мало, доход они приносили небольшой, и, чтобы иметь денежные средства, обновленцы захватывали и храмы при кладбищах – Лазоревском, Семеновском, Преображенском, Дорогомиловском, Калитниковском и, конечно, доходном Ваганьковском. На "обновленческих" кладбищах служили, как говорили москвичи, такие батюшки, что, если встретишь иного вечером в темном переулке, насмерть перепугаешься. Вообще, если обновленческий епископат – "архиереи" Михаил Орлов, Сергий Ларин, Андрей Расторгуев, сам Виталий – имели все же вид благообразный и отличались в проповедях красноречием, что все же, как и в случае с ораторством А. И. Введенского, привлекало в их храмы некоторую часть интеллигенции, особенно московских дам, то

рядовое духовенство, особенно с конца двадцатых годов, когда у обновленцев стало очень плохо с кадрами, выглядело часто карикатурно. Достаточно сказать, что старшим священником при Александре Введенском был бывший нищий с паперти – "отец" Никита.

В Москве до 1934 года оставались лишь два православных кладбищенских храма – на Пятницком и Даниловском кладбищах. Но и их после закрытия ряда обновленческих храмов Моссовет передал обновленцам – как и храмы святого Власия (в 1936 году), Симеона Столпника на Поварской (в 1938 году), Флора и Лавра у Зацепского рынка (в 1938 году), Спаса Преображения на Большой Спасской (в 1933 году) и Пимена Великого (в 1937 году).

Судьба Спасского храма, великолепного памятника архитектуры середины XVIII века, была типичной для тех лет: настоятель его отец Александр Пятикрестовский в 1933 году был арестован и погиб в лагерях, храм же был передан обновленцам, служил в нем сам Введенский. Но и обновленцы оставались в нем недолго. Одна из моих знакомых, А. Н. Петрищева, бывавшая на его служениях, рассказывала, что на последней службе в храме, в 1937 году, А. Введенский обратился к молящимся с такими словами: "Да, жаль уходить, храм красивый, но ведь мне все равно дадут храм, и очень скоро". И действительно, вскоре ему был предоставлен отобранный у православных храм Пимена Великого, настоятель которого отец Николай Бажанов был назначен настоятелем Спасо-Преображенского Собора в Дорогомилове на место арестованного и растрелянного отца Василия.

Обновленческое движение усиленно поддерживалось органами советской власти прежде всего потому, что оно дискредитировало Православную Церковь. Интересный факт сообщила мне одна из подруг моей сестры, Люба Хренникова, которая была арестована, правда ненадолго, в 1929 году. Люба была прихожанкой "мечевского храма" и духовной дочерью репрессированного протоиерея Сергия Мечева, сына Алексия Мечева, почитаемого многими москвичами как святого. Выйдя из Лубянской тюрьмы, Люба рассказывала, как следователь во время допроса интересовался: "К "мечевцам" ходите, а вот к "обновленцам" не ходите, почему? Служат плохо? Вот, совсем рядом – бывший Златоустовский монастырь. Храм красивый, уж получше вашего! И священник у них молодой. Сходите!"

Говоря о том, что отталкивало основную массу верующих от обновленцев, следует заметить, что дело было не только в их нововведениях (женатый епископат, переход на новый стиль, богослужение на русском языке). Главное, за что обновленцев прозвали "красными", – это их участие в преследовании Тихоновской Церкви. Обновленцы составляли списки подлежащего аресту духовенства, а также "реакционных" мирян, стали инициаторами фактического разгрома монастырей, внесли в среду духовенства раздоры, доносы, клевету.

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (Симанский) писал, что обновленческий раскол ужасен не тем, что был у них женатый епископат и так далее, а прежде всего тем, что по наущению диавола они, А. И. Введенский, В. Красницкий и другие, совершали литургию на крови фактически, то есть составляли списки духовенства и активистов церковников-мирян, подлежащих репрессиям, начиная с "виновных в сокрытии ценностей" в 1922 году. Из этих "черных" списков, составленных красным духовенством, соответствующие органы черпали "материалы" для репрессий.

Народ в большинстве не признавал в них своих пастырей. Обновленческие храмы во многих городах, особенно в Москве, пустовали, что облегчало властям на местах закрытие храмов.

Так был закрыт храм Флора и Лавра на Зацепе в Москве. После ареста очень почитаемого настоятеля храма митрофорного протоиерея Сергия Богословского, известного в столице богослова и проповедника (погиб в Гулаге), храм был передан обновленцам, но почти не посещался народом и в 1940 году был закрыт. Рос-

кошный храм с огромной трапезной был превращен в фабрику, красивая колокольня снесена, великолепный иконостас конца XVIII века уничтожен.

Большинство верующих осталось в Православной Церкви, возглавляемой Патриархом Тихоном, несмотря на его так называемое "отречение" от патриаршества. Выйдя в 1922 году из-под ареста, Патриарх, повсеместно восторженно встречаемый молящимися и духовенством, объявил это "отречение" актом вынужденным и потому недействительным. Обновленцы, конечно, с этим не согласились и собрали в 1923 году обновленческий Поместный Собор, "прославивший" себя актом анафемы расстрелянным митрополиту Киевскому Владимиру, митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину и другим российским новомученикам, а также "непокорному" Патриарху Тихону, совершающему после "отречения" служения. Анафема "отцов обновленческого Собора" была возглашена в храме Христа Спасителя в Москве и в Казанском Соборе Санкт-Петербурга. Вот почему моя мать считала храм Христа Спасителя осквернённым и не пускала меня даже на его паперть.

Одним из участников Собора 1923 года был недавно приехавший из Америки архиепископ Евдоким (Мещерский), вскоре впавший в немилость и у обновленцев за то, что рекомендовал епископа Николая Соловья на пост экзарха Русской Церкви (обновленческой) в Аргентине. Николай Соловей, выбравшись за границу, неожиданно разразился посланием крайне антисоветского содержания... Вот ведь как бывает! И правильно как-то отозвался друг нашей семьи протодиакон Николай Орфенов на мой рассказ о слышанном мной по радио из-за границы гневном послании тогдашнего Главы Зарубежной Церкви митрополита Анастасия, злобно обличавшего Русскую Православную Церковь: "Да, там-то ему хорошо разглагольствовать и нас хулить. Здесь бы попробовал... Еще неизвестно, может, и не на мученичество пошел бы в Соловки или на расстрел, а к обновленцам бы подался... Своя-то рубашка ближе"...

Итак, епископ Николай Соловей запел в Аргентине антисоветскую песнь, а его покровитель в Москве – архиепископ Нижегородский и Арзамасский Евдоким, позже митрополит Одесский (1924), впал в немилость и был направлен обновленческим Синодом в "ссылку". Правда, по тем временам она была мягкой и даже не лишенной приятности. Его ожидал малюсенький храм (сейчас он снова открыт) не на Севере, не в Сибири, а на Юге... в городке-курорте Хоста.

В этом храме митрополит Евдоким и совершал богослужения "иерейским чином", без иподиаконов и даже без диакона, и часто даже сам продавал свечи... А когда в 1932 году храм в Хосте был закрыт, митрополит Евдоким занялся продажей конфет в киоске хостинского парка... Конечно, такой поворот судьбы былого блестящего иерарха Российской империи, архиепископа Алеутского и Североамериканского, никак не назовешь счастливым; но если вспомнить, что его бывшие собратья по Святейшему Синоду – Митрополиты Владимир и Вениамин были расстреляны, а многие другие также были либо расстреляны коммунистами, либо погибли в Соловках и других лагерях в 1922–1932 годах, то торговля конфетами в парке, да еще на курорте Хоста у Черного моря, может показаться не столь уж плохой участью. Скончался митрополит Евдоким в Хосте в 1936 году, проработав продавцом конфет четыре года. По рассказу хостинских старожилов, гроб с телом митрополита Евдокима был отвезен в город Сухуми, где находился единственный тогда на Кавказском Черноморском побережье кладбищенский храм, принадлежащий Грузинской Церкви. Грузинская Церковь в те годы не имела общения с Тихоновской Церковью, долго не признававшей ее автокефалии, а с обновленцами имела духовное общение. Отпет и похоронен митрополит Евдоким был с почестями, архиерейским, а не иерейским и монашеским чином, что сейчас бывает крайне редко. Архиерейское отпевание и "последнее благословение", когда усопшего поднимают из гроба и он с помощью иподиаконов "благославляет" народ, в

последний раз в Русской Церкви было в Санкт-Петербурге при отпевании Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония. В советский период, очевидно дабы "не волновать народ", каждый архиерей, включая и Патриарха, при жизни пишет завещание, где просит "из-за смирения" отпеть его по иерейскому или иноческому (монашескому) чину. В Грузинской Церкви отпевание по архиерейскому чину сохранено.

Любопытно, что обычай поднимать покойника (даже и мирянина) и ставить в рост при последнем прощании с древних времен существует у армян как при церковных, так и при так называемых гражданских похоронах.

После ареста святого Тихона и его временного отстранения от церковного управления в Москве, помимо обновленческого, возник еще один раскол, руководимый архиепископом Арсением Терлецким. Правда, был он не многочисленен по вошедшему в него духовенству.

Архиепископ Арсений Терлецкий возглавлял монашествующую братию Московского Данилова монастыря. Он не пошел на союз с Патриаршей Церковью, монастырь отделился, считая неправомерной ликвидацию синодального управления в Церкви. Еще до фактического закрытия Даниловского монастыря архиепископ Терлецкий был репрессирован и не мог осуществлять руководство вверенными ему приходами. Впрочем, в Москве к Арсению Терлецкому не присоединился ни один приход; в раскол Терлецкого вошли отдельные приходы в Симбирской (Ульяновской) области и в некоторых других областях. В этих приходах в ектениях, кроме него, поминались лишь Восточные Патриархи, а после ареста Арсения Терлецкого его имя также перестали поминать. Раскол этот не поддержал ни один из правящих архиереев. К тому же сторонники Терлецкого очень скоро оказались в Гулаге, а их храмы были закрыты либо переданы обновленцам.

В Подмосковье был всего лишь один такой приход в селе Курове, в районе Акуловой Горы, в десяти километрах от станции Пушкино Ярославской железной дороги. Это село давно затоплено водохранилищем, а два храма – летний и зимний – сломаны. Я в 1931 году жил на даче в селе Курове. Священник этого села отец Василий произносил следующую ектению: "О великих Вселенских Патриархах, Митрополитах, архиепископах и епископах миром Господу помолимся..." – и все. Не поминал он и власти.

С 1927 года уже действовала известная вставка Митрополита Сергия: "О стране Российской и о властех ее, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте". Через много лет, слушая пластинку духовных песнопений в исполнении Ф. И. Шаляпина, в Великой ектении я услышал точно такое же прошение, как и у отца Василия. Связи с зарубежниками – ни с парижскими евлогиевцами, ни с карловчанами – у отца Василия быть, конечно, не могло. Моя мать при мне спрашивала старосту: "Почему у вас не поминают Митрополита Петра?" Староста ответил: "Крестьяне не хотят. Не признали они всем миром не только вашего Митрополита Петра (Полянского), но и самого Патриарха Тихона". "Что же тогда, вы обновленцы, что ли?" – спросила моя мать. Старосту даже передернуло: "Что вы! С этими иудами не общаемся. Мы истинная Русская Православная Церковь, живем как жили раньше, новшеств не хотим"... Отец Василий лишь усердно поминал архиепископа Арсения в молитвах "о здравии". Мама моя перестала посещать куровский храм и меня на службы отца Василия не пускала.

Вот где истоки "катакомб" в Русской Церкви, выплыли все же из-под вод водохранилища! И расколов, кроме обновленческого, вроде бы не было еще никаких, а еще раньше, в 1927 году летом, моя сестра, М. Б. Свенцицкая, побывав на службе отца Василия в селе Курове, была удивлена, что он "никого не поминал", ибо формула о Патриархах не могла определить юрисдикции куровского прихода... А раскол, оказывается, был – монархический, скрытый, и уж, конечно, и тог-

да "катакомбный". Таковы истоки "подпольной" Церкви, в настоящее время легализованной. В нее влились впоследствии остатки иосифлян и григориан, раскольников, о которых речь впереди, а с 1944 года после ликвидации обновленчества – и остатки обновленческого "духовенства". Так называемую современную "катакомбную" церковь смело можно назвать беглопоповской – увы, история ведь очень часто повторяется!

Как только я стал ездить по Москве один, без родителей (примерно в двенадцать лет), я в первое же воскресенье – запретный плод сладок! – тайно отправился в храм Святителя Николая на Каляевской смотреть и слушать "митрополита" Александра Введенского (маме же сказал, что иду к обедне на Арбат, к Апостолу Филиппу). Я не могу сказать, чтобы служение Введенского произвело на меня сильное впечатление. Протодиакон храма (имя и фамилия его мне неизвестны) голос имел неплохой. Хор был очень большой (фамилия регента мне неизвестна), но пел как-то странно: песнопения выбирались ритмические, бодрые, они казались даже веселыми. Старшим "священником" служил отец Александр Эндека, известный среди обновленцев Москвы, по национальности грек; он был одним из немногих обновленцев, впоследствии репрессированных и погибших в Гулаге. Ключарем был какой-то бритый полноватый человек средних лет. Молящихся, по тогдашним понятиям, было довольно мало. А. И. Введенский сразу произвел на меня странное впечатление: вместо архиерейской митры он был в каком-то головном уборе, очень похожем на шапку Монамаха, – нижняя часть этого убора была украшена мехом. А. И. Введенский очень походил внешностью на кавказского еврея – стройный, высокого роста, бритый, с необычайно крупным горбатым носом.

Как сообщает в своей известной книге об обновленцах Анатолий Эммануилович Левитин, дед А. И. Введенского действительно был евреем, но только не кавказским, а белорусским, из города Витебска; он принял Православие и служил псаломщиком в витебской приходской церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. По храму дед А. И. Введенского и получил фамилию Введенский.

Когда я впервые в 1971 году попал в город Витебск, то попытался отыскать этот храм, но оказалось, что он снесен в 1932 году (он стоял на высоком правом берегу Западной Двины). По преданию, дед Введенского обладал очень хорошим певческим голосом – низким баритоном. Скончался он мученически в самом конце XIX века. Весной течение Западной Двины необычайно сильное, особенно во время ледохода. Дед А. И. Введенского перебирался весной по льдинам к церкви Введения с левого берега и упал в ледяную воду. Он был настолько силен духом, что когда утопал, громко пел сам себе отходную. К сожалению, внук унаследовал от деда лишь... еврейскую внешность!

А. И. Введенский служил громко, четко, но не очень мелодично, надтреснутым драматическим тенором. С детства я много слышал о красноречии А. И. Введенского, но и своей проповедью не произвел он на меня сильного впечатления, как и впоследствии, когда я его слышал и видел несколько раз в храме святого Пимена Великого. Что-то было театрально-фальшивое в его жестах, а жестикулировал он непрестанно и очень любил потрясать обеими руками, воздев их вверх. Была излишняя театральность, и даже ходульность, в пафосе и интонациях голоса. Помню и тему его проповеди: "Значение Святой Троицы в христианстве". Но даже меня, двенадцатилетнего (правда, слышавшего уже многих проповедников), удивило, что Триединого Бога А. И. Введенский уподобил... извозчику: лошадь, возница, пролетка, а все вместе, мол, – извозчик, одно без другого существовать как транспорт не может; вот так без троичности не может быть и христианского Бога: Отец, Сын-Христос, Святой Дух, и только все вместе – Бог. Импозантный еврей, потрясая руками, говорил образно, но очень крикливо.

Я вышел из храма не потрясенный, как бывал после проповедей отца Геор-

гия Чиннова, а скорее озадаченный. И в дальнейшем любопытства ради (грех, свойственный ранней юности) я изредка все же бывал, конечно тайно от родителей, в обновленческих храмах. Однажды в храме Успения в Печатниках, у Сретенских ворот, я даже вступил с одним из молящихся мужчин в дискуссию на богословскую тему; мне было тринадцать лет, и он не очень понял мои благие намерения и хотел вывести меня из храма... за хулиганство.

В храме Успения в Печатниках служил и проповедовал обновленческий "митрополит" Михаил Орлов, человек уже пожилого возраста. В 1944 году он совместно с "митрополитом" Виталием Воскресенским, первоиерархом обновленцев, принес покаяние и был воссоединен с Православной Церковью в сане протоиерея; через два года он скончался.

"Митрополит" Виталий Воскресенский был принят в церковное общение в сане епископа, потом возведен в сан архиепископа Дмитровского, продолжая служить в храме Воскресения в Сокольниках; он скончался в 1950 году и погребен на Пятницком кладбище в Москве, у алтаря Троицкого храма.

Странное впечатление производил обновленческий архиепископ Димитрий (Гарусов). Когда в 1936 году храм святого Власия был передан обновленцам, мы с матерью как-то зашли приложиться к чудотворной иконе "Нечаянная радость" (наши духовники говорили, что креститься в обновленческих храмах нельзя, принимать участие в молитве также, все Таинства, кроме Крещения, у обновленцев безблагодатны, "святая" вода таковой не является, но к иконам прикладываться можно, ведь они только находятся в плену и сохраняют благодать). Удивило, что Димитрий не только не был бритым, как обычно все обновленцы, но, наоборот, имел бороду наподобие Черномора из "Руслана и Людмилы" и шапку густых кудрявых седых волос. Служил он молебен как-то странно – на плясовой мотив. До сих пор помню: "Слава, Господи, Кресту Твоему Честному!"

В 1944 году почти все обновленцы принесли покаяние и во главе с "митрополитом" Виталием воссоединились с Православной Церковью. Принесли покаяние и назначены на архиерейские кафедры были в сане епископов Флавиан Краснодарский и Кубанский, Корнилий Сумский и ряд других. Осталась в Москве лишь одна "твердыня" обновленцев – храм Святого Пимена Великого, где продолжал служить А. И. Введенский, изображая из себя митрополита и Первопатриарха Православных Церквей... Правда, в его ведении оставался в то время лишь еще один приход в городе Ульяновске. Служили там "отец" Никита, бывший нищий с паперти (настоятель храма), сыновья А. И. Введенского – старший протодиакон Александр и священник Андрей, а также ряд других обновленцев, в их числе небезызвестный А. Э. Левитин в сане диакона. Любопытно отметить, что А. И. Введенский носил... четыре архиерейские панагии (Восточные Патриархи, как и русский, носят две). Кстати, с панагией А. И. Введенского связан примечательный случай, происшедший в двадцатые годы на диспуте А. И. Введенского с тихоновским архиепископом Верейским Илларионом (Троицким) в Большом зале Политехнического музея и долгие годы передававшийся москвичами из уст в уста. "На церквах нет ни белых, ни красных флагов!" – восклицает А. И. Введенский, и вдруг раздается гомерический хохот слушателей. Введенский не понимает, в чем дело, над чем смеются люди. Оказалось – перевернулась у него на груди панагия, и вместо нее – огромное красное пятно...

Для того чтобы как-то существовать, обновленцы захватили не только кладбищенские храмы и часовни, но и чудотворные иконы. Попала к ним и незабвенная для меня святыня, спасшая мне однажды жизнь, икона "Нечаянная Радость". Эта икона до революции находилась в Кремле, затем в храме Похвалы Богородице вблизи храма Христа Спасителя (храм XVII века, уничтожен в 1933 году), потом перенесена в храм святого великомученика Власия. Когда храм святого Власия был закрыт, перенесена в храм Воскресения в Сокольниках. В 1945 году очень

деятельный настоятель Обыденского храма святого пророка Илии отец Александр Толгский добился перенесения святыни в свой храм, доказав, что многие годы "быв Богородица на сей земле". В Обыденском храме икона "Нечаянная Радость" находится и по сей день и чтится верующим народом как величайшая святыня московская.

Последний день обновленческой церкви наступил в июле 1946 года, когда на 57-м году жизни умер от четвертого инсульта А. И. Введенский. В газете "Известия" было напечатано следующее объявление: "Скончался Первоиерарх Православных Церквей, доктор философии, профессор богословия митрополит Александр Введенский. Отпевание состоится в храме Пимена Великого 10 июля в 13 часов дня. Похороны на Калитниковском кладбище".

Храм святого Пимена Великого был переполнен, но странные были похороны. Я пришел в храм к десяти часам утра. Заупокойная литургия еще не началась. Ряд пожилых женщин в народе высказывались об Александре Ивановиче крайне резко: "Да какой же он митрополит! Смотри – три жены у гроба, все тут"... Народ почти не осенял себя крестным знамением. Служба не начиналась, кого-то ждали. Очевидно, архиерея, подумал я. Но кто же будет отпевать Введенского? Распорядители попросили народ расступиться, и в храме появился... совсем не архиерей: вошла и медленно приближалась к гробу Александра Михайловна Коллонтай. Я ее хорошо знал в лицо, не раз встречал в Доме актера... Шла легендарная Коллонтай, бывшая послом в Швеции, организатор небезызвестного общества "Долой стыд". В 1946 году эта коммунистка была уже давно в немилости и не у дел, правда, репрессиям не подвергалась. Эта бывшая дворянка, генеральская дочь все еще была импозантна... Черное платье, орден Ленина на груди, в руках огромный букет красных и белых роз. Стала А. М. Коллонтай у гроба рядом с женами А. И. Введенского.

Вышел на амвон протодиакон – старший сын Введенского Александр Александрович, и заупокойная литургия началась. Возглавил литургию и отпевание "митрополит" Филарет, именовавшийся Крутицким. Сослужили Филарету "епископ" Алексий, именовавшийся Дмитровским, и двенадцать обновленческих "священников", не принятых в общение с Православной Церковью. Главным протодиаконом был Александр Введенский, были еще один "протодиакон" старик и два "диакона", один из которых – А. Э. Левитин, а другой – обладатель прекрасного баритона, он же возгласил и *Вечную память*.

Любопытно, что во всех ектениях упоминалось имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского), но вслед за ним – "митрополита Крутицкого Филарета". Когда я рассказывал об этом Владыке Николаю (Ярошевичу), которого хорошо знал, то он очень смеялся: "Я, Крутицкий митрополит, и не знал, что есть еще второй, мой дублер Филарет". Филарет имел очень благообразную внешность и обладал звучным красивым трагическим баритоном, лет ему тогда было за шестьдесят. Он произнес прочувственное слово, назвав А. И. Введенского "нашим вождем": в то время это была высокая похвала! Дальнейшая судьба Филарета мне неизвестна.

"Епископ" Алексий был уже очень преклонного возраста, и из его "прощального слова" я не расслышал ничего, помню только, что, как и покойный, он сильно жестикулировал. Представителем от Православной Церкви на похоронах был С. И. Филиппов, бывший актер Малого театра, в 1946 году уже работавший административным работником в Московской Патриархии. Меня, конечно, очень интересовало, отдавал ли С. И. Филиппов должное почтение обновленческим "архиереям" и "духовенству", то есть подходил ли под благословение и так далее, но он все время находился в алтаре, и ничего такого я видеть не мог.

...Кончилось отпевание (отпет он был "иерейским" чином), обнесли А. И. Введенского вокруг храма. А прощаться из народа никто не идет. Гроб на возвыше-

нии как бы остался одиноким. Обращается кто-то из "священников": подходите, подходите; но идут прощаться лишь единицы... Утирает платочком глаза А. М. Коллонтай, плачет "отец" Никита (ведь снова ждет его паперть), рыдает А. Э. Левитин, плачут и другие обновленцы – и все...

Через несколько дней храм святого Пимена Великого был передан в ведение Русской Православной Церкви. Через много лет некоторые черты обновленчества (например, женатый епископат) повторятся уже в "катакомбной церкви": так называемый "патриарх" современной "катакомбной церкви", именующий себя весьма своеобразно: "патриарх Каширский и всея Руси" (?!), имеет жену.

После ликвидации последнего "бастиона" обновленцев в Москве я как-то в субботу оказался недалеко от станции метро "Новослободская". Услышал звон, звонили в храме святого Пимена Великого. Решил пойти ко всенощной. Вошел в храм, служба еще не началась. В 18 часов открываются Царские врата; выходит со свечой статный пожилой протодиакон... Возглас: "Восстаните!" Протодиакон совместно с протоиереем начинает каждение храма. Но что это? Ведь это певец вокального ансамбля нашего Малого театра Григорьев! Сколько раз еще студентом я участвовал вместе с ним в массовых сценах, а совсем недавно мы изображали с ним скоморохов в "Иване Грозном" А. Толстого, и он тогда изрядно отплясывал трепака. Да, точно, это наш Григорьев. В то время я не знал, что раньше он был третьим протодиаконом храма Христа Спасителя (православным, в обновленчество не перешел) и имел даже наградную камилавку, служил еще с известным протоиереем-проповедником отцом Александром Храповицким, вторично арестованным в 1936 году и расстрелянным в Гулаге. Ни о чем таком я от него никогда не слышал, не говорил об этом и никто из актеров Малого театра. Тайну в те годы хранить умели! Оказалось, что отец Вячеслав Григорьев сана не снимал, а просто оставил служение и попал под запрет. Покадил мне отец Вячеслав Григорьев, улыбнулся и подмигнул – знай, мол, наших! К сожалению, прослужил отец Вячеслав после этого недолго, всего несколько лет. Он похоронен на Ваганьковском кладбище, близ храма Воскресения Словущего, около могил своих знаменитых сослуживцев и соратников, протоиерея Любимова и великого архидиакона Константина Розова.

После Введенского настоятелем храма святого Пимена Великого был назначен митрофорный протоиерей отец Михаил Голунов, бывший настоятель закрытого в 1933 году храма святителя Климента, Папы Римского, а ключарем был отец Василий Скворцов, бывший настоятель снесенного в 1935 году храма великомученицы Параскевы Пятницы (теперь на месте храма – вестибюль станции метро "Новокузнецкая", а место престола центрального алтаря "разрезали" рельсы трамвая). Третьим священником стал отец Александр Ветелев. Отец Михаил и отец Василий пережили длительное заключение в Гулаге и после 1945 года вновь получили разрешение служить.

Обретя первоклассное духовенство, храм святого Пимена Великого возродился к жизни и стал активно посещаться народом. В 50–60-е годы там был замечательный партесный хор.

В послевоенные годы в Москве вновь появились отличные церковные хоры. Кроме хора храма святого Пимена Великого (регенты Архангельский и Локтев), были хорошие партесные хоры в Елоховском соборе (регент Комаров), в храмах Иоанна Предтечи на Пресне, Апостола Филиппа, Петра и Павла в Лефортове, в храме Всех святых на Соколе (регент Орлов). Следует особенно отметить многие годы славящийся на всю столицу хор Скорбященского храма на Большой Ордынке (регент Н. В. Матвеев). В настоящее время традиции московского хорового пения почти совершенно утрачены, выдающихся хоров нет, скатились к заунывной однотонщине. Несомненно, храмовое пение необходимо возрождать, как неповторимую жемчужину Русской Православной Церкви.

Рассказав о неожиданной встрече с протодиаконом отцом Вячеславом Григорьевым, я не могу не вспомнить и протодиаконов моего детства и юности. В то время они делились на поющих и возглашающих: если первые пели с хором как солисты, то вторые сольные партии не исполняли, а только служили ("возглашали"). Прежде других следует назвать отца Михаила Холмогорова. Расцвета его таланта я не застал, но поющим его помню. Это был человек высокого роста, стройный, с небольшой бородкой, волосы его были рыжеватые, седеющие. Обладая чрезвычайной музыкальностью и прекрасным, неповторимого тембра баритоном с прекрасной дикцией, отец Михаил Холмогоров служил очень вдохновенно. Он имел консерваторское образование, но пошел в диаконы и на все предложения уйти в "светское пение" отвечал отказом. В послевоенное время отец Михаил, временно оставив служение, вернулся к нему уже глубоким старцем и служил до самой кончины в храме святого Апостола Филиппа (Иерусалимское подворье). Одним из самых любимых песнопений отца Михаила было "Ныне отпущаеши" композитора Строкина и Великая ектения Гречанинова. Отца Михаила Холмогорова я помню по службам в храмах Неопалимая Купина, Спаса-Пески (вновь открыт), Николы на Щепах.

Второй поющий протодиакон моих детства и юности – отец Владимир Прокименов. Он обладал отличным басом профундо. Впервые я услышал его в храме Благовещения на Бережках на служении Святейшего Патриарха Сергия (тогда, в 1930 году, митрополита Нижегородского). В 1930–1940-е годы отец Владимир временно оставил служение и пел в хоре храма Николы в Кузнецах, которым руководил регент Б. Писарев, впоследствии митрофорный протоиерей, многолетний настоятель храма святого Пимена Великого. В 1949 году, вернувшись к служению, был протодиаконом храма Покрова в Лыщиковом переулке, затем в храме святого Пимена Великого, а впоследствии и до кончины – патриаршим архидиаконом Елоховского собора.

Третий протодиакон, о котором мне хотелось бы рассказать, – отец Николай Орфенов. Свое служение он начинал в соборе города Егорьевска. Отец Николай обладал баритоном очень красивого тембра, часто солировал в различных храмах Москвы, куда его охотно приглашали служить на престольные праздники. Он был очень музыкальным певцом, служил торжественно и "истово", проникновенно читал Святое Евангелие. Отца Николая я слушал неоднократно в храме Знамения Божией Матери у Рижского вокзала, где он служил до 1936 года. Затем отец Николай Орфенов был вторым протодиаконом Дорогомиловского собора (первым был отец Алексий Тихонов), после его закрытия недолго служил в Покровском храме в Филях, а по его закрытии, с 1940 года и до кончины († 1954), был протодиаконом храма святого пророка Илии Обыденного.

Помню в его прекрасном исполнении ныне редко поющееся "Многолетие" Гречанинова на празднике Покрова в храме Воскресения Словущего на Остоженке в 1932 году (снесен в 1934 году, теперь на этом месте скверик напротив Зачатьевского монастыря). Слышал я отца Николая Орфенова и на храмовом празднике в церкви Рождества Богородицы (в народе храм великомученика Георгия в Ендове) на улице Осипенко. Возглавлял служение всенощной благочинный настоятель храма Николы в Кузнецах отец Александр Померанцев, было это 20 сентября 1931 года... Вскоре отец Александр Померанцев был арестован и погиб в Гулаге. Отец Николай Орфенов приходился дядей известному тенору Большого театра А. И. Орфенову.

Со служением отца Николая Орфенова связан в моей памяти по тем временам из ряда вон выходящий случай, происшедший 14 мая (по новому стилю) 1946 года, во время празднования иконы Богоматери "Нечаянная Радость" в храме пророка Илии Обыденного. Была торжественная литургия, служил сам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) с сонмом духо-

венства во главе с благочинным, отцом Стефаном Марковым, и настоятелем храма отцом Александром Толгским. Я был на этой службе и стоял в центральной части сравнительно небольшого, переполненного народом храма, вблизи архиерейского места... Кончилась литургия, началось традиционное "Многолетие". Отец Николай Орфенов прогремел тогда еще мощным голосом "Многолетие" Святейшему Патриарху Алексию, его подхватил прекрасный хор под руководством Орлова, и, по привычке немного скривив рот, отец Николай продолжал далее: "Стране Российской, властем и воинству ея и первоверховному вождю..." И тут случилось невообразимое: буквально из-под руки Святейшего Патриарха, державшей крест, высунулась голова пожилой женщины (откуда только взялась она на солее?), плюнула в отца Николая Орфенова и неистово закричала: "Не смейте поминать диавола, христопродавцы!" – и продолжала яростно плеваться и кричать.

Удивительно, как отец Николай не сорвал голос: во всю силу легких он уже не запел, а закричал: "Многая лета!" Руки регента Орлова судорожно метались, хор буквально вопил, но заглушить женщину не мог, а она все плевалась и кричала: "Христопродавцы! Не сметь поминать!" Спокойным оставался лишь один Святейший Патриарх Алексий I. Отец Александр Толгский лицом стал белее алебастра, ему, настоятелю, было страшнее всех: так-то он воспитал паству!!! Наконец женщину уняли, и отец Николай Орфенов с хором снова гремели "Многая лета!" – теперь уже "отцу настоятелю с богохранимою его паствою!". Но отцу Александру явно было не до торжественного "Многолетия": Гулаг, чудом миновавший его в 30-х годах, явственно дохнул на него своим смертельным дыханием в 1946 году...

Патриаршая кафедра, на которой стоял отец Николай, оказалась как бы в вакууме. В храме началась давка, молящиеся устремились к выходам, храм почти мгновенно опустел. И как только обошлось без жертв – поистине милость Божия! У меня, да, по-видимому, и не у меня одного, было такое чувство, что вот-вот подадут автобусы и всех нас повезут расстреливать...

Впоследствии в гостях у отца Николая Орфенова я, как артист, изображал ему этот эпизод "в лицах". Гости смеялись, а мой отец сказал: "Зря ее признали сумасшедшей; единственная порядочная женщина в Москве нашлась!"

Удивительно, что и настоятель отец Александр, и весь причт, и староста не пострадали и остались на своих местах.

Когда уже в тяжелейшие для Русской Церкви хрущевские времена я рассказал об этом случае опальному тогда Владыке Николаю (Ярушевичу), он откликнулся на мой рассказ следующими словами: "Знал ли об этом случае Иосиф Виссарионович? Учитывая громадную распространенность осведомительства, конечно, знал. А то, что никого не тронули, еще раз говорит, что годы семинарской юности были в душе ему дороги. После войны он изменил отношение к Церкви, а возможно, ему и не нужно было особенно его менять: попробуй найди в его произведениях хоть одно слово против веры или религии – не найти. Ленин – другое дело. Вот теперь Хрущев безумствует и хочет повернуть историю вспять, богохульствует, сводит на нет всю мою деятельность по восстановлению русских храмов. Но построит ли он коммунизм? Вряд ли. Церковь преодолеет испытания и победит... но меня уже не будет! Может, ты доживешь? Хотя и ты вряд ли". Этот разговор происходил в июне 1961 года в Алуште. Осенью Владыки не стало, я же, вопреки его ожиданиям, дожил до крушения безбожного коммунизма! Спасибо Богу за все!

Вспоминая служения московских поющих протодиаконов, нельзя не упомянуть знаменитого протодиакона отца Максима Михайлова. Внезапный уход отца Максима в актеры удивил верующих людей Москвы. Многие думают, что Максим Дормидонтович, став артистом, снял с себя сан – ничего подобного! Сана он не

снимал, никаких публикаций в газетах или журналах типа "Безбожник" не производил. В лице отца Максима Михайлова мы имеем уникальную личность: оставаясь в сане протодиакона, он тем не менее стал народным артистом СССР.

Как же это могло случиться? Многие церковные люди знали, что отец Максим никогда не разделял новшеств в Церкви, крайне отрицательно относился к обновленческому движению. Он был выходцем из крестьян-середняков далекого чувашского села. Чувствовалась в нем старинная волжская мощь! Максим Дормидонтович в жизни любил порядок, характер имел твердый. Все знали, что он был преданным сыном Русской Православной Церкви. Отца Максима очень ценил святой Патриарх Тихон и чаще, чем с другими, служил с ним после кончины протодиакона Константина Розова. После смерти Патриарха отец Максим постоянно служил в храме святого Василия Кесарийского на Тверской-Ямской улице (снесен в 1934 году, на его месте построен дом, в котором сейчас находится магазин "Спорт"). Мой дядя отец Валентин Свенцицкий говорил, что отец Максим отрицательно отнесся к известной Декларации Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, тогда митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), но в расколы не пошел ни в иосифлянский, ни в григорианский. "Ведь отец Максим монархист, – шутил отец Валентин, – любит "твердую руку" в Церкви; но человек он очень верующий и добрый, пожалуй, для многих протодиаконов может служить примером и верности Церкви, и личной нравственности, недаром его так ценил Патриарх Тихон".

Сам отец Валентин всю свою жизнь был очень далек от монархических взглядов и крайне отрицательно относился к Русской Церкви за рубежом (карловчанам), митрополиту Антонию Храповицкому, митрополиту Анастасию и другим, бросившим епархии и паству и за "укрытием", из-за рубежа поливавшим грязью деятельность Церкви на родине. "Мы должны быть здесь, на родине, – всегда говорил отец Валентин, – и, если придется, отдать жизнь за Церковь и родину. В этом – крест нашего поколения". Как не вспомнить здесь строки Анны Ахматовой: "Не с теми я, кто бросил землю на поругание врагам..."

Есть очень интересная радиопередача: рассказ М. Д. Михайлова о себе, о том, как он стал артистом. Говорит он там, как ходил на Тверскую в парикмахерскую бриться, как поступал работать в Радиокомитет и так далее. Но случай, о котором я сейчас поведу речь, отец Максим по понятным причинам рассказать не мог. После смерти святого Патриарха Тихона отец Максим из всех архиереев чаще всего служил с молодым епископом, потом архиепископом Звенигородским Филиппом (Могилевским). И вот 20 ноября 1931 года. Всенощная под праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. За несколько дней до праздника Владыка Филипп был арестован. Одна из близких наших знакомых, прихожанка храма Василия Кесарийского, рассказывала: "Вчера перед всенощной был у нас в храме странный случай: духовенство вышло встречать архиерея, вышел со свечой и отец Максим Михайлов в полном протодиаконском облачении. Ждали Владыку. Неожиданно отец Максим о чем-то спросил второго протодиакона и, получив ответ, тут же ушел в алтарь. Через несколько минут, разоблачившись, отец Максим Михайлов на глазах изумленных и испуганных молящихся вышел из храма".

Об этом эпизоде рассказывал мне и многолетний иподиакон архиепископа Киприана, а ранее посошник архиепископа Филиппа Звенигородского – отец Михаил Никитич Лобанов, который был в тот день в храме Василия Кесарийского. Слышал он и тот вопрос, с которым отец Максим обратился ко второму протодиакону: кого, мол, из владык встречаем? Ответ был: епископа Питирима Крылова. Тогда отец Максим передал ему свечу и покинул храм. Почему? По Москве поползли слухи, что виновник ареста Владыки Филиппа – епископ Питирим Крылов (впоследствии сам Владыка Питирим был арестован и расстрелян).

Хочется рассказать также и о некоторых "возглашающих" протодиаконах. Как

я уже сказал, они служили без исполнения сольных партий, но как служили!.. У многих из них были прекрасные голоса – обычно баритоны или басы. "Это были орлы в Церкви!" – вспоминая их, как-то сказал Владыка Киприан (Зернов). Прекрасными "возглашающими" протодиаконами были отец Алексей Тихонов, служивший в Преображенском соборе в Дорогомилове, а также отец Александр Покровский (в Новодевичьем монастыре, храме Воздвижения на Плющихе, Успения на Могильцах, Ильи Обыденного). В 1938–1945 годах он не служил; возобновил служение после войны в храме святых апостолов Петра и Павла в Лефортове († 1954; погребен на кладбище "Введенские горы"). Отличным голосом (басом профундо) обладал и отец Петр Байков. Он служил во многих московских храмах: в Скорбященском на Ордынке до его закрытия в 1932 году (вновь открыт в 1948 году), храме Спаса-Преображения на Преображенской площади (снесен в 1964 году); в 1945 году был переведен вторым протодиаконом патриаршего Богоявленского собора, где служил долгие годы до кончины.

Вдохновенным протодиаконом был и отец Георгий Павлович Хохлов, сын знаменитого певца Павла Акиндиновича Хохлова. Служение его памятно прекрасным по выразительности чтением Евангелия, канонов и других богослужебных текстов. Отец Георгий погиб в Гулаге.

К сожалению, традиция русского диаконства, – традиция, без которой не может быть торжественного византийского богослужения, – в настоящее время почти полностью исчезла. Сейчас диакон – это "переходная стадия" к священству, почти все диаконы теперь становятся священниками. Раньше ничего подобного не было: сан диакона, и особенно протодиакона, был весьма "престижным", в диаконы шли "голосистые" семинаристы и выпускники Академии и оставались в этом сане всю свою жизнь. Без хорошего диакона во всенощной нет торжественной литии, прокимена при выносе Евангелия, величания Богородице, многолетия на престольные праздники. Я думаю, что все нынешние дискуссии на тему, нужны ли в церкви хорошие голоса, партесные хоры и протодиаконы, только "на руку" атеистам.

В предвоенное время многие московские храмы вообще лишились диаконов. Не было их в храмах Святителя Николая Чудотворца в Хамовниках, святого апостола Филиппа, Успения в Гончарах на Таганке, Воскресения Словущего на улице Неждановой, святых апостолов Петра и Павла в Лефортове, Троицы (село Воробьево).

В Москве к 1941 году действовало 32 храма (23 православных и 9 обновленческих). После войны было открыто еще пять. При Хрущеве взорвали храм на Преображенской площади (1964 год) и готовили к закрытию еще три: Воскресения Словущего на улице Неждановой, святого пророка Илии Обыденного и святого апостола Филиппа. Но до этого, слава Богу, дело не дошло: Никита Хрущев был от правления отстранен и закрытие храмов прекращено. За 10 лет правления Н. С. Хрущева было закрыто более 10 000 храмов и монастырей.

Чтобы понять истоки различных расколов 20–30-х годов, необходимо вспомнить основные события новейшей церковной истории. 1925 год. Святитель Тихон умер, его законный преемник митрополит Крутицкий Петр арестован и отстранен от управления, хотя и поминается во всех ектениях как Патриарший Местоблюститель. Власть в Русской Православной Церкви переходит к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому; 1867–1944).

Митрополит Сергий, будущий Святейший Патриарх всея Руси, был образованным иерархом, магистром богословия, имел много печатных работ. Вышедший из среды сельского духовенства, как и св. Тихон Московский, хорошо знал крестьянские запросы. Митрополит Сергий не был запятнан сотрудничеством с Григорием Распутиным, считался "левым" среди преданного Российской Импе-

рии духовенства. Когда он пришел к управлению Русской Церковью как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, часть русского духовенства считала, что он найдет правильный путь для Церкви в новых исторических условиях.

Конечно, целый ряд священников и архиереев считали советскую власть незаконной. Так, мой дядя отец Валентин Свенцицкий называл большевиков захватчиками, разогнавшими Учредительное собрание, и говорил, что не может быть власти, не избранной народом... Все ждали (что, кстати, вообще характерно для русских), что придет "кто-то" и, как "новый мессия", избавит всех от коммунистов. Помню, когда в 1929 году летом начались события на КВЖД, мы жили на даче в деревне Мякинино на Москве-реке, близ села Павшина. Я гулял в лесу с отцом. Папа остановился среди красивых берез, остановил и меня, восьмилетнего, и сказал: "Давай, дорогой, помолимся здесь в тишине об избавлении нашей родины от страшной сатанинской силы большевиков". Я и отец истово и долго крестились, и я верил в каких-то неведомых хороших китайцев, которые принесут и мне радость и счастье. Неожиданно мы услышали звон, он доносился из далекого села Спас – теперь это давно Москва, Тушино; храм, где долгое время был сельский клуб, снова открыт, взорванная атеистами колокольня ныне восстанавливается... А тогда, увы, чуда не произошло, и падение советской власти и большевизма я увидел лишь через 61 год.

В своем воззвании 1927 года Митрополит Сергий писал, что мы, церковные люди, "хотим быть православными и в то же время верными сынами родины". Родина в то время была советской, но, упоминая о том, что ее успехи радуют нас, Митрополит Сергий никак не имел, конечно, в виду антирелигиозную пропаганду, как пытаются сегодня доказать зарубежники-карловчане. А они разве не признавали законной захватническую гитлеровскую власть, не благословляли чад своей Церкви на сотрудничество с Гитлером? Говорить о нейтральности карловчан просто нелепо. Митрополит Сергий в одной из своих статей указывал, что, как только Церковь перестает быть участницей в жизни своего государства, как только попадает в изоляцию, она невольно скатывается на позиции старообрядчества, сохранившего обычаи, но ставшего как бы "бытовой" Церковью, абсолютно отстраненной от участия в исторической жизни своего народа. Последнего Митрополит Сергий, по его словам, боялся как огня!

Эта Декларация вызвала бурю среди духовенства и мирян, но многие, не бывшие тогда в Гулагах архиереи поддержали ее, в том числе митрополит Трифон (Туркестанов), митрополит Серафим Чичагов (расстрелян в 1937 году в возрасте 81 года), архиепископы Филипп (Могилевский), Варфоломей (Ремов), Алексий (Симанский), будущий Патриарх, епископы Питирим (Крылов; † 1938), Иоанн (Соколов), будущий митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх всея Украины, бывший духовник убиенного Великого князя Сергея Александровича и его супруги святой Елизаветы Феодоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители, настоятель собора святого Георгия Победоносца на Большой Дмитровке (ныне здание школы напротив современного Театра оперетты), затем епископ Кашинский, викарий Московской епархии (служил в храме Воскресения Словущего на улице Неждановой, где и сегодня находятся две иконы XVII века – великомученика Георгия и Казанская икона Божией Матери из собора Георгиевского монастыря) и несколько архиереев других епархий. Поддержало Декларацию в большинстве и приходское духовенство, поддержали ее и миряне. Так была установлена связь между церковной и светской властью.

Основной пункт Декларации: "Мы хотим быть православными, но честными сыновьями и дочерьми Родины, успехи и горести которой – наши успехи и горести". В великую (сугубую) ектению было введено прошение: *о стране Российской и о властех ея*, далее по Апостолу Павлу: *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте*. Сама по себе, конечно, формула святая и апос-

тольская, но если учесть огромное количество репрессированного духовенства и мирян, их мученичество во время изъятия церковных ценностей и т. п., то можно понять, что это "прошение" многим мирянам и частично духовенству показалось циничным.

Митрополит Сергий, шутили его оппоненты, нашел "третий путь" в Церкви: не погрешая догматически, все оставляя, "как было", в то же время "обновил" Церковь не только лояльностью к советской власти, но в определенные периоды и ее прославлением. Увы, в этой шутке было много истины.

Кстати, примерно с конца 20-х годов и обновленцы полностью отказываются от своих нововведений: нового стиля, службы на русском языке и так далее. Незыблемыми до возвращения в Православие у них остались лишь два пункта: женатый епископат и второбрачие духовенства. Кто-то из обновленческих "архиереев" в Сибири даже венчался с очередной своей избранницей в полном архиерейском облачении и митре, которая временами сменялась на "венец". Но случай этот был единичным, вызвал много насмешек, и впоследствии обновленческое духовенство венчалось в штатском.

Декларацию Митрополита Сергия все же не признали некоторые правящие архиереи. Отказался признать ее митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых; впоследствии расстрелян), за что был запрещен в служении, а на Ленинградскую кафедру был назначен митрополит Серафим (Чичагов). Митрополит Иосиф не подчинился Митрополиту Сергию и продолжал служение. Таким образом, в 1927 году образовался так называемый "иосифлянский" раскол. В этом расколе до 1931 года, когда принес покаяние, написав из ссылки письмо на имя Митрополита Сергия, пребывал и мой дядя – протоиерей отец Валентин Свенцицкий. Одновременно возникает и так называемый "григорианский" раскол, руководимый митрополитом Григорием и архиепископом (у григорианцев митрополитом) Борисом.

Митрополит Иосиф не исполняет приказания Митрополита Сергия о поминовении властей: ведь Церковь отделена от государства и даже обновленцы в своих храмах не молятся за власть! Кстати, подобное обстоятельство (отсутствие у обновленцев моления "о властех") порой приводило к курьезам. Так, после "ликвидации" иосифлянского раскола один из наших знакомых, ярый иосифлянин Трофим Емельянович Казакевич, начал молиться только в обновленческих храмах... "Ведь они власть не поминают, – говорил он, – лучше они, обновленцы, лучше Сергия"... И стал прихожанином Сокольнического Воскресенского храма, где служил "первоиерарх" обновленцев "митрополит" Виталий Воскресенский. Т. Е. Казакевич очень сетовал на воссоединение обновленцев с Митрополитом Сергием и почти до самой своей кончины в 1952 году не посещал церковные службы, а молился на дому... Вот они, истоки катакомбной церкви!

Митрополит Иосиф и верные ему приходы (немало их было в Ленинграде, много в Рыбинске, Серпухове и некоторых других городах) начинают поминать в ектениях только митрополита Петра Крутицкого (Полянского), опуская имя Митрополита Сергия и, конечно, молитву "за советскую власть". Так, мой дядя отец Валентин возглашал в ектениях: "О многострадальной стране Российской, граде нашем и всем мире Твоем Господу помолимся!"

В Москве иосифлянских приходов было три. Первый из них – приход храма Троицы в Никитниках (в народе – Грузинской Богоматери) – просуществовал недолго: его настоятель отец С. Голошапов был арестован и выслан из Москвы (дальнейшая его судьба мне неизвестна), и вскоре храм был закрыт. Но он уцелел, хотя и находился в опасной близости от ЦК партии. Храм является выдающимся памятником архитектуры XVII века с иконостасом работы Симона Ушакова. Служение в нем было прекращено с января 1929 года и не возобновлено до сих пор. Силы, что все еще сопротивляются передаче храмов Московской Патриархии, ссылаются ныне на необходимость охраны фресок, икон и так далее, забы-

вая, что фрески художниками предназначались для молитвы, а не для "атеистического обозрения". Очень хорошо сказал Святейший Патриарх Алексий II: "Фельдмаршал М. И. Кутузов, человек верующий, вряд ли мог предполагать, что его могила окажется не в Казанском Соборе, а... в музее атеизма!"

Вторым иосифлянским храмом был храм Воздвижения Креста Господня (начала XVIII века, находится во дворе современного музея архитектуры на ул. Воздвиженке, ставшей улицей Коминтерна, затем проспектом им. Калинина и снова Воздвиженкой). Этот храм был очень оригинальной архитектуры и чем-то напоминал "Меншикову башню" – храм Гавриила Архангела у Мясницких ворот в Телеграфном переулке. Храм был небольшой, трехпрестольный, без приделов, весь устремленный ввысь. Поражал красивый пятиярусный иконостас, а также богатое огромное паникадило. В храме была гробница фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Барельеф надгробия в настоящее время вмонтирован в стену лестницы, ведущей в центральный зал бывшей Библиотеки имени В. И. Ленина (библиотека Румянцевского музея – по имени его основателя). Сама гробница фельдмаршала в 1931 году при закрытии и снесении храма была, разумеется, уничтожена. Да что Румянцев-Задунайский! В 1930 году при взрыве Преображенского собора в кремле Нижнего Новгорода (на месте храма было построено здание обкома КПСС) была уничтожена могила с прахом Минина и Пожарского! То, что под видом их могил теперь показывают туристам, на самом деле лишь часть памятника над надгробием, а прах великих русских патриотов давно развеян ретивыми большевиками и комсомольцами 30-х годов.

В храме Воздвижения меня в двухлетнем возрасте причащали. Этого я, конечно, не помню, но знаю по рассказам мамы, что, увидев отца Валентина, который здесь часто служил, я на весь храм громко закричал "дядя", вызвав смех прихожан, и радостно причастился. В сознательном возрасте в Воздвиженском храме я был всего лишь раз, осенью 1930 года, под праздник Воздвижения Креста Господня, когда впервые увидел чин Воздвижения. Настоятелем храма был отец Александр, впоследствии погибший в Гулаге, вторым священником – отец Николай Дуловой, третьим – пожилой священник невысокого роста, впоследствии вернувшийся в Православие, так как я видел его служащим (также третьим) в храме "Всех Скорбящих Радосте" на Большой Ордынке за всенощной под праздник Рождества Богородицы в 1932 году, а в послевоенные годы "помогающим" в храме святого апостола Филиппа (Иерусалимское Подворье). Чин Воздвижения Креста Господня произвел на меня, восьмилетнего ребенка, огромное впечатление. Особенно понравилось служение отца Александра. Это был еще молодой протоиерей, внешне очень похожий на писателя Всеволода Гаршина.

Третьим храмом иосифлян в Москве был храм "Никола Большой Крест", где до осени 1928 года настоятельствовал мой дядя, отец Валентин Свенцицкий. В этом храме я почти не бывал, так как мои родители иосифлянства не разделяли.

В нашей семье "иосифлянкой", полностью разделявшей убеждения дяди Вали, стала только моя сестра Милица. Мать и отец остались верными Тихоновской Церкви, не одобряя многие действия Митрополита Сергия, но в то же время считая, что не следует отделяться от Церкви и уходить в раскол. Отношения между братьями одно время даже стали натянутыми. Порицали мои родители и действия сестры, которая с 1927 года перестала посещать православные храмы, бывая только в храме "Никола Большой Крест". Продолжалось это вплоть до принесения дядей Валей покаяния: незадолго до кончины в 1931 году он написал письмо Митрополиту Сергию с просьбой простить его за грех раскола. Митрополит Сергий принял отца Валентина Свенцицкого в общение и воссоединил его с Русской Православной Церковью.

С 1927 года (когда мне не исполнилось еще шести лет) родители не бывали на служениях отца Валентина, не водили в храм "Никола Большой Крест" и меня,

так что я служащим отца Валентина почти не знал. Помню только панихиду летом 1927 года по моей бабушке Елизавете Федосеевне, урожденной Кузьминой. Ее я никогда не видел. Жила она в Туле у другого моего дяди, Вячеслава Павловича Свенцицкого (дяди Вани, как в семье звали его). К старости (скончалась она в возрасте 76 лет) у нее развился сильнейший склероз, она впала "в детство" и была в невменяемом состоянии, оттого меня и не возили к ней. Отец Валентин ездил в Тулу отпевать бабушку, поехали на похороны также мои отец и сестра. Отпевали бабушку в храме двенадцати Апостолов – единственном тогда тульском храме, оставшемся верным Православию (все остальные храмы города были обновленческими). Чин отпевания отец Валентин совершил совместно с настоятелем храма отцом Петром (погиб в Гулаге).

Когда в 1928 году дядя Валя был выслан в Сибирь, настоятельство в храме "Никола Большой Крест" принимали на себя его прихожане, которых рукополагал архиепископ Феодор в Казани в своей домовой церкви. Служили иосифлянские священники из прихожан недолго, арест и ссылка не заставляли себя долго ждать. Первым был арестован отец Алексий (впоследствии пережил ссылку и вернулся к служению в Православной Церкви), после него священником стал отец Максим, также из прихожан, после его ареста – отец Георгий Смирнов, большой друг нашей семьи. Родители знали его еще ребенком в городе Ряжске, где отец мой имел нотариальную контору. Все Смирновы были потомственными педагогами. Вскоре отец Георгий также был арестован и выслан из Москвы. Последним священником храма "Никола Большой Крест" был отец Иосиф, судьба его мне неизвестна.

После закрытия этого храма в 1934 году иосифляне еще продолжали служить под Москвой в храме Благовещения, вблизи станции "Мичуринец" Киевской железной дороги. Там служили отец Николай Дулов и отец Иосиф. Незадолго до начала войны в 1941 году храм Благовещения был закрыт и иосифляне исчезли; как выяснилось впоследствии, некоторые из них ушли в "катакомбную церковь".

В храмах так называемого "григорианского", или, как еще его называли, "борисовского", раскола я никогда не бывал. В Москве было два "григорианских" храма: архиерейский "собор", где служил назвавшийся "митрополитом" епископ Борис, – храм "Троица на Грязех" близ Покровских ворот (недавно храм вновь открыт) и Владимирский собор Сретенского монастыря. Оба храма были закрыты в начале 30-х годов.

Теперь стало известно, что часть иосифлян и григориан образовали так называемую "катакомбную церковь", а небольшая их часть из "духовенства" оказалась и в рядах так называемых беглопоповцев, легализовавшихся как старообрядцы новозыбковского согласия. В настоящее время их возглавляет "архиепископ Новозыбковский, Московский и всея Руси" Геннадий, и получили они в свое распоряжение храм Покрова Пресвятой Богородицы на Новокузнецкой улице в Москве.

А. Б. СВЕНЦИЦКИЙ

(Продолжение следует)

ДА БУДУТ ВСЕ ЕДИНО

ДА БУДУТ ВСЕ ЕДИНО (Ин. 17, 21)

На протяжении истории молитва Спасителя о единстве веры и жизни Его последователей не переставала тревожить умы и сердца христиан. Искушения разделений, возникавшие на протяжении веков, обостряли тревогу. Веруется, что Дух Святой Утешитель незримыми путями возбуждал "умственные и нравственные воды" [1], там и тут показывая пагубность христианского разделения. И веруется также, что не без тонкого веяния Божественного Духа [2] в разделенном христианстве – временами, там и здесь – вспыхивали искры если не в полную силу верности, то – сочувствия молитве, которую Господь Иисус Христос вознес Небесному Отцу перед Своими крестными страданиями.

Не принесет ли грядущий XXI век прекращение тревог и опасностей разделения христианского, разделения вообще рода человеческого, ныне склонного к вражде друг против друга, чтобы ангельская песнь, воспетая при Рождестве Богомладенца [3], стала гимном земли?

История

Попытки преодоления разделений в христианстве предпринимались неоднократно. То были юниональные предприятия византийских императоров, хотя бы и заботившихся по большей части об интересах Империи, то были диалоги между различными Поместными Церквами: Римской, Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, то были составления в результате диалогов документов согласия, то были унии. При всем том христианское разделение не только не прекратилось, но трагически расширялось и углублялось. Взрыв эмоций после Халкидонского Собора 451 года, разделивший Восточное Православие, трагедия 1054 года с результатом отчуждения между Восточной и Западной Церквами, реформация в западном христианстве, породившая религиозные войны и удобрившая почву для ростков дальнейших разделений, сектантские образования рационалистического и мистического толка, в конце концов, полное отвержение Христа и Евангелия, например в современной секте "Белых братьев", в так называемом "Богородичном" культе, в откровенно диаволических культах, к которым относится и воинствующий атеизм наших дней – просто отвержение всякой религии и морали, – таков пагубный путь.

Где ключ к пониманию этого?

Богословски и философски рассуждая, не найдем ли объяснение, помимо ссылки на козни диавола, в том, что произошло искажение того, что Творцом было дано человеческому роду как ВЫСШЕЕ БЛАГО – образ и подобие Божие, свобода Божественного сыновства [4]? Тут диалектика "семи светлых скрижалей, прибитых к небу огненными гвоздями": "...и Семь – добро, хотя Семь – подчас и зло" [5].

Да – когда высшим благом признается достоинство человека, созданного по образу и подобию Божию, – его свобода. Нет – когда свобода сыновства обращается в рабство греху. Нет – когда сознание достоинства заменяет Первообраз, то есть Бога, когда

растущее и все более требовательное человеческое самосознание подменяет Бога.

Не заключается ли ключевой ответ в этой диалектике "Да–Нет"?

Восточное Православие не избежало искушения разделения, бесплодно смущаемое богословскими амбициями, политическими предрассудками, каноническим непослушанием, в том числе в угоду национальности, языку, обычаю, обряду, даже такому нерелигиозному фактору, как календарь.

Экуменическое движение

Возникшее сравнительно недавно экуменическое движение, как бы оно ни понималось и как бы к нему ни относились люди (не нужно при этом смешивать понятия "экуменическое движение" и "Всемирный Совет Церквей"), явилось наиболее действенной попыткой войти в верность Основоположнику Церкви, призвавшему людей к единению в любви, что было запечатлено смертью на Голгофе и вспыхнувшим затем небесным сиянием Пасхи в Воскресении.

Исцеление болезни христианского разделения, быть может, вообще пагубных разделений в человечестве – воскресение от гроба неправоверия и неверия, путь экуменического движения, путь собирания со Христом и во Христе (СИНАГОГИА), на основе "Общности" (КОЙНОНИА), "Согласием" (СИМФОНИА) в вере, надежде и любви. Путь этот можно было бы назвать "динамикой кафоличности" или "динамической кафоличностью", по-славянски же – СОБОРНОСТЬЮ [6].

Одна из Церквей во встрече с проблемой единства

Семьдесят лет гонений на веру и христианскую жизнь, наступившее затем время восстановления и борьбы за целостность и самоидентичность обострили в одной из Церквей, вовлеченной в диалог о единстве, именно в Русской Православной Церкви, диалектические противоречия "Да–Нет". Процесс выхода из них продолжается. Тернист путь Церкви, хотя бы и воспрянувшей духом в переживаемые теперь дни.

Думается, что и до этого Русское Православие было не на легком пути.

Тем не менее, возможно, потому Русская Православная Церковь не только не была в стороне от устремлений к христианскому единству, но и задолго до формального включения в экуменическое движение предпринимала практические шаги в направлении преодоления христианского разделения.

Наиболее близки православному сознанию россиян были христианские общества на Востоке. Без сомнения, к Востоку тянулись государственные интересы, но не были исключены и церковные. Палестинская и Урмийская миссии были каналами ознакомления и добрых отношений православных русских людей с сирийцами, коптами, эфиопами, айсорами, то есть верующими Древних Восточных Церквей. В XIX веке исследователь Востока русский архиерей преосвященный Порфирий (Успенский) с уверенностью заключил свои исследования словами, которые в перефразе утверждают: "У восточных христиан нет ереси".

Внутри России велась исследовательская работа как Палестинским научным обществом, так и отдельными крупными учеными, такими, например, как профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Василий Васильевич Болотов. Благодаря тщательному богословскому исследованию и доброй воле, проявившейся двусторонне, в конце прошлого века оказалось возможным соединение с Русской Православной Церковью в полном литургическом общении части персидских христиан (айсоров), сохранивших древнюю антиохийскую богословскую традицию.

С середины текущего столетия, несмотря на гонения, в Русской Православной Церкви усилился интерес к Церквам александрийской богословс-

кой традиции, а именно: Коптской, Сирийской, Армянской, Маланкарской, Эфиопской. На страницах "Журнала Московской Патриархии" с 1948 года можно проследить процесс развития взаимоотношений с этими Церквами. Тут и описания живых контактов, и публикации работ в области поиска единства.

Различие богословских подходов

Было бы нелегко найти дорогу к единству, опираясь лишь на догматические формулы. Они, естественно, различны, поскольку различны отправные позиции тех, кто участвовал в столкновении богословской мысли полуторатысячелетней давности.

Тогда в диалоге, вернее, в остром полемическом споре встретились Александрийская и Антиохийская богословские школы. Первая исходила из Божества Господа Иисуса Христа, Божества Единого от Святой Троицы, Предвечного, ипостасного ЛОГОСА, как это описано Евангелистом Иоанном Богословом в первой главе его Евангелия. Александрийская богословская школа была в известной степени школой философской. Вторая, Антиохийская, школа исходила из буквального понимания текста Евангелия и рассматривала Господа Иисуса Христа с человеческо-исторической точки зрения, была школой исторически библейской.

В окончательном выводе обе школы были согласны в том, что Господь Иисус Христос есть БОГОЧЕЛОВЕК [7].

К сожалению, к этому богословскому спору примешались чисто человеческие спекуляции национального, социального, политического свойства, что и привело к разделению Восточного Православия на многие столетия, вплоть до нашего времени.

Было бы трудно также найти дорогу к единству, исходя из догматизирования истории Церкви, в частности из сверхдогматизации, сверхсакрализации Вселенских Соборов.

Об этом нужно сказать прежде, чем перейти к тому, что является темой данной статьи [8].

Роль Всемирного Совета Церквей

Всемирный Совет Церквей – центр экуменического движения – оказался организацией, где могли образоваться более тесные отношения между Древними Восточными Церквами и Полнотой Православия в ее автокефальных и автономных Церквах. Отношения обратились в связи добросердечия и в конце концов привели к конструктивному диалогу, ныне завершившемуся богословским согласием, что, в свою очередь, должно привести к восстановлению единства Восточного Православия через взаимное признание и взаимное литургическое общение Церквей византийско-славянской и александрийской традиций.

Инициаторами диалога под эгидой Всемирного Совета Церквей были православный богослов Никос Ниссиотис и индийский священник Павел Вергиз, впоследствии митрополит Делийский Мар Григорий, – оба сотрудники аппарата Всемирного Совета Церквей в Женеве. Комиссия Всемирного Совета Церквей "Вера и Устройство" в сотрудничестве с названными лицами и с директором соответствующего департамента Экуменического центра доктором Лукою Фишером обеспечила проведение четырех неофициальных консультаций между богословами Древних Восточных и автокефальных Православных Церквей, которые состоялись в 1964 году в Орхусе (Дания), в 1967 году в Бристоле (Англия), в 1970 году в Женеве (Швейцария), в 1971 году в Аддис-Абебе (Эфиопия).

Неофициальные консультации были настолько успешны, что открыли путь диалогу на официальном уровне, для чего обеими сторонами была образована Смешанная богословская комиссия, имевшая четыре рабочие сессии: в 1985, 1989, 1990 и 1993 годах.

Как на неофициальном, так и на официальном уровне означенная бо-

гословская работа находилась под неусыпным наблюдением Глав Церквей обеих сторон. В заключительной стадии успеху ее содействовало благостное внимание Их Святейшеств: Вселенского Константинопольского Патриарха Варфоломея I и Коптского Патриарха Папы Шенуды.

Последнее заседание Смешанной богословской комиссии, состоявшееся 1–6 ноября 1993 года в Экуменическом центре Вселенского Константинопольского Патриархата в Шамбези (Женева, Швейцария), наиболее интересно, ибо завершило официальный диалог, передав Главам Поместных Церквей обеих сторон свое заключение о возможности и необходимости восстановления христианского единства в Восточном Православии.

Несколько небесполезных справок

С 1964 года, когда в Орхусе состоялось первое неофициальное собеседование богословов обеих традиций, прошло почти тридцать лет. В течение этого времени многое в мире изменилось в пользу конвергенции христианских сил.

После неудачи коммунистического эксперимента в России большинство людей в мире, кажется, разочаровалось в возможности достичь "земного рая" и идея построения "Царства Божия" на земле давно уже была поставлена под сомнение. Мир в настоящее время оказался в растерянности, приведшей к новым кровавым столкновениям. На христиан, к какой бы конфессии они ни принадлежали, легла ответственность сохранения и умножения религиозных и моральных ценностей. Ответственность перед Богом, миром, перед каждым человеком, ответственность перед самим сбой – долг христианина в условиях современного горестного разделения, отпадения от Бога [9].

С учетом сказанного и нужно рассматривать закончившийся диалог между богословами Древних Восточных и Византийско-Славянских Православных Церквей.

Дух Святой говорит ныне в нашем мире гласом предупреждения, слышимым имеющим уши в невзгодах современного человечества. В ответ должна устремляться к небу молитва, и необходима, насколько это возможно, мудрость человека: мужчины, женщины, ребенка. Важно соединение человеческих голосов в хор единства. Важно в этом хоре слышать и понять каждого и каждую...

Диалог между богословами и между Церквами не безлик. Потому уместно упомянуть на этих страницах хотя бы некоторых лиц, внесших свой вклад в дело ожидаемого воссоединения Восточного Православия.

Прежде всего вспомним мучеников, пострадавших не только по причинам политического свойства, но и потому, что были вдохновителями, организаторами этого диалога.

Император Эфиопии Хайле Селассие I был одним из тех на Африканском континенте, кто веровал в возможность и необходимость христианского единства, прежде всего единства Восточного Православия [10]. Антигосударственный мятеж не позволил ему следовать путем равноапостольного Константина. Умер он новомучеником.

К имени священномученика Эфиопии Абуны Петроса нужно присовокупить имя современного новомученика и исповедника Патриарха Эфиопской Православной Церкви Абуны Теофилоса. Автору выпала честь неоднократно видеть этого иерарха, беседовать с ним, писать о нем. Если император направлял государственную политику к церковному единству, то Абуна Теофилос делал это своим скромным примером, молитвой, доброжелательностью в экуменических предприятиях. Он принял мученическую смерть в тюремных застенках [11].

Автору близко имя Аббы Дегу, студента, затем кандидата богословия Петербургской Духовной Академии, впоследствии епископа Эфиопской Церкви. Он был неизменным участником работы подкомиссии по диалогу, подготовившей официальные богословские со-

беседования. Пули неизвестных лиц пронзили сердце этого милого, всегда радостно настроенного священнослужителя.

Новомученики кровию своею освятили диалог единства Восточного Православия. Да будет память их священна.

В течение истекших лет состав участников диалога менялся.

Бывший некоторое время сотрудником богословских собеседований сирийский епископ Мар Закка Ива стал ныне Патриархом Сирийской Православной Церкви. Епископ Таллиннский и Эстонский Алексий, участник первой неофициальной встречи богословов в Орхусе, теперь – Патриарх Московский и всея Руси. Старейший из числа православных богословов, также соработник в деле восстановления единства Православия, протоиерей отец Георгий Флоровский предстоит в вечности у Небесного Престола. Участники диалога с благодарностью поминают в молитвах имя ныне здравствующего митрополита Хризостома, бывшего долгое время председателем подкомиссии по диалогу. Можно было бы упомянуть здесь многих выдающихся богословов, в том числе греческих профессоров Арванитиса, Конидариса и других.

В связи с заключением богословского диалога упомянем участников последней богословской встречи в Шамбези осенью 1993 года.

В ноябре 1993 года в Экуменическом центре Вселенского Константинопольского Патриархата собрались тридцать богословов из разных стран: Албании, Австрии, Кипра, Чешской и Словацкой республик, Египта, Эфиопии, Финляндии, Греции, Индии, Ливана, Румынии, России, Швейцарии, Сирии, Англии, Соединенных Штатов Америки.

Со стороны Древних Восточных Церквей в работе Комиссии приняли участие: митрополит Дамиетти Бишой, епископ Публии Серапион, диакон, доктор Эмиль Мехер Исхак, кандидат богословия Йозеф Морис Фалтас (Коптская Православная Церковь); митрополит Алеппо Григориос Иоханнес Ибрагим (Сирийская Православная Церковь Антиохии и всего Востока); архиепископ доктор Месроб Крикориан (Верховный Католикосат всех армян, Эчмиадзин); архиепископ Ливана Арам Кешишиан, Президент Всемирного Совета Церквей, и архиепископ Месроб Ашджиян (Киликийский Католикосат Армянской Апостольской Церкви); священник К. М. Георг Кондотра (Маланкарская Православная Сирийская Церковь Востока); архиепископ Аксума и Тигрэ Макариос и господин Мегабе Белюи Иоханнес Сейфе Селассие (Эфиопская Православная Церковь).

Со стороны Православных автокефальных и автономных Церквей участниками были: митрополит Женевский и Швейцарский Дамаскинос Папандреу, митрополит Перистерии Хризостомос Герасимос Зафирис, протоиерей профессор Георгий Драгас, профессор Георгий Марцелос (Константинопольский Вселенский Патриархат); митрополит Аксума Петрос Якумелос и профессор Власиос Фидас (Вселенский Патриархат Александрии); митрополит Гор Ливанских Георгий Ходр (Вселенский Патриархат Антиохии); митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев), автор данной статьи профессор на покое Санкт-Петербургской Духовной Академии (Русская Православная Церковь); митрополит Трансильвании Антоний Вламадела (Румынская Православная Церковь); Хорепископ Саламиса Барнабас Соломос и профессор Андреас Папавасилиу (Церковь Кипра); митрополит Никополиса и Превеза Мелетиос Каламарас и профессор протоиерей Иоанн Романидис (Элладская Православная Церковь); священник Яни Требика и священник Мартин Рици (Албанская Православная Церковь); протопресвитер профессор Павел Алеш и господин Роман Юрига (Чехословацкая Православная Церковь); священник Хейки Хуттунен (Финская Православная Церковь).

Председательствовали митрополит Дамаскин (Константинопольский Все-

ленский Патриархат) и митрополит Бишой (Коптская Православная Церковь). Протокол вели профессор Власиос Фидас и архиепископ доктор Месроб К. Крикориан.

Предпосылка богословского согласия

В 431 году епископ Антиохийский Иоанн и Александрийский Папа святой Кирилл обменялись примирительными посланиями, явившимися результатом III Вселенского Собора. Так называемая "Антиохийская уния" оказалась действенной в собеседованиях богословов настоящего времени.

"Мы исповедуем, – сказано в документе III Вселенского Собора, – что Господь наш Иисус Христос, Единородный Сын Божий, есть совершенный Бог и совершенный Человек, (состоящий) из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков по Божеству, а в последнее время ради нас и нашего спасения от Марии Девы по человечеству, ибо исповедуем одного Сына, одного Господа, ибо в Нем совершилось соединение двух естеств. Почему мы и исповедуем на основании такого нелитного соединения Святую Деву Богородицу, потому что БОГ-СЛОВО воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с собою храм, от Нее восприятый". Таково христологическое учение, повторенное затем IV Вселенским Собором, уточненное отцами VI Вселенского Собора в отношении энергий, волеизволений и действий Спасителя [12].

В диалоге важно было не забыть сказанное в документе Антиохийского Собора: "Известно, что знаменитые богословы одни из евангельских и апостольских изречений Господа обыкновенно считают общими, как принадлежащими одному лицу, другие же (изречения), по причине различия двух естеств, принимают раздельно и те из них, которые приличны Богу, относят к Божественности Христа, недостойные же Бога – к Его человечеству".

Богословские мнения (теологумены) могут быть различными, но истина – одна. К истине привело антиохийско-александрийское согласие давнего прошлого. Согласие в прошлом явилось предпосылкой и путем достижения богословского согласия, о котором идет речь.

Главные проблемы

Три главные проблемы были в центре внимания с начала богословских собеседований.

1. Тайна Воплощения и вочеловечения Единосущного во Святой Троице Божественного ЛОГОСА в Лице и личности Господа Иисуса Христа.

2. Отношение к апостольскому наследию Церкви, выраженному Вселенскими Соборами Православия.

3. Снятие анафем, провозглашенных с той и другой стороны соборами, лично, государственной властью, в отношении Церквей и отдельных богословов.

Главное не исключало в дискуссиях второстепенного, игравшего в истории да и доселе играющего фальшивую роль "вышеглавного"; второстепенное в этой роли "заместителя" должно было вести и вело к чему-то, не имеющему отношения к религии, но, однако, тоже чрезвычайно, казалось бы, важному в человеческой жизни. Психологически цепь проста: главное сверхдоступно человеческому сознанию; проще – культ; еще проще – культ, облеченный национально-языковыми, культурными и другими местными и временными обстоятельствами; еще и еще проще – обычаи, передающиеся из века в век, вошедшие в плоть и кровь, поскольку наследственность естественна природе.

Богословские обсуждения истекших тридцати без малого лет касались отмеченных трех главных проблем. Возвышенность богословских рассуждений, впрочем, ни в настоящем, ни в будущем не сможет быть оторвана от "простоты веры" малейшего из малых в христианском обществе. Если не перед высокоумным богословом, то перед

просто священником второстепенное, третьестепенное и даже вовсе нехристианское, нерелигиозное всегда было, есть и будет предметом озабоченности, постоянной проверкой верности Христу и Его Евангелию.

Христология

В начале диалога было твердо заявлено о том, что следует различать существенное и второстепенное в вере, вероизложениях, в практике христианской жизни.

Существенна вера в Господа Иисуса Христа – Богочеловека, вера в Евангелие. Существенно также прохождение жизни по образу и в меру Христову – жизнь со Христом и во Христе. Существенна вера в то, что в Церкви струями живительных вод изливается благодать Святого Духа – Утешителя, живоносная благодать таинств. Существенна вера в Триединого Бога.

Без сомнения, важны словесные формулы, знаменующие веру, однако никакая богословская формула не может, не должна заменять собою Живого Бога, претендовать на всесовершенное отображение Истины.

Как ни важны мысли и деяния человеческие, временные и местные обстоятельства исторических событий, они – второстепенны.

С учетом сказанного диалог в значительной своей части сконцентрировался на достижении согласия в христологии.

Христологический догмат IV Вселенского Собора дал описания тайны Воплощения и вочеловечения Предвечного Логоса, насколько то было возможно для человеческого языка. Формула "неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно" в утверждении двух естеств во Христе парадоксальна. Иначе как парадоксом невозможно было выразить не поддающуюся обычной земной логике тайну. Знаменитые богословы, пытавшиеся проникнуть, насколько возможно глубже, в таинственное, не сделали больше того, что сделали святитель Кирилл Александрийский в согласии с Иоанном Антиохийским и что сделал Халкидонский Собор [13]. Как бы ни выражалась тайна словесно, она в Воплощении и вочеловечении СЛОВА явила Живого Иисуса Христа, нашего Господа; во Христе и в Его Пречистой Матери, Деве Марии – Богородице, тайна стала ощутимой реальностью – в прошлом, когда ее осязали неложные свидетели, во времена формулирования догматов, теперь и в будущем – во веки веков.

В неофициальных встречах и во время официального диалога его участники досконально изучили относящиеся к христологии вопросы [14]. Находясь в ощущении тайны, участники третьего заседания Совместной богословской комиссии, работавшей в Шамбези (Швейцария), три года тому назад христологическое учение выразили следующим образом.

Православная Церковь и Древние Восточные Церкви согласны в том, что было бы недостаточно сказать о Христе, что Он, будучи по природе Богом и человеком, единосущен с Отцом и с нами; необходимо твердо заявить, что Логос – по природе Бог – стал через воплощение по природе человеком. Обе стороны согласны, что Ипостась Логоса стала "сосложенной" (συγθετος), стала соединением Его Божественной несозданной природы в ее собственных воле и энергии, общих с Отцом и Святым Духом, с человеческой природой, которую Он (Логос) воспринял в Воплощении и соделал Своей Собственной, с ее естественными волей и энергией.

Обе стороны согласны, что природы с их собственными энергиями и волями соединены ипостасно и естественно – неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно – и что они различаются лишь в мысли (τη θεωρια μονη). Также они согласны в том, что Тот, Кто соизволяет и действует, есть всегда Ипостась воплощенного Логоса.

Обе стороны согласны в отвержении интерпретаций Соборов, якобы наследующих вполне Оросу III Вселенского Собора и Посланию 433 года, со-

держащему согласие между святителями Кириллом Александрийским и Иоанном Антиохийским.

Православные согласны с тем, чтобы Древние Восточные Церкви продолжали поддерживать свою традиционную терминологию, воспринятую от святителя Кирилла, а именно выражение "Одна природа воплощенного Логоса" (μια φυσιζ του Θεου Λογου σεσαρκωμενη), поскольку они признают двойственное единосущие Логоса, отрицавшееся Евтихием. Эта терминология православными также употребляется. Древние Восточные Церкви согласны в том, что православные правы в их употреблении "двуприродной" формулы, поскольку они признают, что различение природ осознается "лишь в мысли" (τη θεωρια μονη), то есть в том понимании, какое дается святителем Кириллом в посланиях к Иоанну Антиохийскому, Акакию Мелитинскому, Евлогию и Сукценсусу.

Изложенное показывает единство в существе христологического учения Церкви, косвенно подтверждая также принятие богословами Древних Восточных Церквей догматических определений IV, V, VI и VII Вселенских Соборов [15].

Консилиарность

Апостольское наследие выразилось, в частности, в деяниях Вселенских и Поместных Соборов Православия.

О соборной деятельности Церкви следует говорить, имея в виду по крайней мере три замечания [16].

1. Без сомнения, священна фраза *Угодно Святому Духу и нам* (Деян. 15, 28), утверждающая авторитет церковных Соборов. Но именно она свидетельствует о том, что в соборных решениях присутствуют две стороны: Божественная и человеческая.

2. Человеческая сторона не может не быть в зависимости от обстоятельств места и времени, от того или иного состояния и положения Церкви в истории. Отсюда – не все в соборной деятельности абсолютно священно.

3. Консилиарность, иначе – деяния Соборов, не следует идентифицировать с кафоличностью – соборностью Церкви; консилиарность – служебное нечто в отношении всецелой кафоличности – соборности. Доказательство этому в том, что Соборы принимались или отвергались Церковью.

Проблема принятия Древними Восточными Церквами семи Вселенских Соборов Православия не столько трудна, сколько деликатна.

Из предыдущего следует, что догматическое содержание деяний Вселенских Соборов не вызвало возражений в дискуссиях и в общем было принято. Вопрос был не в этом. Также не в том был вопрос, что Древние Восточные Церкви не принимали участия в деяниях четырех Вселенских Соборов, последовавших за Третьим.

Проблема – в психологической ностальгии, поскольку Вселенские Соборы после Третьего, в особенности Халкидонский Собор 451 года, не только не принимались, но и веками осуждались. Деликатность проблемы в том, что простые верующие были воспитаны в этом отвержении и осуждении, и даже не по существу дела, а нумерически и по названию. Само слово "Халкидон" внушало страх, поскольку связывалось отчасти с имперской политикой насилия; число 8 предпочиталось числу 7. Потому во всем, что касается принятия Соборов, применимы категории созидательной икономии.

Смысл заключения Смешанной богословской комиссии, сделанного по этой проблеме в 1990 году, таков. Обе стороны принимают первые три Вселенских Собора, формировавшие общее наследие. Относительно последующих четырех Соборов Православной Церкви говорится, что "утверждение со стороны православных соответствия постановлений позднейших четырех Соборов изложенному выше христологическому согласию встречает позитивное понимание Древних Восточных Церквей". При этом Древними Восточными Церквами определенно подтвер-

ждается учение VII Вселенского Собора об иконопочитании.

В 1990 году Объединенная комиссия по диалогу заключила свои итоговые документы следующим заявлением:

"В свете нашего согласного заявления по христологии... мы ясно поняли, что обе "семьи" всегда с верностью утверждали ту же православную христологическую веру и непрерывное преемство Апостольского Предания, хотя бы и употребляя христологические термины различным образом. Итак, общая вера и преемственная верность Апостольскому Преданию должны быть основой нашего единства и общения" [17].

Эти основополагающие заключения были представлены в Церкви обеих традиций и получили одобрение, в частности, в синодальных определениях Александрийского и Антиохийского Восточных Патриархатов, Румынского Патриархата, Коптской и Маланкарской Церквей.

Снятие анафем

Четвертая встреча Объединенной комиссии по диалогу, проходившая с 1 по 6 ноября 1993 года в Шамбези, была заключительной в том смысле, что наметила практические предприятия, за которыми ожидается воссоединение обеих ветвей Восточного Православия. Программа работы ее участников состояла из пяти пунктов:

1. Какой компетентный церковный авторитет имеется в каждой Церкви для снятия анафем и каковы предпосылки восстановления церковного единства?

2. Какие анафемы в отношении Соборов и лиц должны быть сняты в соответствии с предложением предшествовавшего общего заявления по данному пункту (десятому)?

3. Какова каноническая процедура с каждой стороны для снятия анафем и для восстановления церковного общения?

4. Как могли бы мы понять и осуществить восстановление межцерковного общения?

5. Каковы канонические и литургические следствия полного общения?

После прослушивания ряда докладов, обсуждения в дискуссиях вопросов повестки дня и согласования проектов заключительного документа были составлены совместно не только предложения Церквам относительно снятия анафем, но и общее заключение о необходимости незамедлительного восстановления церковного единства в Восточном Православии.

Ниже приводится текст заключительного документа, принятого Объединенной комиссией по диалогу в ноябре 1993 года:

"1. В свете согласного заявления относительно христологии, сделанного в монастыре св. Бишой в 1993 году, и вторичного согласного заявления, сформулированного в Шамбези в 1990 году, представители обеих церковных семей согласны, что снятие анафем и осуждений прошлого может быть осуществлено на основе их общего признания факта, что Соборы и отцы, ранее анафематствованные или осужденные, суть православные в их учениях. Имея в виду четыре неофициальные консультации (1964, 1967, 1970, 1971 годов) и три официальные встречи, за ними последовавшие (1985, 1989, 1990 годы), мы удостоверились, что обе семьи с верностью содержали ту же самую, аутентичную, православную христологическую доктрину, а также неразрывное преемство Апостольского Предания, хотя бы они и употребляли христологические термины различным образом.

2. Снятие анафем должно быть произведено единогласно и одновременно Предстоятелями всех Церквей с обеих сторон через подписание соответствующего екклезиологического акта, содержание которого включало бы признание с каждой стороны, что та и другая являются православными во всех отношениях.

3. Снятие анафем подразумевает:

а) что восстановление полного

общения с обеих сторон должно быть немедленно приведено в действие;

б) что никакое осуждение прошлого в отношении друг друга, синодальное или персональное, не должно больше применяться;

в) что должен быть согласован каталог Диптихов Глав Церквей для литургического употребления.

4. В то же самое время должны быть предприняты следующие практические предприятия:

а) объединенный подкомитет по пастырским проблемам должен продолжать решать свою важную задачу в соответствии с тем, что было принято Объединенной комиссией в 1990 году;

б) сопредседатели Объединенной комиссии должны посетить Глав Церквей с целью дать более полную информацию о результатах диалога;

в) обеим сторонам следует создать литургический подкомитет, чтобы проверить литургические следствия, вытекающие из восстановленния общения, и чтобы предложить соответствующие формы совместного богослужения;

г) вопросы, относящиеся к екклезиологической юрисдикции, следует передать соответствующим авторитетам Поместных Церквей, чтобы они были решены в соответствии с общими каноническими и синодальными принципами;

д) два сопредседателя Объединенной комиссии по диалогу с двумя секретарями должны предусмотреть издание соответствующей литературы, освещающей общее понимание православной веры, приведшее к преодолению разделений прошлого, а также координирующей деятельность подкомитетов" [18].

Заключение

Заканчивая статью, приведем слова сопредседателя Объединенной комиссии по диалогу митрополита Дамаскина. При открытии четвертой сессии Комиссии он сказал: "Настоящая встреча Полной Объединенной комиссии по диалогу между Православной Церковью и Ориентальными Православными Церквами чрезвычайно важна не только для правильной оценки поистине исторической богословской работы нашей Комиссии, которая производилась на предыдущих встречах, но также чтобы облегчить необходимые екклезиастические процедуры восстановления полного общения".

Дай Бог, чтобы богословский труд, предпринятый три десятилетия назад и ныне завершившийся, принес благие результаты в деле восстановления единства Восточного Православия.

Примечания

1. Ср.: Быт. 1, 2.
2. Ср.: Лк. 12, 12.
3. Лк. 2, 14.
4. Мф. 5, 9; 45.
5. К о с т е р Ш. д е. Легенда об Уленшпигеле. М., 1983, с. 451.
6. Кафоличность – проблема экуменизма. См.: Богословские труды. Сб. 5. М., 1971; Общинен дух и соборность. – В кн.: Духовна Култура. Кн. 5. София, 1977; Aram Keshishian, Conciliar Fellowship – a common Goal, WWC. Geneva, 1992, примеч., с. 113; Возрастание в кафоличности через диалог веры, надежды и любви – путь к единству. – Журнал Московской Патриархии, 1972, № 10.
7. Б о л о т о в В. В., проф. История богословской мысли. Т. IV. Петроград; Лондон.
8. Ср.: Н ь ю б и г и н Л. The Household of God; см. также: Соборы Древней Церкви и экуменическое движение. – Журнал Московской Патриархии, 1966, № 2–3; Апостольское наследие и некоторые вопросы современной екклизиологии. – Журнал Московской Патриархии, 1973, № 9.
9. Ср.: Encyclical Letter "VERITATIS SPLENDOR", regarding certain fundamental Questions of the Church moral Teaching. Vatican.
10. Исторические связи Русской и Эфиопской Церквей. – Журнал Московской Патриархии, 1974, № 3.
11. Исповедание веры Святейшего Патриарха Эфиопской Церкви Абуны Теофилоса. – Журнал Московской Патриархии, 1972, № 6, 7.

12. Поснов М. Э. История христианской Церкви. Брюссель, 1988, с. 400; Болотов В. В. История богословской мысли. Т. IV, с. 224.

13. К диалогу о Халкидонском Соборе. – Журнал Московской Патриархии, 1970, № 1; Христология Древних Восточных Церквей в богословии Севира Антиохийского. – Там же, 1975, № 10–12; Екклезиастикос Фарос. Т. III. Афины, 1976, с. 357–386.

14. Перспективы экуменизма в Дохалкидонских Церквах. – Журнал Московской Патриархии, 1986, № 9; Новая жизнь в Древней Церкви. – Там же, 1967, № 2.

15. К диалогу с Нехалкидонскими Церквами Востока. – Журнал Московской Патриархии, 1971, № 1.

16. День Пятидесятницы и соборность. – Журнал Московской Патриархии, 1968, № 6.

17. Документы Объединенной богословской комиссии по диалогу в заседаниях 23–28 сентября 1990 г. в Православном центре Константинопольского Вселенского Патриархата, Шамбези, Женева.

18. Communique of the Joint Comission of the Theological Dialogue between the Orthodox Church and the Oriental Orthodox Churches. Geneva, November, 1993.

Н. ЗАБОЛОТСКИЙ

Награда священнику

Министр обороны Венгрии Лайош Фюр наградил знаком второй степени "За оборону" настоятеля Никольского храма города Воронежа протоиерея Петра Захаровича Петрова. Отец Петр награжден за содействие поиску могил венгерских солдат, погибших и захороненных на Российской земле во время второй мировой войны. Министр наградил воронежского священнослужителя по инициативе фонда "Уход за могилами погибших на Дону". На месте десятка найденных захоронений установлены кресты. Отслужены панихиды по венгерским и советским воинам, погибшим на воронежской земле во время Великой Отечественной войны.

Награда вручена отцу Петру Чрезвычайным и Полномочным Послом Венгерской Республики в России господином Дьёрдем Нановским.

Анатолий ТОЛСТИКОВ

Памяти архиепископа Саратовского и Вольского Пимена

Архиепископ ПИМЕН (в миру Дмитрий Евгеньевич Хмелевский) родился 26 сентября 1923 года в городе Смоленске. Его отец Евгений Михайлович Хмелевский окончил юридический факультет Московского университета, работал юрисконсультом в Москве, в 1918 году был направлен в Смоленск в качестве юрисконсульта Смоленского госбанка. Здесь он познакомился со своей будущей женой Марией Евгеньевной Львовой из старинного дворянского рода, состоявшей в родстве с Меландерами, а через них с родом Ганнибалов. Дмитрий был единственным ребенком в семье, крестил его иеромонах Симфориан, который при крещении сказал, что мальчик будет монахом, и не просто монахом, а архиереем.

Родители были людьми глубоко верующими и интеллигентными в самом высшем значении этого слова. Они привили сыну любовь к Церкви, к красоте богослужения. Впоследствии Владыка вспоминал: "В Церковь меня привело восхищение перед красотой, которую я, будучи еще ребенком, видел, посещая храмы с матерью. Потом пришли годы, когда Церковь стали преследовать, церковнослужителей и сами храмы уничтожать, а иконы, собранные в громадные кучи, сжигать. При виде всего этого крепло во мне чувство – защитить эту красоту, отдать вере жизнь и связать с ней свою судьбу навсегда и бесповоротно".

В Смоленске юноша окончил среднюю школу. Началась война. Годы оккупации он частично провел в Смоленске, частично в Белоруссии, в Жировицком монастыре. От болезни и голода умерли его родители, сам он тяжело болел и трижды чудом спасался от рук фашистов. В это время он знакомится с протоиереем Иоанном Голубом и его супругой Стефанидой Ивановной Голуб, которые после смерти родителей становятся его духовными наставниками. Постоянная связь с ними, неизменная духовная забота с их стороны давала ему поддержку, помогала в жизни.

В 1943 году Дмитрий поступает в Жировицкий монастырь, где исполняет должности секретаря канцелярии, а затем кладовщика. Вскоре отец Боголеп рукополагает его в монахи с именем Пимен и назначает ризничим. Работая келарем, он вставал в пять часов

утра, просеивал муку, будил звонаря, а иногда и сам звонил в колокол. Все эти самые простые работы он делал с любовью и христианским смирением.

В 1945 году иподиакон Пимен поступил в Минскую духовную семинарию, которую с отличием окончил в 1949 году. В том же году он был рукоположен в иеромонаха и направлен в Московскую Духовную Академию. В 1951–1953 годах иеромонах Пимен – студент Академии, исполняет обязанности благочинного академического и семинарского духовенства. В 1953 году он окончил Академию со степенью кандидата богословия* и был оставлен в ней профессорским стипендиатом. Затем его назначили преподавателем катихизиса в Академии и одновременно исполняющим обязанности священника домовой церкви в резиденции Святейшего Патриарха Алексия I в Москве.

В 1955 году Пимен был возведен в сан игумена и назначен заместителем начальника, а потом начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Там он был рукоположен в сан архимандрита Патриархом Иерусалимским и всея Палестины Венедиктом.

Находясь на Святой Земле, в месте, откуда начала свое победное шествие наша вера, архимандрит Пимен впитывал в себя всю целительную чистоту и силу святыни, ощущал дух самого Христа, ходившего по сей земле. Духовное богатство, приобретенное им в Святой Земле, он пронес через всю свою жизнь и впоследствии щедро делился им со своей паствой. Но, кроме духовной стороны, в его служение входили и мирские заботы. Иногда возникали трудности во взаимоотношениях с израильскими властями, когда, например, они, не считаясь с правами Миссии, проводили шоссейные дороги по земле, принадлежавшей Русской Церкви, и т. п. Архимандрит Пимен был официальным представителем советской стороны на переговорах с израильской властью и с трудом, но улаживал большинство таких конфликтов.

В 1957 году решением Святейшего Патриарха Алексия I и Святейшего Синода архимандрит Пимен был вызван в Москву и назначен помощником, а затем наместником Троице-Сергиевой Лавры. В том же году он посетил Югославию в составе делегации, возглавляемой Святейшим Патриархом Алексием I. Русские иерархи совершали богослужения в югославских православных храмах, посетили Иосифа Броз Тито в его резиденции в Белграде.

В феврале 1958 года Совет Московской Духовной Академии присвоил архимандриту Пимену звание доцента за его работу (стипендиатский отчет): "Христианское учение о духе, душе и теле по трудам епископа Феофана и епископа Игнатия Брянчанинова". В 1957/58 учебном году он преподавал в Московской Духовной Академии пастырское богословие, а в 1960–1966 годах – логику.

Пребывание его в должности наместника Лавры пришлось на трудное для Церкви "хрущевское время", когда опять закрывались церкви, семинарии, запрещалось под разными предлогами, а чаще и без всяких причин совершать обряды, верующих забирали в милицию или их увозили на милицейских машинах прямо из Лавры. Архимандрит Пимен старался максимально помочь Церкви в этой трудный для нее час. Он добивался от местных властей, чтобы милиция не трогала прихожан, старался уладить все конфликты непосредственно в милиции. Помогал Патриарху находить контакт с высшим начальством и Советом по делам религий.

Но и в то сложное время не уменьшалась тяга людей к Богу, не ослабевало у многих из них желание послужить Церкви в трудный для нее час. За время пребывания архимандрита Пимена наместником Лавры с благословения

---

*Кандидатское сочинение он писал на тему "Святоотеческое учение о духе, душе и теле человека в связи с его нравственным совершенствованием".

Патриарха Алексия I он постриг в монахи многих воинов Христовых, ставших в дальнейшем видными деятелями Церкви, в том числе нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, митрополита Минского Филарета, митрополита Краснодарского Владимира, митрополита Нижегородского Николая, архиепископа Омского Феодосия и многих других.

Много внимания уделял архимандрит Пимен производившимся в Лавре ремонтно-реставрационным работам. Как человек, основательно разбирающийся в искусстве, он понимал и значение Лавры как важнейшей части национального художественного достояния России.

В эти годы он знакомится со многими деятелями культуры и дружбу с ними проносит через всю свою жизнь. Круг этих людей так велик, что трудно всех перечислить; вот только некоторые из них: художники Р. Кент, А. Н. Бенуа, композитор Б. Бриттен, виолончелист М. Растропович, певица Г. Вишневская, писатель К. Чуковский и многие другие.

Годы, проведенные в Лавре, были для архимандрита Пимена незабываемыми, душой и сердцем он привязался к этому святому месту, чтил Преподобного Сергия и Животворящую Троицу и потому, когда узнал о скором назначении его архиереем, не без грусти принял эту весть.

10 января 1965 года в трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Пимен был рукоположен в сан епископа Саратовского и Волгоградского. Хиротонию совершили Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I, митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен и епископ Волоколамский и Юрьевский Питирим.

По приезде в Саратов Владыка узнает, что кафедральный собор его епархии также посвящен Святой Троице, Троица как бы повсюду сопровождает его: в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в Сергиевой обители, теперь в Саратове. Владыка принял это как знак Господнего попечения о нем и его служении, он очень чтил этот храм и в течение двух лет (1965–1966 годы) провел в нем большие реставрационные работы. Каждую среду он читал акафист Иисусу Сладчайшему перед чудотворным образом Спаса Нерукотворного.

Работы в епархии было очень много. Владыка занял весьма активную христианскую позицию, он начал с того, что стал добиваться возвращения Церкви пяти приходов в Волгоградской области, закрытых в хрущевское время. Дело это потребовало двухлетних усилий. Сначала он пытался решить вопрос в местных органах, но ничего не смог сделать; тогда он обратился с соответствующей просьбой к председателю Совета по делам религий В. А. Куроедову, и тот обещал решить положительно этот вопрос. Сам Владыка так описывал открытие прихода в Нижней Добринке: "Верующие пришли к секретарю райисполкома просить об открытии храма, тот показал им свою палку-трость и сказал: "Видите: как на этой палке никогда не будут зеленеть листья, так никогда вам не видать этого храма". И вдруг – распоряжение из Москвы: "церковь открыть". Это событие как раз совпало с двухлетием архиерейской хиротонии Владыки.

Епископ Пимен старался с самого начала своего архиерейства лучше узнать свою епархию. Об объезжает все приходы, проповедует, благословляет народ, узнает нужды паствы и клира. Рачительных священников, хороших хозяев своих приходов, он выделяет наградами, и, если храм бедный, но содержится в чистоте и порядке, Владыка всегда находит теплое слово для пастыря и прихожан. Богослужение епископ Пимен совершал вдохновенно, для него оно было целью жизни; в своих воспоминаниях он пишет: "Каждую минуту пасхального богослужения я ощущаю большую духовную радость и утешение". Проповеди его были не только на богословские темы, но часто

и на исторические, он рассказывал о святых местах, в которых побывал сам и хотел, чтобы его паства больше о них знала.

Важной составной частью своего епископского служения Владыка считал дело христианской проповеди среди русской интеллигенции. Он был настоящим миссионером в этой небольшой, но обладающей большим влиянием на умы и сердца сограждан группе людей. Непосредственно общаясь с писателями, художниками, актерами, Владыка Пимен открывал для них вечное евангельское слово. Так, он был очень дружен с М. Растроповичем и Г. Вишневской, а 2 мая 1970 года по их просьбе обвенчал их у себя в домовой церкви. Позже он крестил актрису И. Муравьеву. Сохранилась его переписка с Б. Бриттеном, большая дружба связывала Владыку с выдающимся деятелем русской культуры, главным художником театра "Ла Скала" А. Н. Бенуа. Он знал многих солистов Большого театра, Кировского театра: А. Огнивцева, Б. Штоколова и других. Его портреты были написаны И. Глазуновым, А. Шиловым. В те трудные для Церкви и интеллигенции годы, когда многие боялись посещать храмы, он как бы наводил мосты, прокладывал дорогу нашей интеллигенции к храму.

Такая насыщенная жизнь была возможна только благодаря тому, что епископ Пимен был очень пунктуален в обращении со временем. День его был расписан по минутам, и расписание это выполнялось неукоснительно. Уже с утра было известно, где он будет служить обедню, какие у него дела на день, скольких человек и кого именно он примет, куда поедет служить всенощную.

Конечно, активность Владыки, его постоянная забота о церковном благе не нравились ни в Совете по делам религий, ни в местных органах. И в 1975 году, когда он вновь ставит вопрос о возвращении храма в селе Балакове, закрытого в 60-е годы и превращенного в Дом культуры, Владыка наталкивается на резкий отпор: "Если вы не успокоетесь, – отвечали ему на все ходатайства, – Совет по делам религий примет меры: вы и так чрезмерно расширили молитвенный дом в городе Энгельсе". Эта неудача не остановила Владыку, он сосредоточил свои усилия на том, чтобы был разрешен церковный звон в Саратове, и добился его восстановления.

В 1977 году он был возведен в сан архиепископа, в котором усердно трудится и все дальнейшие годы. Особенно большую работу архиепископ Пимен проводил в последнее время, когда стало возможно и осуществимо то, чего он всегда добивался ценой огромных усилий. Он постоянно заботится об открытии новых храмов, создании новых приходов, церковных общин, часто делает доклады, выступает в школах, консерватории, университете, воинских частях и в тюрьме. После докладов по нескольку часов отвечает на вопросы слушателей. Вся его энергия направлена на расширение круга прихожан в церквах Саратовской епархии. Каждый месяц он проводит епархиальные собрания, объясняет, какие возможности и права предоставили Церкви, как вести ремонт во вновь открывшихся храмах. Храмов открывается все больше и больше, и в каждом даже в самом отдаленном селе он старается побывать и провести архиерейское служение. В 1989 году с благословения и при участии архиепископа Пимена была открыта первая в России духовно-певческая школа "Конкордия" под руководством Н. Н. Рубцова при Казанском кафедральном соборе города Волгограда.

Общественные интересы глубоко волновали Владыку Пимена. Так, он был членом Общественного комитета спасения Волги со дня его основания. Он обращался лично к бывшему Председателю Верховного Совета СССР А. И. Лукьянову и написал ему письмо, где изложил ряд конкретных мероприятий для улучшения экологии бассейна Волги.

Большое место в жизни архиерея занимала музыка. Он любил и хорошо знал симфоническую и оперную клас-

сику. У него была огромная фонотека, состоящая из 3600 пластинок, многие из которых были подписаны авторами сочинений или их исполнителями. В 1990 году архиепископ Пимен был даже приглашен на конкурс им. Чайковского почетным членом жюри.

В 1990 году архиепископ Пимен по приглашению местных властей посетил город Ковентри (Англия), где проходили траурные мероприятия, связанные с пятидесятилетием разрушения города немецкими бомбардировщиками. Он участвовал в богослужениях и освящал часовни и иконы. Здесь состоялось знакомство архиепископа с королевой Великобритании Елизаветой II. В беседе Владыка кратко рассказал о своей родословной и добавил, что состоит в родстве с королевой. Владыка всегда чтил своих предков, изучал генеологию, занимался изысканиями для составления своего родословного древа, он даже сделал научное открытие, установив родственные связи между Пушкиным и Гоголем.

В результате деятельности архиепископа Пимена епархия Саратовская и Волгоградская чрезвычайно расширилась, за два года было открыто 70 храмов. В связи с этим Святейшим Синодом был решено разделить епархию на две, и с 1990 года Владыка Пимен стал архиепископом Саратовским и Вольским. В этом же году он начинает хлопотать о восстановлении в Саратове Свято-Алексеевского скита женского монастыря, а также о передаче бывшего архиерейского дома епархиальному управлению для возобновления работы в нем Саратовской семинарии, печальная судьба которой (она дважды закрывалась) очень волновала архиерея. Два года огромных усилий потребовалось на что, чтобы стало возможным открытие семинарии. На этом праздничном акте Владыка подарил семинарии более двухсот книг из своей личной библиотеки.

В 1991 году после семидесятилетнего молчания при непосредственном участии Владыки был возобновлен журнал "Саратовские епархиальные ведомости". Для многих номеров журнала архиепископ Пимен давал свои статьи, отражающие широкий круг его интересов. В 1992 году по благословению Владыки была отстроена и освящена архиерейским служением часовня Блаженной Ксении в Саратовской исправительно-трудовой колонии № 33. В этом же году был наконец возвращен Свято-Алексеевский скит.

В последний год своей жизни архиепископ Пимен много болел, чувствовал себя плохо, но, несмотря на это, все помыслы его и заботы были о епархии. Он посещал экзамены в семинарии, интересовался уровнем знаний ее воспитанников. Понимая, что храмы, возвращенные Церкви, находятся в запущенном состоянии, он старался добиться от местных властей субсидий на их ремонт, а также выделения средств на семинарию и журнал. У мэра города решался вопрос о создании особого фонда для финансирования вновь открывающихся храмов. Кроме этого, Владыка заботился о духовном образовании и воспитании подрастающего поколения: он занимался открытием православной гимназии – был уже создан оргкомитет и разработан устав. Незадолго до смерти, в ноябре 1993 года, архиепископ Пимен передал в мэрию список из 44 принадлежавших Церкви объектов города Саратова, которые должны быть возвращены в ведение епархии.

За годы своего служения в сане архимандрита, а затем епископа и архиепископа Владыка Пимен неоднократно награждался различными церковными наградами: орденом святого равноапостольного князя Владимира I степени, орденами Преподобного Сергия (I и II степени), орденами св. Даниила Московского (I и II степени). Кроме этого, он имел награды и от других Православных Поместных Церквей: Патриаршие кресты от Болгарского и Румынского Патриархов, орден Александрийской Церкви святого апостола Павла (II и III степени), ливанский орден Христа Спасителя (II и III степени), орден Архиепископа Синайской Горы

(I, II и III степени) и орден Гроба Господня от Иерусалимской Церкви.

10 декабря 1993 года архиепископ Пимен скончался. Чин отпевания архипастыря был совершен 12 декабря 1993 года после Божественной литургии в Свято-Троицком кафедральном соборе города Саратова. Службу возглавил архиепископ Волгоградский и Калининский Герман. Погребение новопреставленного архиепископа Пимена было совершено по благословению Святейшего Патриарха Алексия II в ограде Свято-Троицкого кафедрального собора, в алтарной нише.

...Почти тридцать лет назад во время своей архиерейской хиротонии архимандрит Пимен в своем слове сказал: "Я твердой рукой приму жезл епископа и здесь, перед всей Церковью, даю слово отдать всю свою жизнь на честное и самоотверженное служение Церкви Божией, на благо нашей Родины, *право правя слово Истины* (2 Тим. 2, 15) и *благовествуя Евангелие Царствия Божия* (Мк. 16, 15)".

Всей своей жизнью архиепископ Пимен оправдал эти слова.

Л. ВЛАДЫШЕВСКАЯ

Подписано в печать 07.06.94. Заказ 2406. . Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. В ХРАМЕ

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ